В ЗАЩИТУ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВОБОД

№ 9

Составитель И.Никифоров

С О Д Е Р Ж А Н И Е

I. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

1. В.Сокирко. Экономика 1990 года: что нас ждет и есть ли выход? - - 1
2. И.Н. Комментарий - - 17
3. В.Сокирко. Письмо Ф.А.Абрамову - - 19
4. Ник. Андреев. Кое-что о гранях дефицита - - 21
5. Ав. См. Возможен ли социализм без инфляции? - - 56
6. И.Н. О методике "представительного товара" - - 80

II. ИСТОКИ

7. В.Артемов. Возможен ли коммунизм как экономическая система? - - 83
8. Ав. См. Имманентные противоречия реализованного социализма - 110
9. Из книги А.Солженицына "Октябрь 1916 /предисловие И.Н./ - 129

III. В ЗАЩИТУ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВОБОД

10. Из книги В.Гроссмана "Всё течет" /предисловие М.А./ 141
11. В.Артемов. Идеологии социальной справедливости 143
12. А.Марченко. Письмо американским рабочим 146
13. Из книги В.Буковского "И возвращается ветер..." 151

I. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В.Сокирко

ЭКОНОМИКА 1990-го ГОДА: ЧТО НАС ЖДЁТ И ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД?

Два главных чувства преобладают ныне в экономических разговора недовольство настоящим и бессилие что-либо понять и тем более измени Но эти же недовольства и бессилие угадываются вбесчисленных и беспл ных попытках властей реформировать и благоустроить наше плановое хозяйство. Едва отойдя от вакханалии хрущёвских перестроек, с 1965 г мы видели и попытку проведения либеоальной экономической реформы, и её отмену, потом куро на автоматизацию планирования и управления посредством АСУ, потом введение производственных объединений вместо главков, затем программноцелевое планирование, а в этом году-новое постановление ЦК КПСС "О совершенствовании хозяйственного механизма вновь пропагандируется как коренной поворот к будущему улучшению. Ни в одной капиталистической стране хозяйственный механизм не претерпевал столь частых "коренных" реорганизаций и реформ. И тем не менее хозяйственные затруднения не разрешаются, а лишь усугубляются Всё большему числу людей становится очевидным, что все последующие попытки "реформирования" тщетны, пока не будет устранено главное: претензия государства обладать абсолютной экономической властью в форме всеобщего планирования.

Сама идея совершенного планирования из центра всех трудовых действий представляется абсурдной; но в том-то идело, что этот абсурдный идеал провозглашен не прямо /официально говорят о централизованно планировании лишь главных пропорций, оставляя частности на усмотрение предприятий/, а косвенно - через запрет автоматического рыночного балансирования всех этих частностей, случайностей и ошибок планирования. Конечно, запрещенное идеологически и юридически, рыночное регулирование по необходимости все же существует. Через толкачей, снабженцев, леваков, дельцов, чёрные и прочие рынки, где вместо денег действуют связи, блат, дефициты - оно всё же увязывает концы с концами плохо и с большими потерями, но всё же балансирует хозяйство и тем позволяет ему существовать.

На деле нет и быть не может чисто планового хозяйства. На деле только и есть: нелегальное рыночное хозяйство, задавленное и изуродованное гиганской системой директив и планов, пытающихся смоделировать те балансовые решения, которые могли быть установлены обычным путем рыночного регулирования. Без рыночной корректировки, и тем более против неё, план всегда опаздывает, неточен, ошибочен, антиэкономичен. Хороший хозяйственный руководитель всегда борется с планом, нарушает и инструкции и законы, всегда виноватый, всегда преступник и потому находится в личной зависимости от милующей его до поры до времени власт

Либеральная экономическая реформа 1965 г. была неосуществима в самой своей идее: освободить хозяйство от мелочного регламентирования, дать ему в качестве экономического стимула прибыль, и в тоже время-не легализовать рынок и ценновое /рыночное/ регулирование. Хозяйство обрекали на хаос, оставляя его даже без грубой госпланов-ской балансировки /по обобщенным позициям/. Эту реформу можно было или развить частичным введением рвночного регулирования - как и произошло в Венгрии - или вернуться вновь к усилению централизованного планирования. После чехословацкой неудачи 1968 г. у нас произошел окончательный поворот к идеалу совершенного планирования, теперь на основе вычислительных машин и АСУ. Химеричность этих надежд была по понята сразу после многомиллионных затрат на АСУ и ухудшения качества планирования.

Последнее постановление о совершенствовании планирования на деле уже не вводит никаких радикальных изменений. Констатируя необходимость кардинальных улучшений, оно уныряет лишь на стёршиеся лозунги о повышении ответственности, усилении материальной заинтересованности, поощрении инициативы, улучшении планирования и т.д. Провозглашается перевод хозяйства на показатель чистой продукции, как главный показатель работы. Однако это тоже неосуществимо в условиях планового хозяйства, как провозглашенный в 1965 г. перевод предприятий на показатель прибыли. Ведь балансировать сверху можно только вал, материальные потоки, а не чистую продукцию.
И если предприятия будут в погоне за премированием пренебрегать валовыми показателями ради максимума чистой продукции, то быстро наступит та же дезорганизация плановой работы, которая уже началась однажды -в 1965 г. после введения показателя прибыли.
А в остальном почти ничего нового, как будто власть выдохлась.
И чувствуется, что сами создатели этого постановления несут в себе двойственный дух недовольства и бессилия, когда дальше ехать некуда и остается только латать всё увеличивающиеся дыры, ожидая развязки.

2.

Если посмотреть на динамику развития совеоского хозяйства за последние годы, то прежде всего бросается в глаза снижение темпов роста главного экономического показателя страны -национального дохода: за период 1951-1956гг. - 11,4%
1956-1960гг. - 9,2%
1961-1965гг. - 6,5%
1966-1970гг. - 7,8%
1971-1975гг. - 5,7%
1976-1980гг. - 4,1% /ожидается/

Само по себе падение темпов роста по мере увеличения объёма хозяйства у развивающейся и догоняющей Запад страны - явление естественное, тем более что прирост нашего населения низок- меньше 2% в год, что должно обеспечивать повышение материального благосостояния людей даже при небольшом росте национального дохода. Важно другое: приостановится ли эта тенденция снижения темпов роста на сколько-нибудь приемлемом уровне /например, в развитых капиталистических странах средний темп роста национального дохода, как правило, 4"-5%. Если нынешнюю тенденцию падения темпов роста национального дохода в СССР экстраполировать в будущее, то получится, что уже в 1985-1990 гг. прирост национального дохода станет меньше прироста народонаселения, и страна начнет нищать: не относительно других стран, а абсолютно, и не по отдельным группам населения, а в целом. Прежнее положение, когда большинство населения год за годом всё улучшало свое материальное положение и потому мирилось со многими неурядицами и со своим бессилием -исчезнет, что откроет эру социальных потрясений. Страшное предсказание Амальрика о конце системы в 1984г. становится реальным социально-экономическим прогнозом на 1990 год и его окрестности. Если же мы учтем, что официальная статистика не учитывает реально протекающую инфляцию /по некоторым исследованиям -около 1,5 / в среднем навесь валовой/, тобреальный темп роста национального дохода уже сейчас находится на уровне 2-3% в год, и страна начнёт реально нищать ещё раньше 1984 года. Прогноз Амальрика может оправдать даже по срокам.

Чтобы предсказание не сбылось необходимо слндущее:

I/ начиная с нынешнего года темпы роста национального дохода снижаться не будут, а при благоприятных условиях даже повысятся до 4-5%, свойственных нормальным капиталистическим странам, и будет несколько превышать рост народонаселения;

2/ понизится прирост населения до отрицательной величины /потому что I-2% и так очень низкий прирост/. Но не думаю, что кого-нибудь устроит процесс национального вымирания.

В первом варианте следует рассмотреть перспективы двух факторов, за счет которых может устойчиво расти национальный доход: рост производительности труда за счёт технического прогресса, и рост трудовых ресурсов, особенно в части их квалифицированности и умения. Впрочем, есть ещё и третий важный фактор. Высокие темпы роста национального дохода могут быть достигнуты за счёт широкой распродажи природных ресурсов страны. Так наивысший /???/ уровен

материального благосостояния достигнут не в развитых странах, а в Кувейте и иных нефтедобывающих странах...

Стало почти общепринятым, что плановое хозяйство органически противится любым техническим нововведениям и уступает им лишь под сильным нажимом власти, вынужденной конкурировать с Западом, или при закупке иностранной, более совершенной техники и технологии. Тьма существующих у нас научно-технических организаций сегодня работает или в холостую, или паразитирует на западных образцах. В условиях планового хозяйства нет главного условия технологического прогресса: рыночного выявления эффективности новой техники и технологии. Из-за этого рыночного регулятора и отбраковщика" наша страна расплачивается трудом в холостую её инженеров и учёных, продажей природных богатств за технические новинки, принципиальной отсталостью. Ибо за срок внедрения у нас любого западного достижения там успевает родиться и внедриться новое. В плановом хозяйстве неустранимы огромные потери из-за балансовых неувязок /в рыночной экономике они возникают обычно только в периоды кризисов/. Сегодня, согласно даже официальной статистике, уровень производительности труда в нашей стране больше чем в двое ниже этого уровня в США*.

С этим ещё можно было бы мириться, когда страна "догоняет", сокращая разрыв по этому /следуя определению Ленина/ь главному критерию прогрессивности общественного строя. На деле оказался утопией даже вариант равных с Западом темпов роста производительности труда / но на более низком уровне абсолютного её значения/. Так я сам слышал от лектора на курсах повышения квалификации, что в последние годы темпы роста ~~труда~~/ производительности труда в нашей стране ниже, чем во всех развитых капиталистических странах, и что этот факт "очень тревожен". Не знаю как для наших властей, но для меня это сообщение было не просто тревожным, а грозным свидетельством перехода их "догоняющих" в "регрессирующие", сигналом "начала конца". Прошли времена когда можно было утешать себя: пусть мы живём пока что хуже Запада из-за прошлых войн и разорений, но год от года общество живет всё лучше и скоро станет с миром в ровень. Общественному сознанию придётся смириться с чувством национальной ущербности, с комплексом неполноценности неизлечимо бедной страны, неспособной, второсортной страны-неудачницы. Но смириться с этим не одно национальное сознание не способно. Дело может окончиться общенациональным кризисом и социальной перетряской.

---

* Возможна и другая модель. В некоей абстрактной стране за счёт массовой закупки новейшей техники и технологии /"выхватывания патентов/ при жесткой организации их использования/ можно превзойти уровень производительности труда в некоторых из развитых капиталистических стран, достигнув высокого материального благосостоя-

Что же касается до возможности поддержать достаточный рост национального дохода и материального достояния с помощью форсированной продажи природных ресурсов, то этот источник близок к исчерпанию и не спасет нас в предстоящем десятилетии. Дело в том, что хоть в принципе мы обладаем огромными запасами ископаемых /ведь шестая часть суши захвачена предками для нас, одной пятнадцатой части человечества/, но ближние запасы ископаемых, доступные для дешевой добычи и "рентабельной растраты сегодня, при реальных наших силах и технике - близки к исчерпанию.

Было время, и Россия торговала с миром продуктами земледелия - они ведь тоже в немалой степени дары земли, природные рессурсы. Сегодня мы потеряли силы и способности, чтобы брать отнашей земли её продукты и себе на прокорм и на вывоз. Сегодня 80% нашего экспорта состоит из ещё более даровых нефти, газа, руд и цветных металлов - не говоря о пушнине, лесе, рыбе, икре и тому подобном, но добыча и этих земных даров требует труда и капитала. Надежда прожить весь этот век кувейтскими шейхами /чтобы не сказать проще паразитами/ на продаже и ратрате национальногоблагосостояния - беспочвенна. Тем более, что природные ископаемые не восстанавливаются, как плодородие почвы или квалификация рабочей силы, а тают по мере выкачивания. Нефтяные скважины перестают фонтанировать, и чтобы поддержать поток нефти, землю накачивают водой, травят кислотой, топят паром и огнём, бурят намногие километры вглубь до самых дальних горизонтов, тратят несметное количество труда при резком понижении качества получаемого продукта. Примерно тоже происходит с газом, падение добычи которого сегодня ещё компенсируют освоением дальних уголков нашей родины, терпя огромные убытки в северных условиях, при постройке тысячекилометровых газопроводов. То же самое с древесиной, ибо леса около дорог и сплавных рек уже вырублены, а строительство новых дорог и выращивание нового строевого леса требуют гигантских затрат труда, времени и денег. Выбитый пушной зверь и выловленная рыба требуют дотаций на звероферны, рыбколхозы и т.д. и т.п.

ния, обеспеченности и социальной устойчивости. Но для этого надо обладать гигантскими запасами, легко доступными, природных ресурсов и идеально вымуштрованной рабочей силой /немецкого или японского образца/. Практически этот вариант для нашей страны исключен.

Одно только сохранение достигнутого уровня добычи природных даров требует всё увеличивающихся затрат труда и капитала /и чем дальше, тем больше, вот в чем ужас!/, не говоря уже о росте объёмов этой добычи, необходимом для удовлетворения потребностей ратущего народного хозяйства и расширения экспорта, т.е. валютных поступлений, достаточных для поддержания роста нашего материального благосостояния, для покупки западной техники и компенсации ернизкой производительности труда. Уже сегодня становится становится очевидным, что мы вступаем в эру бессилия и неспособности даже взять и продать свои природные богатства! Так в последние годы в нашей стране стремительно рос объём добычи нефти, подхлёстываемый ростом мировых цен, обеспечивая валюту и рост национального дохода. Долгое время Госплан считал, что этот поток будет нарастать и в будущем, планируя на 1990 г. получить не меньше 750 млн. тонн. И лишь в последние годы наступило отрезвление. Доступные на сегодня месторождения уже освоены и компенсировать естественное падение добычи нечем. По слухам, Министерство нефтяной промышленности теперь планирует на 1990 г. лишь сохранение нынешнего уровня добычи 582 млн. тонн, конечно, при ещё большем росте капиталовложений и труда, чем в прежние годы/ периоды.

С добычей газа дело обстоит пока лучше и рост её объёма будет продолжаться, особенно при обострившемся дефиците нефти. Однако, надо учитывать, что в общем балансе энергетических ресурсов газ - только 2%, и потому трудно надеяться, что за его счёт можно долго преуспевать.

Стабилизация добычи нефти может означать в скором времени прекращение нефтяного экспорта, даже переход его к его импорту ради собственных "всё возрастающих нужд. Повторится история с российским зерном! Но если за зерно мы ещё способны расплачиваться колымским золотом, то для покупки нефти уже никакой Крымы не хватит. Энергетический кризис вплотную подошёл к нашему порогу.

Одно их главных препятствий к продолжению добычи угля, нефти, руд сегодня - не столько бедность ресурсов, сколько неразвитость инфраструктуры, в частности железных дорог. Заготовленный лес годами гнрёт в Сибири на товарных складах /под Красноярском и в других местах/ и бесцельно становится трухой из-за перегруженности дорог, не находя пути к потребителю. БАМ несколько исправит положение, облегчит вывоз даров Сибири на мировой рынок, но один БАМ, конечно же не решит проблемы.

Пожалуй в скором времени для нас единственным выходом покажется

ся привлечение иностранных рабочих и капиталов /как это уже происходит с помощью стран СЭВ/ - переход от природных богатств к распродаже концессий, т.е, права на извлечение этих ископаемых. Тогда при определенных гарантиях и выгодах в страну хлынут иностранные деньги и рабочие - как во всякую колонию. Однако, полученная экономическая передышка станет крайней отупенью национального паразитизма и порогом национального краха.

Наконец - трудоспособность населения, которая тоже ведь не есть неизменная величина. Так может быть, она-то нас и спасёт? К сожалению, нет.

Как раз в области трудовых ресурсов мы уже находимся в состоянии кризиса. Это знает и чувствует вся наша страна, каждый человек. Количественно говоря, выбраны уже все резервы рабочей силы: официально работают почти все, хотя на деле, конечно, многие только паразитируют на государственной службе. Особенности же демографического роста приведут к тому, что в предстоящем десятилетии прироста рабочих рук просто не будет. Зато количество детей и пенсионеров возрастет. Конечно, это неприятная случайность, но она совпадёт с наступающим кризисом и усугубит его.

Обычно считают, что непрерывный рост образования и производственного обучения повышает эффективность рабочей силы, увеличивая её производительность. Но плановое начало вторгается и сюда: обязательность среднего образования /всеобуч/ приводит повсеместному снижению требований и к падению качества обучения и трудового воспитания. Несколько лучше положение в высшей школе, поскольку там ещё сохранился конкурс и отсев. Однако, её выпускников поджидает беда того же планового, т.е. нерационального распределния трудовых рессурсов.

Не меньше, если не больше бед приносит запрет на увольнение излишних или плохих работников /под флагом борьбы с безработицей/, ибо поощряет недисциплинированность, безделие и пассивность, прогулы и пьянство. Справиться с этими бедами в плановом хозяйстве можно только двумя методами: угрозой тюрьмы и пряником материального ~~расста~~/роста. Первый способ широко исполтзовал Сталин, и, надо сказать, успешно: жесточайший террор, не сравнимый по тяжести с простым увольнением, воспитад -таки трудовое и дисциплтнированное поколение, которое до сих пор рпботает хорошо - просто в силу привычки, по инерции. Однако в предстоящем десятилетии эти ветераны выйдут на пенсию. Тем, кто хоть немного ~~учился~~ старших трудовых порядков,

кому в 1953 г. было 25 лет, в ближайшие годы будет 55-60 лет. Их же дети имеют совсем иное воспитание, совсем иные привычки и интересы. Они не будут хорошо трудится при любых условиях, как их отцы, они привыкли не работать, а получать жалование - своего рода пособие по безработице. Как правило, хорошо работать они будут ввиду перспективы повышения их индивидуального заработка выше среднего уровня, что заставляет ценить своё место и бояться его потерять.

Другой способ дисциплинирования кадров - тюрьмой, сегодня не может стать основным, ибо стране, пережившей великий террор, психологически трудно к нему вернуться. Поколение идейных фанатиков, из которых можно было рекрутировать беззаветных чекистов- вымерло подчистую.

Сегодня единственным работающим стимулом является рост зарплаты. Но не в меру общего роста реального дохода, а сверх него, чтобы за счёт этой разницы создавать очаги временной конкуренции за обладание выгодными рабочими местами. Такие различия не могут быть устойчивыми. Быстрый отлив работников из невыгодных мест заставляет повышать зарплату и там. Такой круговорот ведёт лишь к инфляционному росту заработной платы, не обеспеченному соответствующим выпуском товаров.

Процессы эти идут уже во всю, катастрофически убыстрятся они в ближайшие годы. Сегодня же особенно тяжелое положение с рабочими в деревне - несмотря на то, что в последние годы государством были затрачены гигантские усилия, чтобы вырваться из сельскохозяйственного кризиса. Некоторые успехи в производстве зерна и мяса почти начисто съедаются развращением и разбазариванием деревенских трудовых ресурсов - этого главного родника, питающего до сих пор трудовыми руками всё наше хозяйство.

При Сталине деревня жила ужасно. Но зажатые паспортными и другими запретами, получая за свой труд в колхозах мизер, селяне выживали в основном за счёт продукции приусадебных участков, кормились с них, урывая ещё на продажу в город, чтобы на вырученные деньги купить необходимые городские товары /иных источников денег просто не было/. Но вот режим ослаб, отток людей на лёгкие городские хлеба и комфорт культуры усилился, а прекратить его решили единственно возможным сегодня средством - деньгами. Зарплата нынешнего сельского механизатора 200-300 руб., что превышает доход среднего горожанина. И хотя отток людей из села не ослаб /благ городской культуры для молодёжи важнее денег, да и сами деньги

в городе весомее/ трудовое прилежание оставшихся не увеличилось, а сильно снизилось. Ибо они, как и прежде получают не за результаты труда, а за должность, место /большие деньги, щедрая поставка техники и капиталовложений - только развращают доступностью этих благ/, зато теперь им не надо корпеть на личных огородах, выращивать овощи, молоко, мясо на продажу, а для себя эти продукты можно заказать в магазине. Вот где причины упадка производства сельхозпродуктов в личном хозяйстве, которое даже на сегодня составляет около 30% от общего с/х производства страны. Прирост продукции в колхозах и совхозах, достигаемый сегодня благодаря неимоверным усилиям воастей и закупкам иностранного оборудования, почти начисто съедается падением производства на приусадебных участках. Самый большой пример: программа подъёма сельского хозяйства Нечерноземной зоны, в которую за последние годы вложили много миллиардов орелств на строительство, мелиорацию и техническое перевооружение; тем не менее объём сельхозпродуктов не растет, во многих областях прямо падает.

Кризис сельского хозяйства, собственно, уже начался. Всё больше совхозов и колхозов ищут для работы шабашников или вызывают из города шефов" /даровую рабочую силу/. Но с шабашниками надо расплачиваться большими деньгами, а за весьма непроизводительный шефский труд платит государство - жалованием по месту их службы. Многие совхозы уже не мыслят своего существования без сотен приезжих "шефов". Весь летний сезон те заменяют здесь основную рабочую силу. Местных же хватает только на должности звеньевых и кладовщиц, чтобы было кому командовать, покрикивая на приезжих горожан, как на ленивое быдло. Высокооплачиваемые рабы, высокоученое быдло - где ещё видали такие парадоксы? И далеко ли ещё катиться?

Сфера торговли и услуг находится в ещё более печальном положении. Отсутствие нормальных рыночных, равновесных цен - это едва ли не главный порок директивного планирования - порождает неизбежные равновесия в торговле, излишки одних и дефицит других товаров. При инфляционном росте зарплаты преобладает, конечно, дефицит - набирает силу необходимо связанный с ним чёрный рынок. Государственная торговля и сфера услуг становятся почти неизбежно, агентами этого нелегального рынка. Равновесие между вздутым/денным/ денежным спросом и скудным товарным предложением - устанавливается поднятием нелегальных цен на дефицитные товары /продажа из-под прилавка/, ухудшением качества

товаров /разбавление и обвешивание/, хамоким обращением, и ещё массой разных других способов, отваживающих покупателей от покупок.

Всё, что государство отдаёт отдельным категориям работников в качестве инфляционного излишка, затем отбирается торговцами и спекулянтами и тратится ими на собственное гипертрофированное потребление. Но вину за это последнее следует возлагать всё-же на государство, создавшее своим планированием эти диспрпорции и потери, а затем запретом на гибкие цены и рыночное регулирование - мешающее выравниванию этих диспропорций и потерь, а затем и конкуренции между самими спекулянтами. Пускай вины на спекулянтах нет, а их деятельность в целом даже полезна и необходима /балансирует спрос и предложение/, но их самих эта деятельность развращает и портит, делает неспособными к нормальной трудовой деятельности, к нормальной торговле и услугам. Обогащение за счёт разницы между рыночной и государственной ценой /или расценкой/ - это одно, а эффективная конкуренция в торговле и услугах - совсем другое. И когда придёт час окончательного развала планового хозяйства и мы окажемся не только без сельского хозяйства и промышленности, но без сферы услуг.

3.

Простое экстраполирование предсказывает кризисную точку где-то на рубеже 1990 года, с учётом непризнаваемой инфляции - в районе 1984 года, понимая под ней начало падения национальнлгл дохода на душу населения, т.е. начало абсолютного обнищания населения СССР. Однако, анализ источников роста национального дохода показывает, что плавно снижающаяся кривая темпов его роста в ближайшие годы, видимо резко упадёт вниз, к отрицательным величинам.

Конечно, этот вывод следует незамедлительно проверить и подкрепить /или опровергнуть/ более тщательным исследованием. Я убежден, что наши профессиональные экономисты и социологи среди которых есть обеспокоенные судьбами страны, обладая техникой моделирования основных тенденций развития /по примеру таких зарубежных прогнозистов ; как Медоуз, Форрестер и др:, а в нашем случае основные тенденции развития более устойчивы и легче поддаются моделированию / -не могут не взяться за эту общественно необходимую работу.

Однако социальные процессы, хотя и зависят от экономического положения, но далеко не прямо, и обладают собственной инерцией. Конечно, начало абсолютного обнищания большинства людей породит сильнейшее недовольство, однако ещё далеко

не сразу приведет к взрыву. При прогнозировании последнего необходимо учесть и внешнеполитические обстоятельства, и национальные распри, и те контрмеры, которые обязательно предпримет власть, чтобы отвести надвигающуюся угрозу. Сейчас можно только продумать логически вероятные сценарии развития кризиса. Конечно, их может быть несколько. Мне наиболее вероятным представляется следующий вариант:

I. Руководство страны продолжает нынешнюю "оппортунистическую" политику поддержки внешнего благополучия без радикального изменения курса - вплоть до явного кризиса. Социально-экономические болезни нашего общества запущены до состояния неизлечимости. К сожалению, наиболее вероятен именно этот вариант /моя оценка-90%/ как из-за догматических иллюзий руководства, так и из-за р развращенности и пассивности низов, включая образованные слои.

2. С момента, когда средняя зарплата людей /реальная/ начнет не расти, а снижаться, болезнь вступит в стадию острого протекания, что выразится в громком недовольстве, снижении производительности труда и падении трудовой дисциплины. Поддерживать последнюю хозяйственные руководители кое-как смогут лишь форсированным, фактически бесконтрольным повышением зарплаты своих работников, что без товарного обеспечения /а откуда оно?/ приведет к росту инфляции. При сохранении плановой системы, т.е. неизменных в принципе цен на товары, инфляция будет иметь вид растущего дефицита товаров, что будет означать расширение черного рынка, нелегальных операций, объёма спекулятивной прибыли и размера вынужденно-паразитеческого потребления чернорыночников.

Таким образом абсолютное обнищание советских людей будет сопровождаться, как ни парадоксально, сильнейшим обогащением верхних слоев - чернорыночников и номенклатурной элиты, находящейся на спецснабжении. В предверии экономического кризиса усилится классовый раскол общества - основа социальной катастрофы.

Этому процессу не помешает даже введение карточной системы - излюбленное средство экономического спасения диктатур в крайних условиях. Здесь оно бесполезно, потому что у потерявшей доверие системы не будет беззаветных защитников, способных эффективно ввести карточную систему и сурово нормировать потребление всех людей без изъятия, начиная с самих себя. Введение карточной системы в нынешних условиях приведёт только к формализму, нелегальному обходу новых запретов, дальнейшему

расцвету и усилению чёрного/ рынка, на котором будут продаваться уже не дефицитные, но попросту - ворованные из распределителей товары и продукты.

3. Очень важно, что недовольство большинства людей обрушится в первую очередь на чернорыночников, ккк на "хозяев положения" и новых господ выскочек /привилегии управляющей номенклатурной элиты для массового сознания более традиционны и привычны/. Именно их будут винить массы во всех своих бедах. Будут винить не справедливо, ибо истинная вина лежит на управляющей элите, вцепившейся в свою абсолютную экономическую власть, в абсурд "планирования."

В этот-то момент и вскроется, что наша официально-плановая система на деле - кентавр: планово-чёрнорыночный, легально-нелегальный. И чем хуже планирование, чем больше его просчеты и диспропорции, тем больше дела для исправляющего его черного рынка, тем больше он жиреет, утилизируя эти диспропорции в потреблении своих агентов. Трагедия в том, что к агонии и развалу ринутся не только плановое хозяйство и корректирующий его черный рынок, но сама идея рынка; ибо для массового сознания именно черный рынок представится главным виновником краха. У нас нет ни достаточно чёткого понимания, ни даже чёткого различия в действительности: между чёрным рынком - необходимым дополнением плановой системы - и нормальным рынком, к которому следует перейти всей нашей экономике, чтобы излечиться от своих давнишних болезней. Агония планового хозяйства будет сопровождаться ростом ненависти не только к чёрному рынку, но и к неотделимым от него элементам здорового рынка, существующим в нашей стране уже сейчас. Это чревато ростом симпатий к прежнему крепкому хозяйству плановому -ведь в экономике приходится на деле выбирать между основными типами организации-плановым или рыночным.

Развал планового хозяйства и рост массовых симпатий к плановому хозяйству -это ли не дьявольская ирония нашей несчастной истории? А рост народной ненависти к чёрному и иному рынку только подхлёстывает власти в их надежде извернуться, сохранив лозунг "социализма" - принцип централизованного планирования, что окончательно доконает экономику... Но что толку видеть этот исторический капкан недалёкого будущего, раз нет понимания того, ~~что~~ как избежать его?

4. По-видимому, в качестве последнего средства укрепления дисциплины карточной системы и трудового энтузиазма руководство прибегнет к внешнеполитическим авантюрам, обычным для разваливающихся общественных систем. Тем более, что наш растущий противник военный - Китай - будет с помощью Запада усиливаться год от года. Однако, как и бывало уже не раз авантюры, развязанные с целью укрепить систему, означают начало её конца. Наступит "час Амальрика": мы вступим в свой 1984 год.

Однако, даже пережив ещё одну перетасовку и разруху, оставшиеся в живых люди сохранят ненависть прежде всего к рыночному беспорядку и мечту о восстановлении крепкого, безрыночного "порядка", чистой сталинщины. И они достигнут этого - но только ценой катастрофы. Мечта о Сталине сегодня - нелепа и утопична, ибо некому её осуществлять. Зато после катастрофы, в эпоху политического развала, национального разброда, иностранного вмешательства, вооружённых банд и вымирания наиболее гуманных, образованных, совестливых и трудолюбивых людей - в огромном бродиле "неестественного отбора" гражданской войны выкуются кадры будущих фанатиков и беззаветных исполнителей; вот тогда Сталин вернётся обязательно. Круг замкнётся.

Достаточно скоро нам придётся своей шкурой испытать банальный революционный расклад, много раз повторявшийся в иных восточных "развивающихся" странах. Деспотическая правящая элита в союзе с хищнической компрадорской буржуазией ведут страну к развалу и взрыву, в котором и гибнут, увлекая за собой и ростки ещё не развившегося нравственно и экономически здорового рыночного хозяйства /национальной буржуазии/. После всегубительного пожара в стране воссоздаётся лишь укреплённый и очищенный от рынка - буржуазии деспотизм -диктатура в других одеждах /и, конечно, тут же заводится новый чёрный рынок/.

Да, круг замкнется, но через смерть -нашу и наших детей. И когда потомки будут разбирать причины и исследовать возможности иного выхода из нынешней, ещё не совсем пропащей ситуации /у меня лично ещё есть слабая надежда на мирное проведение коренных реформ/, их поразит нынешняя слепота и потеря чувства опасности -и у верхов, и у всего общества.

Повторяю, я убежден, что шансы к спасению есть, хотя они исчезающе малы. На чём основаны мои надежды?

I. Наша страна ещё совсем недавно пережила опыт сталинщины и пока в народной памяти живы её мрачные уроки, до тех пор стремление людей к твёрдому порядку будет соединяться с мечтой о законном, свободном, демократическом строе.

2. В стране растёт разноверие. Наряду с официальным марксизмом и признаваемым православием есть множество христианских сект и находится в стадии вызревания не меньшее количество всяких коммунисти-

ческих и национальных /националистических/ ересей. Но такой плюрализм вер и идеологий также может помешать возрождению новой сталинщ/ины, ибо необходимая её база -единая государственная идеология /неважно какого свойства/. Одновременно рост различных вер увеличивает общее количество разноверующих в стране и укрепляет их мораль, нормы которой часто оказываются близкими. Нравственное же возрождение - необходимое условие социального спасения.

3. В стране растёт уважение и авторитет индивидуальной и групповой свободной трудовой деятельности, как в области физического труда, так и интеллектуального труда -кустаря, шабашника, частника, приусадебника и т.д. Сюда же надо отнести и всех работников государственных хозяйств, которые ведут себя не как чиновники, винтики, а как настоящие хозяева - себе и потребителям на пользу: директор предприятия и председатель колхоза, изобретатель и учёный ... да мало ли их? Главное, что эти люди по мере ослабления и развала планового хозяйства окажутся способны к конструктивной работе спасения - по собственной инициативе.

4. В отличие от прежних эпох существующее в стране оппозициионное диссидентское движение носит подчёркнуто легальный правозащитный характер -и не из-за тактических соображений, а по своей внутренней сути. Оно защищает основные свободы человека, в том числе право на свободный труд, и не в коей мере не заражено брезгливостью к рыночной экономике. И пока именно правозащитное движение будет возглавлять, а потом и формировать оппозиционное массовое сознание, до тех пор в стране будут развиваться и укрепляться начала свободно жизнедеятельности людей, а страна увеличивать свои шансы на спасение.

5. Руководство страной чем дальше, тем яснее чувствует, что надежды на систему всеобщего планирования - тщетны, что единственной альтернативой гибели является радикальный и твёрдый поворот к высвобождению культурных и экономических сил отдельных людей - то есть к рыночному социализму, ленинскому НЭПу, осмысленный поворот, потому что всякие половинчатые реформы, вроде провозглашённый в 1965 г, только внесут в систему сумятицу и погубят дело спасения. Радикальный -потому что болезнь зашла далеко и ждать уже некогда; твёрдый-потому что процесс перестройки всегда связан с трудностями и риском Но консервативной альтернативы этому нет.

Призывая власть к настоящим реформам, мы должны сами, независимо от неё, искать достойную форму своей трудовой деятельности, чтобы обеспечить себя и свою семью: не за счёт государственной благотворительности из кошелька распродажи национальных богатств, а за счёт личного труда. Мы обязаны приветствовать всех людей, живущих ~~за счёт~~ свободными

свободными тружениками, умея быть полезными для людей /конечно, я имею в виду не только физический труд/, помогать им и защищать их свободу. Мы должны требовать от государства, чтоб оно ценило их и помогало именно таким, свободным и трудолюбивым людям, ибо в них - шанс страны на спасение.

И тогда может быть, мы сумеем выполнить свой долг.

- -

Публикация речи т.Л.Брежнева на Ноябрьском пленуме ЦК КПСС о положении народного хозяйства лишь подтвердила мои ожидания. Сам факт обнародования столь критической речи говорит о резком ухудшении экономической ситуации; говорит, что дальше молчать и твердить лишь об "успехах" невозможно. Впервые мы слышим резкие обвинения министерств и ведомств, осуждающих Госплан, конкретные обвинения ряда министерств, впервые признаётся тяжёлое положение ряда народохозяйственных отраслей - транспорта, энергетики, добычи нефти, производства качественного металла и т.д. - провал общих хозяйственных планов.

Из последующего доклада председателя Госплана СССР Байбакова на Верховном Совете СССР стало ясно, что в 1979 г. национальный доход вырос всего на 8 млрд. рублей. Лишь косвенно из доклада можно понять что абсолютный объём национального дохода в 1979 г. равен 408 млрд. рублей. и что темпего роста был меньше двух процентов.

Из утверждения Байбакова можно понять, что рост населения в последние годы был всего лишь 0,9%/кстати, столь низкий общий прирост населения СССР, учитывая, что многочисленное население Средней Азии и Закавказья растёт много быстрее означает для народов России, Украины и Прибалтики, по-видимому отрицательный прирост, т.е. вымирание/. Следовательно, рост национального дохода на душу населения в 1979 г. по официальным данным составляет около I,I%, а если учесть весьма сдержанную, но официально не учитываемую оценку ползучей инфляции в I,5%, то можно сказать, что уже в 1979 г. материальное благосостояние советских людей не повысилось, а снизилось, пока только на 0,4%

И я уже сейчас вынужден сделать поправку: начало конца наступило не в 80-х годах, а в 1979 г. - по исторической насмешке предпоследнем году наступления коммунизма /"построения в общих чертах"/, как обещает до сих пор Программа КПСС. И мы, возможно, ещё испытаем коммунизм в 80-х годах, только не хрущёвский, с "бесплатным транспортом" а реальный, военный коммунизм...

Снижение благосостояния ещё невелико и неощутимо для привилегированных слоёв населения - жителей столиц, сельских механизаторов, высокопоставленной интеллигенции, не говоря уже об элите и чёрнорыночниках. Но для провинции и малооплачиваемых работников это снижение обнаружится очень скоро и очень болезненно, а для мыслящих людей эти цифры звучат похоронным звоном. Не от того ли тревожны призывы

Брежнева к удвоенной и утроенной энергии его помощников, для подъ
тия качества продукции и производительности труда, ибо -иных
альтернатив нет"?

Однако и этот голос сверху становится тут же голосом в пустыне, а очередная пропагандистская кампания в печати - лишь мёртвым и искажающим эхом чьей-то возможно действительной тревоги.

Призыв к повышению качества и эффектмвности - уже не альтернатива, а битая карта, ибо в десятой пятилетке она была испробована и не привела к положительным результатам. Настаивать на ней сегодня - значит настаивать на иллюзии.

Единственной настоящей альтернативой для страны и её руководства осталась отныне лишь честная и бесстрашная переоценка ценностей, и прежде всего - скорейший отказ от смертоносной идеи всеобщего планирования, немедленная легализация общественного, рыночного регулирования.

Долг всех честных и понимающих людей - потребовать этого открыто. Именно сегодня. Ибо завтра будет поздно.
Поэтому я и составил это письмо.

30.II.1979г.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ:

Статья В.Сокирко "Экономика 1990 года" была послана в газету "Правда" со следующим предисловием:

"Уважаемая редакция! Я понимаю, что моя статья не может быть опубликована и потому прошу лишь одного: обсудите ее, раскритикуйте и убедите в беспочвенности или необоснованности изложенных в ней опасений, ибо многие думают, а еще чаще чувствуют аналогично мне. Мои попытки обращаться с вопросами о надвигающемся кризисе к специалистам приводили их в ужас /а, вернее, в молчание/ запретностью самой темы. Думаю, что Вы могли бы помочь мне и другим в получении аргументированной критики, поэтому я пишу Вам, хотя, честно говоря, мне и страшно.

Жду ответа и обсуждения этих тем на страницах Вашей газеты.

С уважением Сокирко В.В.

В ответ из редакции газета "Правда" прислала письмо следующего содержания:

"109388, МОСКВА, ул. Гурьянова 43-238
Сокирко В.В.

Написанное Вами не может быть предметом обсуждения, оно провокационно и по духу, и по содержанию.

Все Ваши рассуждения о ликвидации централизованного планирования и переводе социалистической экономики на рельсы рыночного хозяйства есть, другими словами, предложение о ликвидации общественной собственности на средства производства, т.е. о ликвидации социалистического строя.

Однако, к Вашему сожалению, наша экономика успешно развивается и впредь будет развиваться темпами, которые недоступны капиталистической системе. И конечно, не случайно виднейшие буржуазные экономисты вот уже много лет пытаются изобрести способы перевода капиталистической рыночной экономики на рельсы планирования.

С.Родин
отдел пропаганды марксистско-ленинской теории.
14.3.80."

Коротко по поводу ответа:

I. Итак, от дискуссии по существу дела или хотя бы разъяснений по существу редакция "Правды" уклонилась, причем сделала она это далеко не в лучшей и не слишком корректной форме. Очень жаль, потому что составитель сборника вполне разделяет тревогу В.Сокирко за тенденции развития экономики нашей страны. Если бы г.Родин написал

ответ по существу, мы охотно включили бы его в сборник, и читатели самиздата имели бы реальную возможность с ним ознакомиться. И если г. Родин упустил эту возможность честно пропагандировать марксистско-ленинскую точку зрения среди "диссидентов", то, очевидно, лишь потому, что ему нечего было ответить по существу.

2. Предложение о ликвидации централизованного планирования вовсе не обязательно означает ликвидацию государственной /или "общественной"/ собственности на средства производства. В Югославии, Венгрии, отчасти в Польше рыночное хозяйство существует, хотя управляют этими предприятиями не частные владельцы, а директора. Заявление С.Родина по этому вопросу просто нечестно.

Впрочем, нечего рассматривать предложение о ликвидации социалистического строя как некое пугало, которое само по себе является уголовным преступлением. По идее, социализм хорош не сам по себе, а потому, что он соответствует интересам народа. Если же в действительности он интересам народа не соответствует, то от него нужно отказаться.

3. Далеко не все "буржуазные" экономисты пытаются изобрести способы перевода капиталистической рыночной экономики на рельсы планирования, а те, что говорят об этом, имеют в виду скорее те или иные формы государственного регулирования и прогнозирования, чем плановое хозяйство по советскому образцу. Нарочито самоуверенное высказывание С.Родина отражает либо его некомпетентность, либо намерение затемнить суть дела.

4. Только очень нечистоплотный человек мог написать фразу: "...к Вашему сожалению, наша экономика успешно развивается и будет развиваться..." Все работы В.Сокирко выражают боль и тревогу за неэффективный способ ведения хозяйства в нашей стране. В этом может убедиться каждый, кто прочтет работы Сокирко.

И.Н.

дания, ювелирные изделия и т.п. и _____

79

Письмо Ф.А.Абрамову

/отклик на его послание землякам "Чем живем-кормимся", опубликованное 17.II.1979 г. в "Правде"./

Дорогой Фёдор Александрович!

Ваше письмо пинежским землякам волею газеты "Правда" теперь обращено ко всем читателям "Правды" в городе и деревне, ко всем советским гражданам. И заслуженно: Вашими недоумениями и болью мучаются повсюду, не только в деревнях, но и в городах. Но Вы правы, обращаясь именно к деревне, там процесс развращения большими деньгами за плохую работу идёт особенно быстро и болезненно. /выделено составителем - Е.Н./

Но двойственное чувство возникает при чтении Вашего письма: признательности за искренние, смелые, неравнодушные слова и досады от непонимания очевидных экономических связей или простого лукавства /последнее было бы хуже всего - ведь иногда полуправда хуже лжи/.

Да, ещё совсем недавно деревня голодала и бедствовала, сидя без денег. Изворачивалась на своих приусадебных участках, чтобы и себя прокормить и ещё в городе продать, чтобы было на что купить необходимые городские товары. И хоть худой был заработок во многих колхозах, но и за него работали люди, ибо без него жить нельзя было. Конечно, уходили в города, но не многим это удавалось. Остальные работали.

Теперь всё изменилось. Теперь в деревню заманивают зарплатой повышенной городской. Но результата не достигают: молодёжь продолжает уходить в город, где культура, где перспективы, где свобода выбора, где дефицита меньше, а деньги значат гораздо больше.

В самой же деревне лёгкие деньги совершенно подорвали стимул к работе - как на личных участках /зачем надрываться в грязи, раз деньги с базара уже не нужны, а продукты можно купить в сельском, а при случае - и в городском магазине?/, так и в общественном хозяйстве /ведь платят там не за результаты труда, а за должность, за службу, за халтуру, просто так, только чтоб израсходовать выделенные государством деньги.../ единственный способ заставить сейчас людей что-то делать - заплатить им ещё дороже, превысить уже и так высокий уровень зарплаты -"без всякого роста надоев, привесов, урожаев", как справедливо писали Вы в своём письме землякам. "Вольно или невольно", но жители деревни превращаются в нахлебников у государства. Но что такое государство? - это ведь лишь другие деревни и города, а там происходит то же развращение лёгкими деньгами и пьянством. И остаётся только удивляться, как это мы ещё живы, зачей и счёт наша сегодняшняя материальная жизнь даже улучшается, если и мы все работаем чем дальше, тем хуже?

Мне кажется, можно найти ответ на этот вопрос: 1/ за счёт продажи, экспорта природных ресурсов нашей богатейшей в мире земли завоёванной предками для нерадивых потомков; 2/ за счёт заимствования, импорта чужестранной техники и технологии, плодов чужого разума, и наконец, 3/ за счёт ещё сохранившихся у старого поколения запасов трудолюбия и совести. Этим мы сегодня живы ещё и внешне даже благоденствуем. Но эти источники не бесконечны. Иссякнут легкодоступные месторождения золота, нефти и прочего сырья, не за что будет покупать западные достижения, да и не дадут больше копировать, а главное, вымрет старшее поколение /как я боюсь этого!/ - и вот тогда инфляционный процесс выдачи лёгких денег

за бездарную службу окончательно заведёт нас в тупик: денег у наших детей будет много, а товаров – совсем ничего, один дефицит. Кризис, катастрофа, гибель – мы идём к ней неуклонно. Даже совестливые и работящие люди, которых у нас пока ещё много, ничего не могут сделать в этой безнравственной ситуации. Ведь глупо стараться, когда в итоге твой труд оказывается зряшным, когда всё идет вперекосяк, когда что-либо можно делать лишь по разрешению ничего не понимающего центра. Глупо стараться и на своём личном участке, когда просто запрещают продавать плоды с огорода, а велят лишь сдавать за бесценок на беспризор и гниение. Глупо подталкивать своих детей на борьбу за хорошее руководство – ибо никакой местный руководитель не может поломать решительную систему тотального руководства всем из центра. Глупо стараться об украшении своего села, потому что хозяева в нём – не люди, а опять же – приезжее начальство со своими планами благоустройства, реконструкции, монументальной пропаганды и т.п. – планами часто глупыми, но зато утвержденными сверху.

Большинство этих людей сегодня надеются только на перемены сверху, на приход нового твёрдого руководсва или, как Вы остроумно заметили, –"нового барина". Не имея традиций законности, свободы самостоятельности, наши люди не могут придумать ничего иного, как только мечтать о новом Сталине, конечно, без злого Берии. – традиционная русская мечта о добром, но грозном царе вновь возрождается в новых одеждах. И это, может быть, самое страшное – и не только потому, что многие при этом погибнут, но и потому что новый Сталин ведь не решит этих проблем.

Я считаю: единственным спасением нас от надвигающегося экономического банкротства и будущей сталинщины была бы радикальная перестрйка экономических отношений в деревне /да и в городе тоже/. Коренная перестройка/оценка отношений руководства к людям. А именно: надо поддерживать и поощрять всех работающих, результативных людей и перестать кормить бездельников только за то, что они занимают "определенную должность". Дать возможность и не мешать добиваться полного успеха трудолюбивым и инициативным людям, где бы они не работали, от директора совхоза до частника на своём огороде, освободить от мертвящей и неумной опеки хозяйственников, дать им возможность прямо работать на потребителей, договариваясь с ними о ценах, объёмах и сроках – добровольно и свободно, без вмешательства и ненужных ограничений сверху-но не на словах, а на деле, запретив такое вмешательство даже партийным органам под страхом уголовного наказания. А плохо работающий, убыточные хозяйства надо лишать поддержки, дотаций, закрывать их к чёртовой матери, продавать их имущество преуспевающим хозяевам. Держать на работе только хороших работников, нещадно выгонять "нероботь".-Только тогда будет развеяна душная атмосфера апатии и пьянства.

Заметьте, Фёдор Александрович, я не предлагаю ликвидации колхозов и совхозов, внедрения капитализма и т.п. Я говорю только о единственно возможном выходе из тупика, в который мы зашли. Мне трудно понять, почему Вы сами не требуете такого же, а ограничиваетесь только моральными призывами, в осуществление которых сами не верите. Нет, сейчас уже нет времени для полуправды, для сохранения удобных иллюзий. Если Вам действительно дорога русская деревня, её будущее, если она Вам дороже официальных иллюзий и собственного благополучия, то Вы сами до конца разберётесь во всех поднятых Вами же вопросах и обратитесь к людям уже с реальными и коренными советами, не убоявшись никакой демагогической критики, которая на Вас может обрушиться. Вы сделаете это обязательно, ибо сами знаете -времени остается очень мало.

С уважением В.Сокирко 20.II.1979 г.

Ник. АНДРЕЕВ

КОЕ-ЧТО О ГРАНЯХ ДЕФИЦИТА

Последнее время в печати всё чаще появляются публикации о проблеме дефицита потребительских товаров в нашей стране и о проблеме очередей. Нет, пожалуй, ни одной центральной газеты, не уделившей за истекший год внимания этому вопросу.

Присоединяясь к оценке злободневности данной темы сегодня, не можем вместе с тем не отметить, что проблема дефицита и очередей была остро актуальна в любой взятый наугад период советской истории начиная со времени залпов "Авроры", вплоть до момента конституционного удостоверения окончательного построения в стране общества развитого и зрелого социализма. Очевидно, что речь идет о некоем органически присущем всем фазам социализма явлении.

Оставим в стороне периоды революции коллективизации, войны и послевоенной разрухи. Тридцать лет страна живет в мире и свободна от каких-либо экономических потрясений. Тем не менее оставшийся с послевоенного голодного времени дефицит товаров первой необходимости – хлеба, масла, мяса и т.п. за это время не только не ликвидирован /за исключением хлебопродуктов/, но в своем перечне определенно расширился.

Вот дополнительный к маслу и мясу список товаров, дефицит которых, раз возникнув, постоянно углубляется, несмотря на неоднократные повышения цен, либо проявляется в виде периодических провалов в торговле, приводящих к массовой закупочной лихорадке: это – и традиционно русские виды рыбных изделий от деликатесов до селедки, и товары первой необходимости, такие, как лук, пищевая сода, мыло, стиральные средства, постельное белье, мужские сорочки, ситец, простые женские чулки, мужские носки, детские колготки, махровые полотенца, эмалированная посуда, это – и товары общего массового спроса – зубной порошок и косметика, электролампы и батарейки, часы-будильники и термосные колбы, запчасти к швейным машинам и обыкновенные нитки, стройматериалы большинства наименований и остро необходимые товары сельского спроса от кос, подков, шипов и гвоздей для ковки лошадей до керосина. Особую статью составляют дорогостоящие товары длительного пользования, приобретение которых кроме мод диктуется выгодой помещения в них накоплений населения в связи с обесцениванием денег, а именно: автомашины, ковры, мебельные гарнитуры, холодильники, хрусталь, сортовые меха, дубленки, книжные издания, ювелирные изделия и т.п. И наконец – все те импортные товар

и ширпотреб, качество производства которых в нашей стране не соот
ствует мировым стандартам, а таких большинство.

Приведенный список дефицита не полон, но достоверен. Он подве
ден советской цензурой печати, т.к. почти целиком составлен нами
материалам газетных публикаций "Горчица в подарок" /Литературная
газета № 19 от 10 мая 1978 г./, "Лампочка от фонаря" /ЛГ № 10 от
7.03.79 г./, "Лампочка Алладина" /ЛГ № 4 от 14.II.79 г./ "Отчитали
с лихвой, а прилавок пустой", "Грани дефицита" /Советская Россия
№ 200 от 31.УШ.78 г./ и некоторых других.

О гранях дефицита и поговорим.

Было бы несправедливо разрядить здесь полемический запал прот
авторов вышеназванных статей за беспомощность предлагаемых ими объ
яснений причин этой хронической болезни, поразившей весь организм
материальных отношений в нашем обществе – вскрытие подлинных ее пр
чин в советской печати было бы сенсацией. Спасибо авторам и редакци
ям уже за самое публичную постановку вопроса о повсеместных очередя
и повсеместном дефиците, как перманентном явлении нашей социалисти-
ческой действительности. О том же, насколько глубоко эта злокачест-
венная анемия проникла в мельчайшие поры повседневной жизни всех
слоев населения громадной страны, т.е. о масштабах и значении этой
проблемы может судить каждый и без газет на основании собственного
опыта.

А опыт 250-миллионного населения вэтом деле поистине огромен,
так что все попытки официальной прессы с наивным видом объяснить
причины дефицита "временными трудностями" или тем, что-де такие-то
органы или те-то должностные лица что-то не предвидели или что-то
не доделали, представляются до смешного несерьезными.

Главные причины перманентного дефицита потребительских товаров
в стране следует искать в основополагающих принципах советской си-
стемы хозяйствования, а именно: в общих органических свойствах на-
шей плановой экономики производства /I/, в планомерной инфлиционной
политике государства /2/ и в органических свойствах плановой эконо-
мики сферы обращения товаров /3/. Именно по этим сторонам эконом и-
ки проходят подлинные, а не мнимые грани дефицита.

I. Вопрос о том, что директивное натуральное планирование всех
сфер производства, действующее в качестве единственного побудитель-
ного импульса народного хозяйства, в отличие от свободно-рыночной
системы хозяйства по своей природе не может с требуемой полнотой
отвечать интересам потребительского спроса на товары, достаточно
подробно исследован не только в зарубежной, но и советской экономи-

ческой литературе – особенно в дискуссионных выступлениях вокруг планировавшихся хозяйственных реформ в начале 60-х и середине 70-х годов.

Необходимо наперед оговориться, что прибегая здесь и в дальнейшем изложении к сопоставлению плановой экономики и экономики свободного рынка, мы не отождествляем первую с экономикой социализма вообще и не считаем вторую присущей только капитализму. Мы говорим здесь лишь о двух принципиально различных подходах к системе хозяйствования, каждый из которых, как показывает практика других социалистических стра, на равных правах /но с разной отдачей/ можем быть использован и в нашей стране без ущерба для ее социально-политического статуса.

Действующий в стране беспрецедентно громоздкий механизм централизованного планирования в конкретной номенклатуре всех объектов производительной деятельности от прокатных станов до пуговицы, кроме ряда других отрицательных последствий для экономики в целом, в деле реагирования на спрос несет в самом себе неизбежный тормозящий фактор. Замкнутый в едином для огромной страны центре – Госплане, сам цикл планирования, включающий в себя такие непременные его элементы, как сбор заявок, составление, обоснование, обеспечение, утверждение, доведение до предприятий, запуск в производство, осуществление и реализацию в сфере обращения, в силу объективно не поддающихся устранению причин растянут во времени настолько, что между начальным этапом планирования предстоящего выпуска продукции и ее поступлением к потребителю проходит от одного до полутора лет.

При этом планирование по своей сути обращено во вчерашний день а именно: опирается на достигнутые, т.е. – пройденные – показатели, действующие, т.е. – вчерашние – нормативы и стандарты, и, разумеется, – на вчерашние данные, характризующие спрос населения на на те или иные товары. Очевидно, что как бы идеально ни разрабатывался план применительно к существующему спросу на продукцию, он в принципе не в состоянии учесть изменения конъюнктуры спроса на период самого цикла планирования, если эти изменения происходят по кривой, хотя бы чуть отличающейся от простой арифметической прогрессии. Поскольку же спрос капризен и никогда не развивается по простым законам арифметики, то в замыкающей цикл планирования точке абсолютно неизбежны разрывы между производством и спросом по конкретным позициям товарной номенклатуры соответственно в сторону дефицита одних товаров и сверхнормативных запасов других.

Разрывы эти пропорциональны длительности цикла планирования и поэтому проистекают отнюдь не из-за нерадивости работников планирующих органов, как это принято представлять впечати, а объективно заложены уже в самой методологии плана, которая в упрощенном виде сводится к принципу: сегодня производим то, что было нужно год назад, а то, что нужно позарез сегодня, запланируем на четвертый квартал будущего года.

В соответствии с законом больших чисел, общий объем дефицита товаров должен был бы уравновешиваться такой же массой сверхнормативных запасов, т.к. непредвиденное увеличение спроса на одни товары должно в среднем соответствовать непредвиденному падению конъюнктуры на другие. Однако ни одна экономическая система - ни социалистическая, ни свободно-рыночная - не может себе позволить такой роскоши, как заранее предвидимое накопление запасов товаров в объеме годового превышения производства над неучтенным снижением спроса. Поскольку же в советской экономике отсутствует механизм непосредственного воздействия спроса на деятельность производственного предприятия, бороться с подобным расточительством оказывается возможным только плановыми методами, т.е. только путем занижения планируемого производства товаров по всем тем позициям, где предстоящие колебания конъюнктуры оказываются по каким-либо причинам не вполне ясными. Этим, естественно, увеличивается общий заложенный в плане дефицит товаров примерно вдвое против средне неизбежного от колебаний конъюнктуры на предстоящий цикл планирования.

Сказанное здесь имеет силу, как мы условились, к случаям идеального учета достигнутого уровня спроса в процессе планирования на будущее. В действительности же существуют и другие причины и поводы к снижению уровня производства товаров против спроса на них, как-то: недостаток сырья, производственных мощностей, т.е. ограниченность капитальных фондов многих отраслей легкой промышленности. Не обходится, конечно, и без неизбежных в любом деле ошибок, когда в плановой суматохе за важными позициями плана забываются какие-нибудь там чайники или горчица. Переверстывать план из-за мелочей никто не будет. Покупатель обойдется. Ибо на что тогда и "трудности роста", о которых не без умиления вспоминает всякий раз советская пресса, когда речь заходит о нехватках товаров.

Среди поводов к снижению производства ширпотреба особого упоминания заслуживает необходимость создания благоприятных условий к реализации растущих запасов неликвидов, т.е. товаров безнадежно устаревших образцов и крайне низкого качества. Вопрос, каким образом при общем дефиците товаров ширпотреба советская промышленность умуд-

ряется выпускать заведомо никому не нужные товары, уже набил оскомину и несомненно тоже характуризует корни нашей экономики производства. Утилизация вышедших из требований моды последнего сезона товаров ширпотреба, как это делается в странах с рыночной экономикой, в нашей стране не практикуется. Предполагается, что и моды прошлой пятилетки у советского потребителя сойдут за первый сорт. Тем не менее, объем запасов неликвидов в торговой сети по официальным данным составляет несколько миллиардов рублей. Сбыть эти горы фактического утиля возможно только при снижении соответствующих статей производства полноценного ширпотреба.

Простота способов предупреждения и снижения сверхнормативных запасов товаров, таким образом опирается исключительно на присущую советской экономике свободу решать внутренние проблемы целиком за счет интересов потребителя. Свободно-рыночная экономика, как известно, таким преимуществом не располагает.

Нельзя сказать, чтобы планирующими органами вообще не предпринимались попытки к ликвидации дефицита товаров по отдельным позициям номенклатуры. Но все корректировки плана в процессе его осуществления представляют у нас по существу попытку двигаться против течения. Они связаны с преодолением сопротивления предприятий, не заинтересованных в увеличении уже утвержденных планов, с необходимостью пересмотра жестко связанных планов снабжения и комплектации по многим позициям сводного плана, что при громоздкости и инертности всего механизма планирования делает корректировки плана явлением исключительным, допустимым лишь в экстренных случаях.

Один такой экстренный случай и рассмотрен в статьях Н.Радько /ЛГ от 7.03.79/ и П.Волина /ЛГ от 14.II.79 г./, где речь идет о постоянных нехватках обыкновенных электроламп. Дело в том, что большинство госорганизаций приобретает электролампы не по фондам, а через розничную торговую сеть за наличный расчет. Спрос государства и рядового потребителя, таким образом, удовлетворяется здесь на равных условиях, отчего планирующие органы не могут решить этот вопрос только за счет интересов населения по принципу "Потребитель обойдется". Хочешь не хочешь – приходится пересматривать план.

Так вот этот процесс выравнивания производства электроламп и спроса на них длится уже более пяти лет. Подключен даже специальный научно-исследовательский институт по изучению конъюнктуры спроса – ВНИИКС /есть и такой в Министерстве торговли! /. Однако, несмотря на усилия нескольких министерств, подстегиваемые посто-

янным вниманием прессы, достичь стабильного соответствия уровня производства спросу на лампы по сей день так и не удается. Дефицит периодически сменяется затариванием.

Этот пульсирующий дефицит товаров как раз - характерное явление плановой экономики производства. Он проистекает из того, что не только перспективное планирование, но даже и сам процесс введения в план поправок на колебания конъюнктуры по своей длительности и громоздкости не может оперативно среагировать на изменения спроса , побуждая по инерции увеличивать производство даже тогда, когда уже наметилось затаривание, и, наоборот, - снижать производство при уже начавшемся дефиците.

Реакции планируемого производства на спрос поэтому подобны реакциям фехтовальщика, которого по недоразумению одели в водолазный скафандр. Любое движение неповоротливо и неуклюже, любая инициатива мучительно заторможена, как в замедленной киносъемке. И пока производство не освободится от этой сковывающей все самостоятельные движения смирительной рубашки, каковой является всеобъемлющее планирование в конкретной номенклатуре, никакие НИИ по изучению конъюнктуры не помогут ему попасть в ногу со спросом населения.

Потому что определяемая планом номенклатура товаров составляет около пятисот тысяч наименований. И на каждый вид товара имеется свой особый, строго индивидуальный спрос, со своим особым биением ритма. Чтобы понять этот ритм, предсказать его и учесть в плане на целые годы вперед по 500 000 позициям номенклатуры не хватит и ста научных институтов. Неужели кому-то еще не ясна абсолютная несбыточность подобной затеи?

Только живая, прямая и непосредственная ориентация производственных предприятий на то, что необходимо населению в действительности, /а не то, как эти потребности выглядят из высоких кабинетов/, может совершить перелом в деле ликвидации дефицита товаров в нашей стране. До тех же пор, пока производством командует его величество самодержавный план в номенклатуре, дефицит товаров неизбежен.

Таковы общие причины дефицита, таящиеся в сфере производства товаров. Вопрос об особых причинах постоянной нехватки мяса, масла и других продуктов сельского хозяйства здесь не рассматривается. Они общеизвестны.

2. Какие мотивы побуждают государства прибегать к инфляции, т.е. – неоправданной доходами денежной эмиссии, каковы ее пределы и последствия для государства и общества в целом – эти вопросы были фундаментально исследованы в работах выдающегося советского экономиста В.В.Новожилова. Его статьи "Пределы инфляции" и "Недостаток товаров", опубликованные еще в двадцатые годы, по понятным причинам не содержат прямых ссылок на советскую экономическую действительность, однако они глубоко актуальны для всей современной нашей экономической системы с поправками на те сдвиги, которые произошли в ней с того времени.

Любое государство – и свободно-рыночное, и плановое социалистическое – испытывает постоянное искушение воспользоваться сво им правом денежной эмиссии, т.е. правом выпуска даровых для государства, но несущих в себе на момент выпуска номинальную ценность денежных знаков для покрытия своих расходов, которые всегда представляются как самые не терпящие отлагательства.

Любое государство ограничено в этом своем искушении тем, что денежная эмиссия, не покрываемая поступлениями соответствующих средств в казну, приводит к инфляции, т.е. в начальном этапе – к пропорциональному массе избыточных денег росту цен на товары, вызывающему естественное народное недовольство, а в длительной перспективе – к разрушению всей экономики.

Следовательно, при бесспорной выгоде инфляционной эмиссии для самого государства пределы и возможности ее применения ограничены. Однако, эти пределы и возможности для государств с различными экономическими системами друг от друга отличаются и очень существенно.

В государствах с рыночной экономикой появление избыточного денежного спроса в силу объективных законов ценообразования немедленно сказывается во всех сферах обращения и производства. Симптомы инфляции поражают сразу всю экономику в целом, поэтому, прибегая к излишней денежной эмиссии, руководители государства могут не сомневаться в немедленной обратной отрицательной реакции, выражающейся как в проявлениях недовольства населения, так и в срывах в области банковского кредита и обращения.

Важно при этом отметить, что в капиталистической системе та выгода, которую извлекает государство от эмиссии каждой излишней партии денег, – всегда одноразовая. Государство не участвует в распределении прибыли, общая номинальная масса которой в связи с ростом цен на товары увеличивается. Временный характер выгоды

эмиссии и длительный характер нерегулируемых ее последствий заставляет поэтому капиталистическое государство всякий раз, оказавшись перед перспективной расширения инфляции, крепко задуматься.

Иное положение – в социалистическом государстве с плановой экономикой. Являясь одновременно и распорядителем денежной эмиссии, и субъектом права собственности навсе национальные ресурсы, на все основные средства производства, а также на все оборотные средства производства, а также на все оборотные средства, свободная часть которых сосредоточена опять же в едином государственном банке, государство получило возможность возвращать излишне выпущенные денежные массы в виде прибыли при увеличении цен на товары, а кроме того путем волевого вмешательства в законы ценообразования регулировать денежную эмиссию таким образом, чтобы в решающей степени оградить от прямых последствий инфляции государственный, а отчасти – и кооперативный секторы хозяйства.

В плановой экономике выявилась беспримерная доселе возможность существования двух автономных систем обращения – наличноденежной, включающей в себя денежное обращение, розничную торговлю и повсеместно регулируемый фонд заработной платы /доходов/ населения, и безналично-банковской, действующей только во взаимоотношениях между организациями. Обе системы подвергаются разному регулированию и в точках соприкосновения изолированы друг от друга монополией розничной торговли и строжайшей границей, проходящей по устанавливаемому государством в национальном масштабе пределу фонда зарплаты /доходов/, преступить который невозможно ни по каким соображениям экономической целесообразности.

Существование двух автономных систем обращения создает положение, когда эмиссионная инфляция, т.е. обесценивание денежной наличности у населения в течение весьма длительного времени может не затрагивать экономических взаимоотношений государственных предприятий, действующих в другой системе обращения, и не ведет непосредственно к обесцениванию их безналичных фондов. Вследствие этого у государства появляется возможность прибегать к избыточной денежной эмиссии, как средству решения внутренних проблем, не ставя до поры до времени под угрозу экономическую систему государственного сектора, и, в частности, – активно использовать так называемую пульсирующую инфляцию.

Понятие пульсирующей инфляции введено В.В.Новожиловым. Смысл ее заключается в том, что государство сознательно и планомерно использует избыточную денежную эмиссию как постоянный ис-

точник своей экономической власти внутри страны с тем, чтобы в моменты, когда обесценивание денег доходит до определенного критического предела, аннигировать избыточные массы накопившихся у населения денег путем проведения денежных реформ. Эти реформы предотвращают разрушение всей экономики, которое при дальнейшем углублении инфляции было бы неизбежным, и, обращают все последствия инфляции исключительно против держателей наличных денег, т.е. против преуспевших в накоплении групп населения. Подобные реформы проводились в стране в 20-х годах, в 1947 и частично /в скрытой форме/ - в 1961 году. *

Характерна в этом отношении денежная реформа 1947 года. Десятикратное снижение номинала бывших до этого в обращении денег никак не отразилось наобъемах средств безналичных счетов государственных предприятий, ни одно из них не претерпело неизбежного в подобной ситуации при рыночном хозяйстве банкротства, и если не считать потерь населения, вся экономическая хозрасчетная система продолжала функционировать без каких-либо срывов.

Но каким образом при каждом очередном форсировании инфляции предотвратить массовое и угрожающее недовольство населения? В этом-то и корень всей проблемы.

Скрыть инфляцию в свободно-рыночном обществе абсолютно немыслимо. В связи с отсутствием у государства права и возможности волевого вмешательства в процесс ценообразования, цены на все товары и услуги без исключения повышаются примерно одинаково. Два, пять, десять процентов - вот точные и официальные цифры, подводящие ежегодный итог инфляции в разных капиталистических странах. Цифры эти общеизвестны и не поддаются никакой манипуляции. От них никуда не денешься, поэтому они и кладутся в основу перерасчетов номинальной зарплаты в сторону соответствующего увеличения, причем никому и в голову не приходит представлять это увеличение, как реальный рост зарплаты трудящихся, а тем более - как чье-то благодеяние.

В отличие от этого в государстве с национализированной тотально-плановой экономикой, как сам процесс инфляции, так и ее уровень можно маскировать довольно длительное время, создавая внутри страны и за рубежом видимость свободной от инфляции социально-хозяйственной системы.

Это становится возможным только при условии, когда в единых руках государства соединены одновременно и прерогатива установления цен на товары и функция присвоения в общенациональном мас-

штабе в с е х прибылей от производства и обращения товаров. Имея при этих условиях возможность в решающей мере не считаться с законами ценообразования, государство, несмотря на растущую инфляцию, сохраняет экономически неоправданные - неравновесные - низкие цены на целый ряд товаров первой необходимости, покрывая понесенные на них потери за счет многократного завышения цен на другие товары.

Так, вот уже почти тридцать лет в нашей стране остаются неизменными, или почти неизменными цены на хлебопродукты, молоко, сахар, растительное масло и ряд других товаров первой необходимости - явление, совершенно немыслимое в странах с рыночной экономикой. С другой стороны, цены на многие другие товары первой и непервой необходимости, такие, например, как мужские сорочки, дамские колготки, могут быть завышены в десятки раз /в западных странах их цена не превышает обычно стоимости билета в кино/, что также является непостижимой загадкой для западного наблюдателя, и тем не менее неуклонно продолжают повышаться.

При этом принципы, которыми руководствуются ведомства в установлении цен на те или иные товары, всегда остаются для рядовых граждан тайной. Рост цен проводится главным образом путем постепенной смены номенклатуры товаров, заключающейся в выпуске новых или модернизированных видов, прибавка к ценам на которые значительно превышает степень улучшения товара, либо просто путем ничем не объясняемой замены товарных ярлыков и этикеток. Все это происходит без официального повышения цен на ранее выпускавшиеся товары, которые постепенно исчезают из продажи.

Повышение уровня цен в такой форме населением психологически не фиксируется. С другой же стороны, получая в результате повышения цен возможность дополнительной денежной эмиссии без увеличения общей массы товаров, государство выправляет несуразности в зарплате разных групп населения путем официальных прибавлений к номинальной зарплате, что в каждом отдельном случае преподносится государством и воспринимается населением как фактическое ее повышение

---

* Официально в 1961 году проводилась не реформа, а безобидная деноминация, т.е. простое "укрупнение" денежных купюр. Однако одновременно с деноминацией был в 2,5 раза понижен официальный курс рубля на мировом рынке, что, хотя и не сразу, но неизбежно усилило обесценивание рубля и внутри страны.

Как видим, инфляционная политика выступает здесь не только как разовый источник дополнительных средств, но и как универсальный способ перераспределения национального дохода, разумеется – в пользу государства. Однако главное, пожалуй, заключается в том, что государство получает подкрепляемый статистическими данными официальный повод утверждать о росте реальной заработной платы и об отсутствии в стране признаков инфляции.

Психологически вполне оправдано, что эти утверждения принимаются внутри страны и легковерными людьми за рубежом за чистую монету. Но рассмотрим, соответствуют ли они действительности.

Выше подчеркивалось, что злоупотребление государством инфляционной эмиссией, а также законами ценообразования имеет свои пределы. Не только сама инфляция, но и любые попытки к принудительному сдерживанию цен на товары в условиях растущей инфляции ведут кисчезновению товаров с прилавков магазинов, т.е. – к дефициту товаров, неизбежным следствием чего является возникновение нелегального рынка, где цены на товары резко превышают установленные государством таксы. И чем больше разрыв между государственными ценами и уровнем инфляции, выражающемся в повышенном денежном спросе на товары, тем острее дефицит.

Здесь, однако, следует более подробно разобраться в механизме образования дефицита.

Когда мы говорим, что дефицит товаров – прямое следствие инфляции и что дефицит этот еще более усиливается сдерживанием цен на товары первой необходимости, то это не означает во всех случаях, что чем больше занижена государственная цена на данный товар, тем острее должен ощущаться его дефицит. Из практики мы знаем, что дефицит на разные товары крайне неодинаков и не находится в заметной связи с уровнем цены на товар. Дело в том, что дефицитность товара определяется не только его стоимостными характеристиками, но и потребительскими качествами – главным образом – способностью данного товара кпредельному насыщению спроса на него.

Например. Потребление в стране таких продуктов, как хлеб, молоко, некоторые овощи, близко к предельному насыщению спроса населения. Эти продукты не пригодны для создания из них запасов даже на случай войны /пока есть болееподходящие для этого продукты/. Поэтому теоретически государство могло бы и дальше безболезненно снижать цены на хлеб и картошку, не опасаясь заметного увеличения их потребления. Это не привело бы ни к дефициту, ни к спекуляции, а только усилило бы повсеместно наблюдаемое безо-

бразно-расточительное отношение к хлебу. В таком же, примерно положении находятся и цены за проезд в городском общественном транспорте – население нельзя заставить ездить больше, чем это ему необходимо.

Совсем другое дело с нехватками мяса, масла и других высококалорийных продуктов питания. Объем потребления их в стране слишком далек от предельного насыщения спроса. И если для полного удовлетворения потребностей страны в хлебе даже в неурожайные годы бывает достаточно, прибегнув к иностранным закупкам зерна, продать намеждународном рынке не более 420–450 тонн золота в год, то для полного удовлетворения годовой потребности в мясных продуктах не хватило бы и всего золотого резерва.

И уж вовсе неограничены потребности людей в предметах комфорта. Здесь не отмечается пределов насыщения спроса вообще. Как бы ни были высоки цены на модели одежды последнего сезона и как бы ни был наполнен ими рынок, всегда найдутся такие новинки моды, которые окажутся в дефиците.

Таким образом, вполне закономерно, что дефицит товаров проявляется в первую очередь отнюдь не там, где население получает от приобретения товаров наибольшую экономию, а также никогда не возникает одновременно на все товары, а всегда затрагивает товарный рынок в строго определенной последовательности товаров, в зависимости от натуральных пределов их потребляемости, обновляемости и приобретения про запас.

Поэтому в первую очередь в сферу дефицита попадают товары, производство которых строго ограничено природными ресурсами /меха, драгоценности, продукты осетровых рыб/. Затем следуют товары комфорта, самого современного ширпотреба ивысококачественные продукты питания. Можно, например, определенно предвидеть, что вслед за дефицитом ковров, хрусталя и дубленок последует дефицит на изделия из натуральной кожи, натуральной шерсти фарфоровые изделия, кондитерские деликатесы, а после исчезновения с прилавков мяса и масла постепенно исчезать и те сорта рыб, которые пока что имеются в достатке.

В последнюю очередь дефицит затрагивает товары самой первой необходимости, где несмотря на инфляцию и даже несмотря на искусственно сохраняемые неравновесные цены какое-то время может не наблюдаться дефицита вообще.

На первый взгляд это – хорошо. Низкие цены и обилие хлеба для бедных компенсируется дефицитом и высокими ценами для людей

с достатком. Во всяком случае власти не упускают возможности представить сложившееся положение как несомненную добродетель социалистического государства.

Однако, при внимательном рассмотрении, эта добродетель оказывается весьма иллюзорной. И дело здесь не в том, что, избрав цены на хлеб, картофель и подобные экстранеобходимые вещи в качестве демонстрации неповышаемых цен, государство руководствуется отнюдь не нравственными соображениями заботы о хлебе насущном, а чисто экономической невозможностью сохранять низкие цены на какие-либо другие товары без угрозы их полного исчезновения из оборота.

Главное зло инфляции вообще, а особенно – сознательно скрываемой инфляции – заключается в том

> "...что в процессе повышения цен и доходов происходят сдвиги отношений отдельных цен между собой и между доходами – сдвиги, не имеющие корней в мире товаров, но причиняемые избыточным выпуском денег..." /В.В.Новожилов "Пределы инфляции" Из-во "Петроград" 1924 г./

В первую очередь эти сдвиги проявляются в том, что, насытив внутренний рынок продуктов самой первой необходимости за счет иностранных закупок хлеба и некоторых других продуктов, государство просто смещает центр инфляции, т.е. всю избыточную массу находящихся у населения денег в область более ценных продуктов питания и ширпотреба, создавая в этой области для разворота инфляции полный простор. Сохранением низких цен на хлеб и т.п. этот сдвиг только усиливается, потому что средства, съэкономленные населением на хлебе, молоке, квартплате и городском транспорте непропорционально увеличивают денежный спрос на другие продукты и ширпотреб, вызывая их неоправданно острый дефицит и побуждая государство еще больше увеличивать на них цены. В конечном счете население не только компенсирует государству то, что экономит на хлебе и картошке, путем уплаты более высокой цены за одну лишь пару ботинок, но и сверх того вынуждено выплачивать подприлавочной торговле неотвратимую дань за право выбора нужного товара.

> "...При инфляции язык цен начинает лгать, выражая не те правдивые ценностные отношения, которые вытекают из естественной ограниченности хозяйственных сил и средств, но и другие – измененные активным вмешательством денежного обращения..." /В.В.Новожилов – там же/

Поэтому еще более остро сдвиги ценностных отношений в обществе проявляются в росте цен на частном колхозном рынке и на нелегальном рынке промтоваров. Цены здесь растут в геометрической прогрессии к государственным. Ибо для установления равновесия между денежным спросом и дефицитом товаров они должны во-первых, поглотить избыток денежного спроса населения в связи с инфляцией, во-вторых - избыток денежных средств, сэкономленных населением на неравновесных государственных ценах. Сверх же того эти цены должны компенсировать риск занятия нелегальной и полулегальной торговлей, а также затраты, связанные с тем, что, как рыночная, так и подпольная торговля отрывают от производительного труда все большее число работоспособных людей.

Поэтому один купленный на рынке кусок приличной телятины проглатывает все, что выгадал семейный бюджет рядового рабочего на дешевом хлебе, молоке и сахаре за целый месяц.

Продолжение политики инфляции и непременного ее спутника - дефицита в течение достаточно длительного времени приводит к более глубоким сдвигам уже в структуре самого общества, когда значительная часть про зведенных инфляцией избыточных денег аккумулируется в руках определенной группы населения.

Выгодность подпольной торговли, а главное - расширение и стабилизация круга дефицитных товаров вовлекает в занятие нелегальной торговлей всё более широкий круг граждан с установившимися связями, профессиональными навыками, определенной организацией и иерархией. Прежде всего здесь следует отметить людей, близких к торговле промтоварами, к распределению их оптовых фондов. Сюда же входит и респектабельная элита загранкомандировочных, так как только в наживе от свободного доступа к самым дефицитным товарам могут реализовать они свое привелегированное положение, заключающееся в частичном освобождении от государственной монополии внешней торговли.

Определить точные структуру и границы этого располагающего скрытыми активами класса, разумеется, невозможно, но он существует и уже обладает серьезным в национальных масштабах резервом накоплений. Будучи не в состоянии, как это делается в свободно-предпринимательском обществе, направить свои накопления в производительную сферу и в то же время постоянно ощущая эфемерность своих денежных накоплений в условиях нарастающей инфляции /уж кто-то, а они-то чуют ее поступь!/, люди этого класса просто в ы н у ж д е н ы обращать наличные деньги в сверх-

потребительство комфорта, роскоши и других дорогих товаров, стоимость которых с годами не убывает, вызывая тем самым в этой области ненасыщаемый дефицит и непонятный для стороннего наблюдателя ажиотаж вокруг предметов эстаблишмента и антикварных редкостей.

Только этим и объясняется, что самые типичные нехватки в поголовно трудящейся стране наблюдаются как раз в товарах, по цене недоступных большинству населения, а именно: в самых дорогих автомашинах, в икре и балыках, в фантастически дорогих мебельных гарнитурах, коврах и драгоценностях. И что характерно? - Проводимые периодически резкие повышения государственных цен на вышеназванные предметы роскоши и комфорта не приводят к заметному снижению их дефицита.

Это - очень симптоматичное явление. Его нельзя объяснить просто высокими заработками некоторых привилегированных групп населения. Здесь самое время вспомнить замечание В.В.Новожилова, сделанное им еще во время НЭПа:

> "Современное оживление антикварного рынка и обилие денег в частной торговле свидетельствует о том, что уже значительная доля избыточных денег /подчеркнуто нами - Н.А./ перешла в руки частной торговли." /"Недостаток товаров" 1926 г./

Это - как раз про сегодняшнюю нашу действительность, если к антиквариату добавить еще и книжные издания, которые в иерархии подпольно-валютных ценностей стали играть роль разменной монеты.

И только не следует думать, что взвинченные таким образом цены на предметы роскоши и комфорта никак не затрагивают интересов малообеспеченной части населения. Все цены и ценности - взаимозависимы. И если, например, готовность мандаринно-помидорных купцов из южных районов страны платить двойные цены за "Волги" и "Жигули" сильно отодвинула для рядового покупателя возможность приобретения даже очень подержанной машины, то готовность московской элиты загранкомандировочных платить любые деньги за квартиры в ЖСК сделала предметом острейшего дефицита кооперативную жилплощадь. Это в свою очередь ведет к вздорожанию жилья, сдаваемого в порядке поднайма. Теперь для нуждающегося снять "угол" можно сделать это только по ценам фешенебельных кварталов Монте-Карло.

Подобных примеров можно было бы привести много, но нельзя

за ними забывать, что не последнюю роль скрытые активы играют и в самой острой современной проблеме - дефиците мяса.

Естественно возникает вопрос, каков же все-таки средний темп роста инфляции в стране? Не говоря уже о полном отсутствии на этот счет каких-либо официальных признаний, крайняя трудность его определения в цифрах связана прежде всего с отсутствием в публикациях данных, позволяющих определить товарооборот по каждой группе товаров и соотнести его со структурой цен.

Ведь если неверно делать вывод о безинфляционности нашего хозяйства на основании одних лишь искуственно сохраняемых цен на хлеб и молоко, то так же неверно было бы определять уровень и фляции, исходя лишь из взвинченных цен на черную икру или из цен на автомашины, которые за четверть века возросли почти в десять раз.

Примерным показателем общего темпа роста инфляции, очевидно, могла бы служить динамика цен на такой товар, который, не являясь предметом первой необходимости, в то же время не являлся бы ограниченным в производстве с природными ресурсами, был бы доступен всем ифактически потреблялся всеми слоями общества, а кроме того - был бы достаточно ёмок в цене, чтобы составлять значительную часть всего товарооборота.

Таким товаромявляется водка.

Становится понятным, почему данные об общем объеме производства и потребления вино-водочных изделий в стране и цифры, указывающие на объем торговли ими в общем товарообороте, являются у нас стратегической тайной, охраняемой не менее строго, чем важные военные секреты. Ведь по этим данным можно судить о главных пружинах нашей экономики.

Однако, нет ничего тайного, что не становилось бы со временем явным. По опубликованным в свое время в печати сообщениям можно было рассчитать, что, например, в 1970 году при общем объеме розничного товарооборота в 152 миллиарда рублей, на торговлю вино-водочными изделиями приходилось от 50 до 80 млрд. рублей, т.е. от 30 до 55%. * Ожидать, что доля потребления ал-

---

* В "Правде" № 363 за 29 декабря 1970 г. опубликовано сообщение ЦСУ СССР, из которого следует, что мощность пищевой промышленности обеспечивала в 1970 г. производство 4 миллионов декалитров виноградного вина в день. С учетом данных о средней стоимости одного декалитра /ЛГ № 44 от 31.10.78 г./ производство только виноградных, включая крепленые вин за 1970 год составило в розничных ценах 30,5 миллиардов рублей.

коголя в общем потреблении населения с годами идет на убыль, пока не приходится.

Исходя из этой столь значительной части товарооборота, определить общий темп инфляции за последние четверть века уже ни для кого не представляет трудности.

Так, в 1955 году цена на лучшую в то время водку "Столичную" составляла 2 руб. 57 коп. К 1980 году "Столичная" полностью исчезла из свободной продажи, сохранившись лишь в инвалютной и закрытой торговле. Равные ей по качеству новые "сибирские", "пшеничные" и другие вновь изобретенные сорта продаются по цене 6 рублей и выше за 0,5 литра. Цена на коньяки возросла в среднем в 3,5 раза. Еще более возросли цены на алкогольные напитки в ресторанах, буфетах и кафе.

На основании этих данных легко увидеть, что цены на вино-водочные изделия за 25 лет возросли в среднем в два с половиной раза, т.е. на 150%. Таким же следует считать и общий темп инфляции за указанный период. Остается сопоставить его с ростом номинальной заработной платы рабочих и служащих за это же время, чтобы определить, имел ли место ее реальный рост или, наоборот, - снижение. Представляем сделать это самим читателям.

Здесь же следует только отметить, каким могучим и универсальным рычагом в решении экономических проблем является для государства вино-водочный акциз. Ведь всего лишь 10-процентное увеличение выручки от продажи вино-водочных изделий в деле смягчения последствий инфляции равносильно примерно такому же увеличению производства всех остальных потребительских товаров, т.е. само по себе решает финансовую сторону проблемы, вызванной невыполнением планов по увеличению производства этих товаров за целую пятилетку.

И здесь государство стоит поистине перед гамлетовской дилеммой. Если, с одной стороны, увеличить реализацию вино-водочных изделий с учетом современных дармовых способов производства спирта не представляет никакой трудности, то слишком разительны социальные последствия увеличения потребления водки. И без того пьяное общество деградирует на глазах. Как легко решались бы все экономические трудности, если бы русский человек как можно больше пил и в то же время ходил трезвым.

Поскольку же подобное возможно только в сказках /и в рекомендациях печати/, для приведения в действие этого по существу единственного в наших условиях средства, способного компенсировать

инфляцию и общий дефицит потребительских товаров, остается повышение на водку цен. Делать это приходится с осторожностью, ибо русский мужик к зеленому змию ревнив и вряд ли спокойно натерпит прямые свидетельства финансового непостоянства. Избежать нежелательных сцен ревности помогает отходчивость мужика в мелочах. Цель достигается путем тихой смены товарных ярлыков и названий популярного продукта, сопровождающеся таким же тихим пересмотром прейскуранта. Теперь только коллекционеры этикеток могут разобраться в хитром калейдоскопе "праздничных", "российских", "русских", "славянских", "петровских", "старопетровских" и многих, многих других названий. Что же касается "бормотухи", потребление которой в связи с вздорожанием водки и марочных вин резко возросло, то достаточно взглянуть в "Литературную газету", чтобы понять, что и для "бормотухи" готовится очередная смена этикеток, разумеется под предлогом борьбы с пьянством и заботы о здоровье населения. ж

Пожелаем "Литературной газете" в этой ее благородной заботе успеха. Ибо современные хозяйственные проблемы поставили наше государство перед необходимостью еще более массивной денежной эмиссии, чем это наблюдалось ранее, а именно:

как внутренние энергетические проблемы, связанные с угрозой нехватки горючего, так и внешнеторговые /увеличение иностранных закупок зерна должно компенсироваться, в частности, поставками все той же нефти/ делают ускоренное развитие северных и восточных сырьевых районов вопросом экстренной необходимости. При этом неизбежно перемещение больших масс рабочих и специалистов из средних районов страны в те районы, где к основной зарплате им выплачиваются северные надбавки и другие компенсации.

Официальная статистика при определении уровня и динамики среднего заработка рабочих и служащих в целом по стране не выделяет в общей массе зарплаты долю, падающую на северные надбавки, которые могут достигать 160% основной зарплаты. Это ведет к искаженному представлению о росте реальной зарплаты, так как указанные надбавки к уровню оплаты труда непосредственного отношения не имеют, а являются лишь компесацией за экстремальные условия быта работающих - наподобие командировочных.

ж ЛГ № 44 от 31.10.79 "Час волка", ЛГ № 48 от 28.11.79; ЛГ № 1 от 1.01.80 г.

Включение их в общий заработок и учет в качестве зарплаты необоснованно завышает средний ее показатель по стране за счет одного лишь перемещения контингента работающих.

Вместе с тем, хоть и не являясь зарплатой, северные надбавки и другие компенсационные выплаты значительно увеличивают покупательную способность /денежный спрос/ населения, и в этом статистика безусловно права. Не будучи подкрепленными соответствующим увеличением производства потребительских товаров, они обостряют инфляцию точно так же, как если бы мы имели дело с действительным повышением уровня зарплаты.

Поэтому, учитывая стоящие перед экономикой объективные перспективы и явно неудовлетворительные достижения в области производства потребительских товаров, следует со всей определенностью ожидать в ближайшем будущем как роста цен на потребительские товары, так и углубления их дефицита. Одно можно утверждать совершенно точно - сухого закона ~~ник~~ н е б у д е т. Потому что с его введением оборвалась бы главная жила, питающая весь наш экономический организм.

А вовсе не по тем благолепным соображениям, которые развивает "Литературная газета", предложившая дискуссию о вреде "бормотухи", с прозрачными намеками на предстоящую замену ее более "ц е н н ы м и" напитками.

3. До сих пор мы говорили о дефиците и ничего не говорили об очередях. Ошибочно бытующее мнение, согласно которому очереди проистекают от дефицита товаров. Подсчитано, что каждый городской житель Советского Союза, включая пенсионеров и домохозяек, в среднем в течение года затрачивает на стояние в очередях до 25 рабочих дней /данные опубликованы в "Литературной газете" № 19 от 10 мая 1978 года. Они же приводятся в посвященном вопросам торговли документальном телефильме "Миллион за улыбку"/. Если бы всё это потерянное время было связано с приобретением только дефицитных вещей, то все советские граждане ходили бы сплошь в дефиците.

Очевидно, что это не так. Все мы знаем, что неотвратимая и неприятная для каждого из нас, но ставшая тем не менее привычной необходимость выстаивания в очереди определенного количества предназначенного для отдыха времени связана с приобретением самых обыденных вещей и получением самых ординарных услуг, никак не попадающих в категорию дефицитных, и, следовательно, проистекает от причин, таящихся не в промышленно-финансовой области, а в сфере торгового /бытового, транспортного/

обслуживания населения.

Но этим проблема истраченного впустую времени не исчерпывается. Очередь – это лишь зримая ее часть. Другая, не бросающаяся в глаза у каждого прилавка часть непроизводительно растрачиваемых времени, нервов и физических сил падает на п о и с к и нужного товара или услуги, на беспорядочное рысканье с целью нахождения того самого места, где можно, наконец-то, обратиться с вопросом: "Кто последний?"

Постарайтесь припомнить, сколько магазинов вам в среднем нужно обойти, чтобы подобрать вещь только по размеру? Спросите у любой хозяйки, сколько в среднем торговых точек требуется ей посетить, чтобы купить все необходимое для обычного семейного ужина, и не считает ли она удачей, когда добьется цели менее, чем в трех-пяти магазинах? И уж вовсе проблемой может обернуться нужда в любой обыденной вещи, если она не входит в категорию предметов каждодневного спроса. Какая-нибудь пустяковина вроде дверной петли, клея или детских тапочек, которая и стоит-то копейки, и в глазах давно примельскалась, вдруг становится недосягаемым объектом, на поиски которого уходит не один выходной день. И все это при абсолютной недефицитности товара.

Во что обходится простому человеку это постоянное рыскание в поисках нужного товара, подсчитать не так-то просто. Здесь не применишь хронометраж, подходящий, к примеру, для определения времени на стояние в очередях. В каких единицах измерить всю сумму необходимых для поисков товара физической энергии, нервных напряжений, нравственных издержек, житейской изворотливости и, наконец, транспортных расходов – подчас незначительных, а иногда и весьма существенных /бывает, что и за тысячу километров в Москву ездят "отовариться"/? Одно несомненно: из обиходного русского словаря давно ушли простые термины "купить" и "приобрести", уступив место слову "д о с т а т ь" – синониму выражений "дотянуться", "изловчиться", "вывернуться наизнанку". Одной этой укоренившейся словарной реалии достаточно, чтобы понять, что речь идет о стабильной социальной закономерности.

Обиходная сторона проблемы ясна каждому. Плановая социалистическая система торговых предприятий, или – сфера обращения товаров – неполностью и некачественно выполняет свою единственную органическую хозяйственную функцию – служить универсальным звеном между производством товаров и потребителем, т.е. достав

лять потребителю товары как можно ближе и удобней, с наименьшими для него материальными затратами и наибольшим комфортом.

Экономическая же сторона проблемы не столь очевидна и нуждается в пояснениях.

Чтобы выполнить свою вышеозначенную функцию полно и качественно, сфера обращения товаров должна обладать для этого необходимым объемом капитальных вложений, а также механизмом, регулирующим их приток и использование именно в целях максимального удобства покупателей. В свободно-предпринимательском рыночном хозяйстве таким механизмом является объективный, независимый от воли и сознания людей закон средней нормы прибыли. В планово-социалистическом хозяйстве - единый государственный народнохозяйственный план и монополия розничной торговли.

Закон срдней нормы прибыли в рыночном обществе действует, если прибегнуть к языку точных наук, как фактор самонастраивающейся системы, и определяет математически строгие пропорции в распределении объемов капитальных вложений между сферами производства и обращения товаров, а также оптимальное размещение капитальных затрат внутри сферы обращения по территориальному признаку. Это, в частности, означает, что в тех местах, где торговля перестает справляться со своей хозяйственной функцией быть удобной для покупателя, т.е. там, где наметелись очереди, недостаток ассортимента, где покупатели начинают с высунутыми языками бегать в поисках нужной вещи, рентабельность торговли при неизменных ценах сама собой повышается выше средней нормы прибыли по отрасли и хозяйству в целом, что приводит к немедленному притоку дополнительных вложений в данный участок торговли и приток этот автоматически продолжается до тех пор, пока норма прибыли на данном участке не снизится до средней.

Иными словами, любое появление очередей или иных неудобств покупателей, связанных с превышением покупательского спроса над предложением и заключающихся для покупателя в необходимости энергично д о с т а в а т ь что-то, само по себе вызывает ничем неограниченную экспансию торговых средств и усилий до предельного насыщения покупательского спроса на торговые услуги, т.е. до того момента, пока необходимость "доставания" не сменится для покупателя приобретением вещей по принципу: "бери - не хочу".

Таким образом, закон средней нормы прибыли вне зависимости от чьих-либо планов и пожеланий обеспечивает максимальное рас-

ширение объема торговых услуг до пределов их физических границ. Но не в этом главное. И даже не в том, что отсутствие единой монополии торговли ставит торговые предприятия в условия соревнования друг с другом за свой индивидуальный престиж, т.е. за качество оказываемых потребителю услуг.

Важно другое. Необходимый объем и качество оказываемых населению услуг оценивается в свободно-рыночном хозяйстве не по каким-либо укрупненным обобщающим показателям, не с отраслевой и не с общехозяйственной точки зрения, а с точки зрения непосредственного покупательского спроса на них, непременно включающего в себя и интересы отдельного покупателя с его индивидуальными запросами, вкусами, склонностями, т.е. – интересы л и ч н о с т и.

Это – крайне существенное обстоятельство. Ибо объем и качество торговых услуг, как впрочем и большинства услуг вообще, в отличие от качества товаров, не овеществлены в конкретных предметах, а поэтому не могут быть точно измерены. Многие из этих услуг – такие, например, как готовность служить нестандартному спросу, вежливость, предупредительность /равно, как и мытарства населения при их отсутствии/, вообще не поддаются ни стандартизации, ни планированию, ни учету. Поэтому торговые услуги в принципе могут быть действительно оценены только самим покупателем лично, а не по каким-либо отвлеченным и укрупненным критериям.

В этой связи, будучи ориентированным на субъективную сторону покупательского спроса, закон средней нормы прибыли обеспечивает рентабельность целому комплексу таких торговых услуг, которые со стороны объективно-экономических оценок общества в целом представляются неоправданными. Например, в своем стремлении максимально приблизить товары к покупателю, он обуславливает рентабельность массы мелких, казалось бы, нерентабельных с общехозяйственной точки зрения, торговых предприятий, располагающихся на каждом углу – чуть ли не у каждого подъезда. Это же относится и к огромной массе нестандартных услуг от доставки товаров на дом до обязательной улыбки продавца, и к затратам на рекламу, которая в отличие от советской оформительско-камуфляжной не дезориентирует покупателя, а всегда содержит информацию, ч т о и г д е удобнее всего купить.

В особенности же доминирующий характер потребительского

спроса проявляется в ассортименте товаров. Требования престижности каждого отдельного торгового предприятия непрерывно побуждают его держать ассортимент товаров в известном превышении над гарантированным объемом повседневного спроса. Это существенно повышает как чистые издержки обращения /торговые запасы/, так и производственные издержки /складские расходы и пр./, что в общенациональных масштабах составляет громандные суммы - многие миллиарды долларов, фунтов и проч. И тем не менее, в пределах средней нормы прибыли все эти повышенные траты общенациональных ресурсов оказываются рентабельными, хотя функционально-хозяйственный смысл всех этих повышенных трат заключается в немногом, а именно: в том, чтобы покупатель, направляясь в магазин, был уверен, что найдет там все, что нужно, что ему не придется, сломя голову обежать полгорода в поисках подходящей рубашки, куска мыла или необходимого лекарства.

Таким образом, если отвлечься от конечной функциональной сферы обращения, представляются каждый по своему оправданным два принципиально разных подхода к оценке действенности национальных ресурсов, заключенных в сфере обращения товаров. Один - свободно-предпринимательский - исходит из безусловного приоритета удобств потребителя при субъективном безразличии к источникам капиталовложений, которые ругулируются автоматически. Другой - монопольно-прагматический - оценивает целесообразность каждого конкретного капиталовложения в сферу обращения с точки зрения общества в целом, где в качестве главного соображения неизбежно выступает принцип экономии всегда ограниченных национальных ресурсов, а интересы потребителя играют роль подчиненную. Не трудно увидеть, что с точки зрения самого потребительского спроса - т.е. подлинной функциональной цели сферы обращения - оба эти подхода действуют во взаимопротивоположных направлениях и исключают друг друга.

Совершенно естественно, что государственно-монопольное, планово-социалистическое хозяйство всегда подчинено социально-прагматическому принципу. На то оно и планово-социалистическое, чтобы все оценивать в крупных социальных категориях.

Прежде всего это проявляется в определении самих пропорций капитальных вложений в сферы производства и обращения товаров. Не будучи связанным здесь законом средней нормы прибыли, государство имеет возможность волевыми решениями устанавливать и изменять эти пропорции. При этом государство не может быть без-

различным к тому, что в отличие от сферы производства, являющейся источником умножения общественного богатства, сфера обращения товаров сама по себе общественного богатства не накапливает, т.к. торговые услуги служат только потреблению и тратятся без остатка. Поэтому с позиций государства всегда найдутся такие экстренные интересы и сферы применения капвложений, которые обладают безусловным приоритетом перед розничной торговлей. Это неотвратимо рождает тенденцию, когда необходимые в любом обществе меры экономии национальных ресурсов в планово-социалистическом обществе обращаются в первую очередь и главным образом на сферы обслуживания населения. Кстати, и общий объем подлежащих реализации через розничную торговлю товаров в социалистическом обществе всегда, мягко выражаясь, скудноват, а поэтому не нуждается в специальных усилиях для его реализации.

Результат – максимальная экономия капитальных вложений в сферу обращения товаров, т.е. предельно допустимое сокращение торговых предприятий.

Другой способ экономии общественных ресурсов в сфере обращения товаров – это так называемое "совершенствование" розничной торговли, тоже, разумеется, – в прагматическом его понимании.

Поскольку сфера обращения товаров сама материальных ценностей не производит, а ее "продукт" – удобства и моральный комфорт покупателя – слишком неуловим, чтобы приниматься в расчет в масштабах наших грандиозных планов, плановые органы при оценке эффективности сферы обращения вынуждены применять те же экономические категории, что и в сфере производства, т.е. показатели производительности труда, оборачиваемости средств, прибыли и т.п., не соотнося их с тем, как они отражаются на удобствах населения, и априорно предполагая, что все, что хорошо для государства, должно вызывать восторг и у населения.

Понятно, что главный упор в совершенствовании и повышении эффективности торговли при утилитарно-прагматическом к ним подходе делается на сокращение издержек – производственных /дополнительных/ и чистых издержек обращения. Решающую помощь в достижении этой цели оказывает то, что общая сумма и качество торговых услуг, как мы подчеркивали выше, не поддается точной количественной оценке, отчего открывается неограниченная возможность сокращения торговых издержек за счет снижения объема и качества оказываемых торговлей населению услуг, благо это снижение никакими планово-отчетными показателями не фиксируется.

Основные направления совершенствования сферы торговли это - повышение производительности труда работников прилавка, укрупнение предприятий, усиление их специализации и ускорение оборачиваемости оборотных средств. Рассмотрим их по порядку.

Повышать и дальше производительность труда непосредственных исполнителей торговли - продавцов и кассиров - невероятно трудно, потому что вряд ли можно вообще придумать какое-либо новое техническое усовершенствование, повышающее эффективность их труда больше, чем это делает очередь покупателей - одно из самых ранних завоеваний нашего общественного строя.

Ведь что такое очередь, как не непрерывный и безотказный производственный конвейер на рабочем месте каждого продавца и кассира? Конвейер, не требующий ни затрат на его создание, ни отладки, ни обслуживания - саморегулирующийся по темпу производимых на нем операций. С какой завистью стали бы глотать слюни расчетливые владельцы магазинов на западе, если бы могли сравнить, на сколько больше - по сравнению с их хозяйством - штук, комплектов, килограммов, тонн товаров икакие суммы выручки проходят через руки одного единственного советского продавца? Ведь ни печально известный Тейлор, ни какой другой буржуазный специалист в области потогонных конвейеров не смогли бы изобрести столь изуверски интенсифицирующий труд механизм, который сам бы подстегивал работника, ежеминутно давал бы его расторопности выразительную оценку с крепкими побуждениями работать еще быстрее.

Все мы с вами ежедневно вносим свою лепту в безотказную работу этого конвейера, так что кроме бессмысленной с нашей точки зрения тратывремени, нервов и физических сил в этом заключена еще и наша безусловная заслуга перед обществом - посильный вклад в повышение производительности труда и рентабельности в торговле. Экономически этот вклад оценивается в те самые 25 бесплатных рабочих дней, которые все мы ежегодно отдаем стоянию в очередях. Отказываться от дарового способа повышения производительности труда в торговле планирующим органам нет никакого резона и именно поэтому неуклонно сокращается время работы многих магазинов.

Кроме этого, очередь несет торговле и другие неоспоримые преимущества, как-то: помогает сбыть товары низкого качества /неликвиды/, побуждает покупателя приобретать товары сразу крупными партиями, мириться с массой организационных безобразий.

Чтобы сбыть залежалый товар у нас нет нужды заворачивать его в новую обертку – очумевший в очереди покупатель хватает всё, что попадет под руку.

Укрупнение предприятий советской торговли – создание больших универсамов и торговых центров – по внешним признакам соответствует подобному же процессу создания супер-маркетов в свободно-рыночной торговле. Но сходство здесь чисто внешнее, кажущееся.

Если супер-маркеты западных городов, представляя собой громадные острова в море более мелких торговых предприятий, д о п о л н я ю т последние и выдерживают конкуренцию с ними только за счет подлинной своей у н и в е р с а л ь н о с т и /от "роллс-ройсов" на любые вкусы до рыболовного крючка – специально на форель/, то советские "супер-маркеты" с универсальностью ничего общего не имеют. По ассортименту товаров они представляют собой обыкновенные лавки, только увеличенные в сотню раз, по хозяйственному назначению – не дополняют, а з а м е н я ю т более мелкие торговые предприятия. В этом их принципиальное отличие и в этом легко убедиться, взглянув в любой проект застройки любого нового района.

Создание крупных торговых центров обеспечивает хорошие условия для механизации вспомогательных работ в торговле, сокращает транспортные расходы путем укрупнения поставляемых партий товаров и расширения сферы применения централизованного транспорта и... у д л и н я е т с уменьшением числа мелких магазинов путь товара от магазина до жилья покупателя, который последний обязан теперь обеспечить собственными ножками.

В этом отчетливо убеждаются люди, перебравшиеся из районов дореволюционной застройки в новые кварталы. Теперь не выбежишь наспех из дома за пачкой сигарет, а поход за десятком яиц становится целой экспедицией. Ибо расстояния универсамом друг от друга – километры, и, не найдя нужный товар в одном таком укрупненном магазине, нужно повторить этот путь уже не на одном виде транспорта.

Это удлинение пути от торгового предприятия до потребителя – прямое следствие сокращения количества торговых точек, а также их укрупнения в различные универсамы и центры. Возможно, кому-нибудь эта удлиненная на полкилометра дорога к магазину по сравнению с общим совершенствованием торговли и покажется несущественной. Но экономика запрещает сравнивать вещи несопоставимые. Если измерять выгоды от сокращения и укрупнения торговых

предприятий в общенародных масштабах, то в таких же масштабах следует мерить и возникающие от этого неудобства населения. А это получатся тысячи и тысячи тоннокилометров недовезенных до потребителя товаров с соответствующими транспортными расходами, которые теперь обязан компенсировать потребитель, но которые тем не менее включаются в общую стоимость оплачиваемых им товаров.

Вопросы специализации торговых предприятий и ускорения оборачиваемости оборотных средств, как методов "совершенствования" торговли, следует рассматривать вместе с вопросом ассортимента товаров, так как экономически все они завязаны в единую общеторговую проблему.

Известно, что наряду с транспортировкой товаров от производства к потребителю сортировка товаров, т.е. представление их в определенном пригодном к реализации ассортименте представляет главную функцию торговли. Даже очень нужный товар, лежащий не там, где он нужен, лишен потребительной стоимости и представляет собой мертвый груз, как в экономическом, так и в потребительском понимании.

Для торговли не возникает проблемы ассортимента там, где речь идет о товарах массового и каждодневного спроса. Здесь всегда гарантирована реализация, а несоответствие в отдельных поставках и реализации по конкретным позициям легко устраняются ежедневными поправками в потоках товаров.

Проблема ассортимента возникает в товарах с неравномерным - спонтанным - спросом на них, а таких товаров абсолютное большинство - более 90% наименований. И это подлинное искусство - подобрать ассортимент товаров с такой полнотой и в таком соответствии с частотой спроса на них по каждому виду товаров, по каждому отдельному торговому предприятию и по всей отрасли торговли в пределах определенной территории, чтобы для потребителя доступность каждого вида товара /дальность поездки за ним/ соответствовала частоте возникающей в нем потребности. В этом, собственно, и заключается главная функция торговли и именно на нее приходится бо́льшая часть торговых расходов - издержек обращения.

Как и какими средствами справляется с этой задачей свободно-рыночная торговля, мы говорили выше. Советская плановая торговля такими средствами не располагает, а поэтому руководствуется простым принципом: "Покупателю нужно? - Покупатель най-

дет!" Корреспондент ЛГ Н.Радько так описывает сложившееся положение:

> "...Почему в одном магазине продаются лампы только на 60 ватт, а в другом - только на 100? Более того, в одном г о р о д е могут быть только на 60 ватт, а в другом только на 100. Значит делают и те, и другие, но распределяют далеко не "с лампочки"... Если, конечно, это не дальнейшее развитие специализации, которое представляется таким: скажем, в одном магазине продают молоко, а в другом - кефир, в одном стулья, а в другом - столы, в одном большие лампочки, в другом - маленькие.
>
> Сразу скажем: такой сервис нам не осилить. Не нужно даже экспериментировать."
> /"Лампочка от фонаря" ЛГ № 10 от 7.03.79 г./

Напрасно иронизирует здесь корреспондент литературной газеты, потому что именно <u>такой</u> "сервис" как раз и обеспечивает торговле наивысшую эффективность в условиях плановой экономики. Именно путем реализации наиболее к р у п н ы х партий товаров наиболее с к а т ы м ассортиментом обеспечивает ей как наибольшее сокращение производственных издержек /применение поточных методов, сокращение транспортных и складских расходов, упрощение бухгалтерского учета/, так и особенно - чистых издержек обращения, т.к. до предела сокращает нормируемые запасы товаров, увеличивает их оборачиваемость, а следовательно - и рентабельность.

То, что оборотной стороной такого подхода к ассортименту товаров являются те самые нескончаемые, неподдающиеся учету и описанию мытарства покупателей в поисках необходимой вещи, с которых мы начали настоящее изложение, в плановых органах мало кого волнует. Ведь <u>общая сумма</u> проданных товаров от мытарств покупателей <u>не уменьшается</u>. Те же лица, от которых действительно зависит принятие важных плановых решений, сами по магазинам не ходят. Им остается только подводить отличные итоги товарооборота.

Мы вынуждены так подробно останавливаться на экономической стороне торгового ассортимента, чтобы показать, каким образом к вызванному производственными и инфляционными причинами натуральному дефициту товаров в стране присоединяется еще и специфический т о р г о в ы й дефицит товаров, не недостаток товаров, а относительная их н е д о с т у п н о с т ь для покупателя, порожденная объективно заложенной в плановой системе хозяйства противоположностью интересов торговли интересам потребителя. Торговля прямо не заинтересована разворачивать полный ассортимент товаров в каждом торговом предприятии ближе к потребителю и представляет

покупателю с а м о м у подбирать себе "ассортимент" путем беспорядочного рыскания наугад по неопределенному кругу торговых предприятий. Это, естественно, еще больше обостряет натуральный дефицит товаров, но приносит торговле в национальном масштабе колоссальную экономию.

Теперь уже совсем нетрудно разобраться в принципах специализации советской торговли. Разумеется, они ни в коей мере не означает универсальности специализированного торгового предприятия. Любая подлинная универсализация торговли сдерживает ее потонные методы и связана с увеличением нормируемых запасов, а поэтому для является плановой экономики персоной нон грата. В любом специализированном магазине наблюдаются те же нехватки и провалы товаров, как и вторговле в целом.

Специализация в наших условиях означает лишь <u>о г р а н и ч е н и е</u> ассортимента товаров отдельных групп кругом специализированных торговых предприятий. Иными словами, то, что не нашлось в специализированном магазине, искать в любом другом магазине уже и думать не моги.

Попытаемся представить, что бы произошло, если бы на такое государство, как, скажем, Швейцария или Бельгия /население Москвы, территория Московской области/ существовали бы всего три магазина сантехнических приборов и оборудования, два магазина автозапчастей, т.е. по одному на 3-5 миллионов жителей, а во всех других магазинах страны на просьбу продать, к примеру, необходимую в любом клозете грушу для сливного бачка /цена 3I коп./ неизменно отвечали бы: "Поезжайте в "Сантехнику" - Женева, площадь Наций". Вероятнее всего, что и в Берне, и в Брюсселе правительства пали бы, а парламенты были бы распущены.

В Москве подобное безобразие не только осуществлено, но и выдается за некое достижение торгового сервиса. Оно распространяется даже на такие ходовые товары, как обои, клеенка, растворители всех видов, стройматериалы и многое многое другое. То, что когда-то можно было приобрести в сотнях рядовых керосиновых лавках, теперь требует целого путешествия с предварительным наведением справок и уточнением маршрута. В магазинах этих - невообразимая давка. Зато какое удобство торговле! Никаких тебе забот об ассортименте и мелкосерийных поставках. Никаких торговых баз. Торговля осуществляется прямо с колес заводского транспорта. Начиная с оптово о двора, торговля <u>п о л н о с т ь ю</u> <u>освобождает</u> себя от обременительной обязанности <u>д о с т а в к и</u> и

сортировки товаров, т.е. того, что как раз и составляет ее единственную хозяйственную функцию. – "Потребителю нужно? – Потребитель найдет! Заодно и доставит. Своим ходом и средствами".

Таким образом, мы подошли к ответу на вопрос, с которого начали изложение, – почему же советская торговля выполняет свою единственную функцию неполно и некачественно? Да потому, что государственно-монопольная система сферы обращения товаров всей своей структурой планово-прагматических методов хозяйствования ставит отрасль торговли в целом и ее предприятия каждое в отдельности в условия необходимости сокращать объемы торговых услуг путем переложения исполнения части своих функций на потребителя. Это проявляется:

а/ в сокращении пути доставки товара и соответствующих транспортных расходов внутри системы торговли за счет удлинения пути товара от торгового предприятия к потребителю;

б/ в сложении с себя центральной функции торговли – обеспечения оптимально полного и доступного ассортимента товаров в каждом торговом предприятии за счет безысходного положения потребителя, вынужденного в этих условиях своими средствами выискивать необходимые товары наиболее экономичным для торговли способом;

в/ в системном и массовом включении покупателей в непосредственный поточный торговый процесс путем максимального использования очередей;

г/ в полном отказе от выполнения нестандартных торговых услуг, как-то: извещений, заказов, доставки товаров на дом и т.п., как услуг, в условиях плановой экономики явно невыгодных;

д/ в переложении на покупателя выполнения ряда других, связанных с торговым процессом функций. В качестве примера можно сослаться на привлекший внимание печати порядок продажи товаров не в товарной, а в складской обработке – в грязном виде, в заводской смазке и т.п. И хотя стоимость всех складских операций по подготовке товаров к продаже аккуратно включается в стоимость товаров, торговля упорно продолжает продавать консервы в густых отметках машинного масла, выдавая в качестве бесплатного к каждой банке приложения упаковочную этикетку – вроде поздравительной открытки на память. Конечно, по сравнению с общенациональным бедствием повсеместных очередей это – безобразие мелкое. Но оно наглядно демонстрирует главный ру-

ководящий принцип советских методов торгового обслуживания: "Покупатель всё проглотит".

В этих условиях искать конкретных виновников происходящих на каждом шагу безобразий так же бессмысленно, как нелепо ожидать, что определенными административно-плановыми мероприятиями можно всерьез улучшить положения потребителя. Никакие благие распоряжения, никакие кампании "борьбы за культуру обслуживания" и т.п. не пойдут дальше вывешивания на видных местах вымпелов и грамот, пока они находятся в противоречии со структурой материальных стимулов и экономических отношений сферы обращения, в центре которой находится не потребитель, а иные - противоположные его интересам побудители. Ведь даже непреложные математические истины, как указывал К.Маркс, не остались бы незыблемыми, если бы за ними стояли материальные интересы людей. Так что же могут изменить в сфере материальных отношений голые благие пожелания?

Мы рассмотрели обиходную и экономическую стороны проблемы торгового обслуживания и очередей в рамках сферы обращения плановой экономики. Но есть у данной проблемы еще и более глубокая - социальная сторона, которая несмотря на обилие экономического материала, пока не привлекла в науке политической экономии надлежащего внимания исследователей. Она вытекает из вообщем-то банальной истины, состоящей в том, что

> "Труд работников торговли... затрачивается на продолжение и завершение процесса производства в сфере обращения. К этому виду труда относятся, например, работы, связанные с сортировкой, упаковкой, расфасовкой, перевозкой товаров. Такой труд создает с т о и м о с т ь и прибавочную стоимость".
> /"Политическая экономия" Учебник для ВУЗов. М., Госполитиздат, 1973 г. стр. 283/

Мы специально процитировали здесь учебник, а не какой-либо другой научный источник, чтобы у читателя не осталось никаких сомнений в абсолютной бесспортности данной истины в кругах ученых - специалистов политэкономии. Из этой истины следует, что подменяя в той или иной форме торговые предприятия в выполнении торговых функций доставки товаров, их сортировке, участвуя своими физическими усилиями в ускорении торгового процесса, одним словом - по всем названным выше пунктам, советский покупатель отнюдь не затрачивает свою физическую и нравственную энергию вхолостую и не просто снижает торговые издержки, а у ч а с т-

в у е т в общенациональном процессе п р о и з в о д с т в а – в завершающей его стадии – и создает своим трудом с т о и м о с т ь.

Да иначе не могло бы и быть. Ведь основополагающим положением всей марксистской политической экономии является определение стоимости товара, которая согласно К.Марксу складывается из общественно-необходимых затрат на его производство включая и затраты обращения, а не фактических затрат, которые у изворотливых предпринимателей могут оказаться и ниже общественно-необходимых. Иными словами, несмотря на энергичное бесплатное участие советского потребителя в сокращении торговых издержек, стоимость всех товаров от этого не сокращается и сам потребитель оплачивает их п о л н у ю стоимость – с учетом в с е х нормально необходимых издержек обращения, т.е. в таком объеме, как если бы все товары безо всяких хлопот, очередей и дефицита доставлялись бы ему с пылу с жару прямо к подъезду, как это происходит в свободно-рыночном хозяйстве. ж

Одно из двух – либо разработанную К.Марксом формулу стоимости следует пересмотреть, либо признать, что время, которое трудящиеся Советского Союза вынуждены отдавать стоянию в очередях и другим усилиям в преодолении массовых торговых проблем и безобразий, хотя формально и предназначено для отдыха, фактически является р а б о ч и м временем, с той лишь разницей, что не делится, как основное рабочее время на необходимое и прибавочное, а все п о л н о с т ь ю является прибавочным, т.е. неоплаченным рабочим временем.

Отсюда неизбежны выводы:

I. Провозглашенное Конституцией СССР ограничение рабочего времени 41 часом в неделю в нашей стране не соответствует действительности и в общенародном масштабе не соблюдается.

2. В отличие от капиталистического способа производства планово-социалистическое государство как общенациональный работодатель и торговый монополист – одновременно присваивает не только необходимый учтенный объем прибавочной стоимости в сфере непосредственного производства товаров, но и сверх того – прибавочный труд производителей товаров в сфере их обращения – безвозмездно.

ж В целях упрощения изложения мы вполне сознательно пренебрегли разницей между стоимостью и ценой производства товаров. В нашем контексте это не нарушает точности выводов, поскольку общая сумма цен производства всех произведенных товаров совпадает с общей суммой их стоимости.

Провозглашенный конституцией принцип оплаты труда в соответствии с его к о л и ч е с т в о м, таким образом, в нашей стране также не соблюдается.

3. Самым существенным образом нарушается установленный Конституцией принцип равноправия женщин в труде и в вознаграждении за него, поскольку главная тяжесть всех невозмещаемых трат времени, нервов и физических сил, связанных со стоянием в очередях и преодолением других торговых проблем, падает именно на женские плечи.

Таким образом, речь идет о повсеместном, массовом и, так сказать, запрограммированномнарушении статей 35, 40 и 4I Конституции Союза ССР, что соответствует невыполнению требований статей 2, 23 и 24 Всеобщей декларации прав человека и статьи 7 Международного пакте об экономических, социальных и культурных правах /Ш части/, ратифицированных нашим государством.

Об объеме нарушения всех указанных нормативных актов можно судить из следующего:

Как уже указывалось выше, время, которое каждый городской житель Советского Союза, согласно опубликованным в советской печати данным, затрачивает только на стояние в очередях, т.е. только на участие в непосредственном поточном торговом процессе, оценивается в среднем в 25 рабочих дней ежегодно. Это составляет I час рабочего времени /точнее - 53 минуты/ в день при пятидневной рабочей неделе на каждого городского жителя. В пересчете на одного работающего эта цифра увеличивается как минимум до полутора часов в день.

Мытарства советского человека в поисках нужного товара, т.е. в нахождении той самой торговой точки, где можно занять очередь за искомой вещью и тем самым включиться в торговый процесс, как уже подчеркивалось выше, не могут быть измерены количественно. Конечно, экономия государства, получаемая от сокращения нормируемых запасов товаров в целом по торговле, может быть измерена более или менее достоверно, однако она не сопоставима с трудовыми затратами населения в компенсации отсутствия должного ассортимента товаров в магазинах. Слишком дорогой ценой обходится населению каждый сэкономленный государством наэтом рубль. И редкая хозяка не согласилась бы отработать на производстве час-полтора ежедневно, если бы взамен она была избавлена ото всех изнуряющих душу хлопот, связанных с бегами по ма-

газинам и бесконечными д о с т а в а н и я м и всего необходимого.

Если условно приравнять время, необходимое для поисков товаров, к времени непосредственного стояния в очередях, то в пересчете на каждого работающего городского жителя Советского Союза общее, сверх нормального рабочего дня, время на преодоление торговых проблем составит 3 часа, а весь трудовой день - II часов при пятидневной рабочей неделе или 9-тичасовой рабочий день при шестидневной рабочей неделе.

Следует иметь в виду, что в международном рабочем движении начало борьбы за установление 8-часового рабочего дня при шестидневной рабочей неделе относится еще к 1866 году, когда соответствующая программа была принята Всеобщим рабочим конгрессом в Балтиморе /США/, а также Женевским конгрессом I-го Интернационала. Окончательное установление 8-часового рабочего дня в международном масштабе была осуществлена Вашингтонским соглашением в 1919 году.

Насколько же отбрасывает назад советское общество комплекс рассмотренных нами проблем? По продолжительности фактического рабочего дня мы находимся где-то в конце девятнадцатого века. С этих позиций и следует оценивать степень нарушения советским государством тех международно-правовых актов и соглашений, в которых наше государство состоит и которые в части социальных завоеваний трудящихся оно с такой готовностью на словах поддерживает.

Мы рассмотрели здесь общеторговые проблемы и не рассматривали специфических проблем общественного питания, бытового обслуживания и общественного транспорта. Они аналогичным рассмотренным здесь и, несомненно, усугубляют кризисное состояние общественных отношений в сфере обращения товаров.

Мы также не можем здесь с достаточной полнотой рассмотреть крайне важную нравственную проблему, возникающую из ненормального положения, в которое поставлен советский человек неблагоприятными условиями в области торговых, бытовых и транспортных услуг. Двое французских коммунистов, авторов изданной на западе книги "Улица Красного пролетария", где они делятся впечатлениями о своем двухлетнем пребывании в Москве, так описывают это положение /цитируем по памяти/:

"Повседневная жизнь советского человека наполнена такими невообразимыми для жителей западных городов сложностями, что у нас невольно сложилось впечатление, согласно которому советского человека специально поставили в условия постоянных очередей, постоянных нехваток товаров, массовых скоплений всегда чего-то ищущих покупателей, чтобы он отупел и был лишен тем самым возможности задуматься над социальными аспектами своего существования".

Не беремся судить, насколько справедлив вывод авторов о чьей-то сознательной установке на отупение наших сограждан, но одно невомненно: нигде, провозглашенный в программе КПСС принцип: "Все во имя человека, все для блага человека" не оборачивается для человека такой издевательской насмешкой, как в сфере услуг планово-социалистической экономики. Жизнь в обстановке постоянных рысканий, доставаний, хватаний и перехватываний, жизнь в постоянных давках и очередях, где люди волей-неволей вынуждены соперничать друг с другом, пользоваться правом сильного и тактикой хитрого, неизбежно воспитывает чувства взаимной неприязни, нетерпимости, озлобления. Эти чувства еще больше обостряются положением, в котором по всей стране оказались наши работники прилавка, вынужденные обслуживать такие массы народа, которые они заведомо не в состоянии удовлетворительно обслужить. В такой обстановке напряженность человеческих отношений нередко доходит до степени озверелости. Где уж там вежливость и так называемые "гармонические отношения между личностью и обществом". Человек человеку становится не то, чтобы волк, а - шакал, - это можно утверждать с достаточной мерой ответственности.

В упомянутом нами выше, посвященном вопросам торговли документальном телефильме содержатся данные, согласно которым в стране ежедневно происходят 850 000 000 /почти миллиард!/ контактов "покупатель-продавец". Сколько из этих контактов оказывается связанным с испорченным на весь день настроением? Сколько кончается безысходным озлоблением? Сколько - стрессовыми ситуациями? Сколько - инфарктами?

Все эти вопросы еще ждут своего исследователя.

Вот какой серьезный разговор получился по материалам игривых газетных публикаций о гранях дефицита. Что делать, давайте вместе и подумаем.

5.6

Ав.См. – [redacted]

ВОЗМОЖЕН ЛИ СОЦИАЛИЗМ БЕЗ ИНФЛЯЦИИ?

Виктору Сокирко, арестанту, которого ждет суд неправый только за то, что он хотел быть честным человеком и достойным гражданином.

"А между тем проблема правильного "создания денег", такого, при котором "мир денежных отношений" был бы точным отражением "мира товаров", является труднейшей экономической проблемой", – писал когда-то молодой В.В.Новожилов, будущий зэка, а затем лауреат Ленинской премии, не помышлявший, конечно, ни о том, ни о другом в пору своих первых талантливых работ.

Данная статья ни в коем случае не посягает на указанную Новожиловым проблему.

У математиков принято все начинать с теоремы существования. Действительно, прежде чем начинать поиски решения задачи, не мешает убедить себя и других, что данная задача вообще имеет какое-то решение. Такой порядок исследований считается признаком весьма высокого уровня развития математических наук.

Согласно указанному критерию мы обязаны констатировать, что советская политическая экономия по уровню своей зрелости превзошла математику. Сказанное следует из того, что в нашей дисциплине начинать приходится не с решения проблемы, и не с теоремы существования решения, но с теоремы существования проблемы.

Прежде всего сказанное относится к проблеме инфляции при социализме. Ее до сих пор принято отрицать, как еврейский вопрос. Коли угодно, именно в таком аспекте можно воспринимать настоящую работу – как попытку показать реальное наличие проблемы. Поэтому данная статья не может претендовать на статус строго научной работы; это

I/ В.В.Новожилов, Пределы инфляции. "Финансы и денежное обращение в современной России", Л-М. Изд."Петроград", 1924. Переиздание: В.В.Новожилов. Вопросы развития социалистической экономики. "Наука", М., 1972

лишь набросок к будущему серьезному исследованию, которое может предпринять любой желающий.

I

С легкой руки А.Солженицына в неподцензурной публицистике стало едва ли не модным критиковать Запад за наивность и чрезмерную благожелательность в истолковании советской действительности. Если учесть что Западу достается и со стороны подцензурной литературы /за злонамеренную клевету и злопыхательское охаивание советской действительности/, непонятно как этот Запад вообще еще держится.

Не относя себя к публицистам, мы не ставим своей целью что-либо критиковать - будь то Запад или советская действительность. Мы хотели бы хоть бегло, но все же объективно рассмотреть вопрос об отношении инфляции к социалистической экономике. Дело в том, что на Западе да и у нас нередко, почему-то принято судить об инфляции исключительно по индексам цен. Так, у П.Самуэльсона написано: "Под инфляцией мы понимаем период общего роста цен на товары и факторы производства" [1]. От неточных формулировок никто не застрахован; едва ли маститый ученый понимает инфляцию б у к в а л ь н о в сказанном смысле, да и учебник его трактует только о западной экономической сфере. Однако многие пытаются с подобной же меркой подойти к социалистической экономике - и садятся в лужу. Самое большее, чего достигла западная мысль в сказаном вопросе - это, что мировая инфляция последнего десятилетия затронула и советскую экономику, и что, следовательно, утверждения советской пропаганды о невозможности инфляции при социализме не соответствуют действительности. При этом, как правило, принято оперировать данными о движении розничных цен внутренней государственной торговли в СССР.

Эта странная прикованность к государственным ценам объясняется, возможно, некоторой инерцией научного мышления /здесь на западе инфляция проявляется в первую очередь в росте розничных цен/, но непонимание принципов экономической политики социалистического государства здесь налицо. Необходимо указать со всей категоричностью, что у нас инфляция проявляется в движении розничных цен - в последнюю очередь. Иное понимание будет неадекватным. Когда цены устанавливаются, повышаются или понижаются декретами, их индекс является наименее удобным инструментом для суждения о состоянии финансов государства.

1/ П.Самуэльсон. Экономика. "Прогресс".М., 1964, стр. 305

В условиях советской действительности о денежных процессах можно судить лишь косвенно, эмпирически, на основе общих рассуждений: с уничтожением рынка была ликвидирована и информационная база для точных оценок и суждений. Однако все это не столь существенные препятствия для нашего исследования, если помнить о его цели. Не беда, что мы не сможем оценить рост инфляции с точностью до второго знака после запятой. На данном этапе важно разобраться в ситуации принципиально.

В противоположность преобладающим точкам зрения на вопрос, мы выдвигаем тезис о том, что социалистическая экономика изначально есть эмиссионная экономика. В данной работе не будет дано полного и достаточного обоснования сказанному тезису - слишком мал ее объем и слишком скудна наша статистическая данные. Но мы попытаемся наметить некоторые пути и привести некоторые соображения в пользу нашего тезиса, так чтобы, по крайней мере слегка спутать тех, кто судит о наших финансах по нашим ценам.

Центральное место в статье отведено периоду "новой экономической политики". Это сделано не только потому, что основная масса имеющегося у нас цифрового материала относится именно к указанному периоду. Экономическая действительность 1922-26 гг., на наш взгляд, представляет богатейшие возможности для понимания сущности социализма вообще, анализ экономических событий указанного периода позволяет многое понять в дальнейшей экономической истории СССР вплоть до настоящего времени.

А начать мы хотим с настоящего времени.

2.

Инфляцией мы называем появление и увеличение в обращении любого количества денежных знаков - сравнительно с потребностями товарооборота.

Судить об инфляции в СССР по движению розничных цен нельзя уже потому, что у нас налицо два уровня розничных цен: уровень цен государственной торговли и уровень цен частной торговли /колхозного и черного рынков/. В настоящее время разрыв между двумя названными уровнями/разность, отнесенная к нижнему уровню, т.е. уровню официальных цен/ составляет по разным товарам от 50--100 процентов до 300--400 процентов. Иначе говоря, уровень стихийных цен превышает уровень регулируемых цен - по одним и тем же продуктам - вдвое, втрое, вчетверо и, возможно, больше.

Наличие в стране сегодня развитого и широкомасштабного черного рынка - факт, не требующий доказательств. Черный рынок потребительских благ охватывает сегодня почти все роды потребительских товаров и услуг, включая - наряду с предметами питания, одежды, обуви, топлива, утвари, хозяйства и культурной жизни - жилье и жилищный сектор

услуг медицинского, образовательного, транспортного, ремонтного, бытового, коммунального, туристского, зрелищного и пр. характера. К чернорыночникам следует относить: официантов и таксистов, вымогающих чаевые за самый факт обслуживания, служащих железнодорожных или театральных касс, берущих мзду за билеты, чиновников, берущих взятки за свои услуги и т.п. Все стороны нашей жизни, удовлетворение любого нашего запроса так или иначе связаны с дополнительной платой сверх установленного государством тарифа. Всего сказанного не должно было быть, если бы количество денег в обращении отвечало уровню государственных расценок и такс. "Дефицит" - не как исключение, но как повсеместное явление нашей действительности - в переводе с обыденного языка на специальный означает "инфляция".

Однако цены черного рынка также не годятся априори для оценки уровня инфляции, ввиду возможности их непропорционального вздутия.

Стремление измерить инфляцию продиктовано потребностью представить себе наше ближайшее и дальнейшее будущее. В условиях, когда цены в государственной торговле не привязаны к соотношению товарного предложения и денежного спроса, а цены черного рынка не показательны по многим другим причинам, измерить уровень и темпы инфляции очень непросто, но возможно. Для этого может быть использован метод, который мы позволили себе назвать методом "представительного товара". Суть его такова.

Постулируется, что среди всего множества потребительских товаров и услуг имеется такой товар /или такие товары/, для которого официальное движение розничных цен может отражать степень обесценения валюты. Затем формулируются признаки представительного товара, после чего требуемый товар отыскивается. Данный метод был разработан нами специально для настоящего исследования, но его возможности область применения может быть шире.

Какими признаками должен обладать подобный товар применительно к реальным условиям ценообразования в нашей стране?

Во-первых, государство не должно испытывать активного давления потребителя против повышения цены такого товара в достаточно широких пределах, превышающих обычные случаи. Это не должен быть товар, отвечающий жизненным потребностям населения. Государство должно обладать определенной свободой в повышении его цены, не подвергаясь упреку в снижении благосостояния населения.

Во-вторых, с другой стороны, это не должен быть предмет достаточно массового спроса. Предметы роскоши, деликатесы, антиквариат и драгоценности не могут быть представительными товарами, ибо спрос на них предъявляет лишь определенная категория потребителей, а имен

но те, кто обогащается быстрее других. Изолированное количество денег в обращении не распределено равномерно по всему населению, напротив, оно стремится к концентрации в сравнительно узком кругу определенной категории людей. Следовательно, предложение денег на предметы роскоши может опережать темпы роста общего количества денег в обращении.

В-третьих, потребление представительного товара должно быть не-эластичным по его цене, либо слабо эластичным. Это значит, что рост цены в достаточно широких пределах не должен вызывать снижения уровня продаж такого товара. В противном случае рост цены опережал бы рост денежного спроса.

Одним словом, государственная розничная цена представительного товара должна быть эластичной по количеству находящихся в обращении денег.

Отыскание товара, обладающего тремя перечисленными выше признаками, было следующей в серии научных задач, которые мы перед собой поставили, приступая к данному исследованию. Сегодня уже можно сообщить, что товар такого рода реально существует. Его открытие мы, без отступления от положенной ученому скромности, считаем своей личной научной заслугой. Этот товар - водка.

Конечно, наше открытие не столь гениально, как открытие Карлом Марксом товара-рабочая сила, но к постановке задачи мы с Марксом подошли одинаково. Он искал товар, обладавший уникальным экономическим свойством, и мы тоже. Маркс нашел товар, чья потребительная стоимость заключалась им в свойстве создавать стоимость. Мы нашли товар, который, помимо своей потребительной стоимости, обладает еще и уникальными свойствами товара, чья растущая меновая стоимость пропорциональна падению меновой стоимости денежного товара. Словом, деньги - товар - деньги штрих...

Докажем теперь, что товар-водка удовлетворяет нашим специфическим запросам /в данном случае имеется в виду: трем признакам представительного товара/.

Водка - товар массового, притом повседневного спроса. Розничная цена водки периодически повышается под лозунгом борьбы с алкоголизмом и заботы о здоровье трудящихся. Повышение цен на водку до сих пор, насколько позволяют судить наши эмпирические наблюдения, не снижало ее потребления. Однако, чрезмерное повышение цены которое могло бы экономическим путем реально сократить ее потребление, привело бы к массовому недовольству потребителя, в котором преобладает рабочий класс. Таким образом, повышение водочной цены должно рассматриваться как процесс, количественная характеристика которого - темп роста - приблизительно выражает темп обесценения денег. Увеличение розничной водочной цены приходится на ту ее часть, которая составляет акциз - налог с оборота. Рост водочных цен есть инстру-

мент возвращения в казну избыточно обращавшихся денег.

Проследим теперь динамику представительного товара.

Динамика показателей товара-водка в СССР за 1950-80 гг.

Таблица I

Показатели	1950	1958	1971	1980
I. Сорт водки	"Московская особая"	"Московская особая", "Кубанская"	"Экстра" "Старорусская"	"Сибирская" "Пшеничная"
2. Розничная цена за 0,5 л /руб-коп/				
а. с посудой	2-I2	2-87	4-I2	6-I2
бб. без посуды	2-00	2-75	4-00	6-00
3. Темпы роста /%%/	I00	I37	200	300
	-	I00	I45	2I8
	-	-	I00	I50
4. Среднегодовые темпы прироста /%%/				
а. между показателями				
б. за 1958 - 1980 гг.				
в. за 1950- 1980 гг.				8,7

Итак, за три истекшие десятилетия цена водки выросла втрое, за последнюю четверть века - вдвое, за последнее десятилетие - наполовину. Половина прироста цены за весь период приходится на последние десять лет. Темпы роста цены водки позволяют констатировать в течение рассматриваемого периода поэтапное ускорение роста /I37%, I45%, I50% /. Замечательно, что цена посуды за тридцать лет не изменилась вовсе.

Если товар водка может быть признан представительным, тогда указанные динамические характеристики соответствуют темпам инфляции в нашей стране: за 30 лет - втрое, за 25 - вдвое, за последние I0 лет - на 50%.

Любой единичный представительный товар может лишь приблизительно отражать динамику процесса, который по существу своему есть качество всей экономической системы в целом. В этом смысле товар-водка не исключение. Его цена неизбежно связана с уровнем душевого дохода той части населения, которая представляет массового потребителя данного товара. Конечно, водку пьют все категории населения, но не все в равной мере привержены к этому замечательному напитку. По нашим многолетним наблюдениям, цена данного товара в большей степени ориентирована на доход именно тех, кто не находится в кругу потребителей деликатесов, роскоши и антиквариата. Хотя и в этом кругу водке занимает достойное место, к вышеперечисленным товарам уместнее присоединить коньяк. В силу высказанных соображений нам представляется, что динамика водочной цены может отставать от динамики избыточной денежной массы.

Попробуем поискать другие представительные товары.

Среди многочисленных и разнообразных потребностей нашего населения имеются такие, удовлетворение которых не только не поощряется государством, но, напротив, наказывается. Тема данной статьи затрагивает политические вопросы. Жестокое обращение с тем, кто хочет говорить то, что думает, возможно, свидетельствует об обесценении определенных и высших ценностей в нашем обществе, но к ряду тех ценностей деньги не находятся.

Дело в том, что мы хотим рассмотреть рост таких некоторых денежных штрафов. Штрафной сбор с точки зрения экономической есть плата потребителя за удовлетворение предосудительных потребностей посредством потребления недозволенных товаров и услуг. В качестве примера возьмем такие услуги, как безбилетный проезд в общественном транспорте или, еще лучше, переход улицы в неположенном месте. Ясно, что денежность штрафа /как меры превентивной/ определенным образом связана с ценностью той суммы, которую рискует внести нарушитель. Поэтому обесценение денег неизбежно должно вызывать рост штрафных такс.

Где-то в середине 60-х годов штраф за безбилетный проезд в городском общественном транспорте был увеличен с 5о коп. до I рубля. То же – штраф за неправильный переход улицы. В начале 70-х годов последним был увеличен до 3 руб. за единичную услугу, но столь резкий скачок мы должны отчасти объяснить ужесточением борьбы с нарушениями, отчасти удобством расчетов, которое связано с номинальным достоинством обращающихся денежных знаков. Экспертным путем можно предположить, что если бы соответствующая купюра была бы не 3 руб, а 2,5 руб, то и штраф был бы таким же. Тоже экспертно составляющую, вызванную ужесточением и удобством следует оценить не менее, чем в I рубль. Так что только по изменению ценности денег штраф такого рода не должен был бы превышать 2 рубля за одноразовое удовлетворение соответству-

ней потребности. Сравнительно с 50 коп. в базовом периоде получается четырехкратное увеличение цены, каковой тоже превышает результат полученный нами при анализе цены на водку.

Некоторые товары вполне респектабельного свойства также могут в известной мере быть индикаторами инфляции денег. К числу таких товаров относятся легковые автомобили. В начале 50-х годов автомобили "Москвич"-401 и "Победа" стоили, соответственно, 900 руб и 1600 руб /в нынешнем масштабе цен/. Сегодня автомобили приблизительно того же класса, соответственно, "Запорожец" стоит 3,5 тыс.руб, "Жигули" - 6 тыс.руб. Цены возросли, следовательно, в 3,8 раза /притом, почти в равной мере по обоим классам машин!/. Напомним, что за указанный период годовой выпуск автомобилей увеличился, во всяком случае, не в меньшей степени. Напомним также, что указанные нами цены занижены по сравнению с предъявляемым денежным спросом, о чем свидетельствуют цены черного рынка - они выше номинала на 20 - 50 проц.

Хотя все наши косвенные оценки не учитывают структурных сдвигов в потреблении и многих других факторов, ныне способов оценки инфляции, когда данные о денежной эмиссии не пускаются, мы не видим. Интересно, что что мы разными путями получили довольно близкие оценки темпов инфляции: за 30 лет - в 3-4 раза, за последние 10 лет - в 1,5 - 2 раза.

В итоге, с известной долей уверенности можно считать, что за последние 30 лет среднегодовой темп прироста инфляции составлял от 4,0 до 4,5 проц., причем за последнее десятилетие инфляция росла на 6 или 7 проц. в год. Более точных оценок метод представительных товаров дать пока не может.

3.

А теперь взглянем на нашу инфляцию исторически, начав прямо с выстрела /кто говорит - залпа, сведения расходятся/ "Авроры".

"Только там, где производство находится под действительным предопределяющим это производство контролем общества, общество создает связь между количеством общественного рабочего времени, затрачиваемым на производство определенного предмета, и размерами общественной потребности, подлежащей удовлетворению при помощи этого предмета."

Это написал сам Карл Маркс. В II томе "Капитала"[6]. Как он представлял себе социализм. Вопрос стоит того, чтобы на нем немного задержаться. Дело в том, что речь идет не больше, не меньше, как о

6/ На стр. 205 по отд. изд. 1970 г.

задаче оптимального распределения ограниченных ресурсов в масштабе народного хозяйства. Теоретически эта задача решается или с помощью математических моделей и методов или линейного программирования. За это получили ленинские премии Л.В.Канторович и В.С.Немчинов. Практически же сказанная задача у нас не только не решена, но никто даже не знает, как за нее взяться /не смотря на огромное количество научных трудов и плодотворную работу ЦЭМИ АН СССР/. Одним из немногих результатов теории оптимального планирования, имеющих практическое значение, является научное подтверждение того всеми подозреваемого факта, что во весь социалистический период нашей истории - вплоть до нынешних времен - ограниченные народнохозяйственные ресурсы /труд, капитал, финансы, земля.../ распределялись заведомо неоптимально.

Этот результат, о котором не принято говорить прямо, вытекает из фундаментального положения модели линейного программирования о том, что оптимальному плану /распределению ресурсов/ отвечает единственный набор оптимальных цен /с.н.оценок/. В той мере цены на ресурсы были произвольны, то есть экономически не обоснованы, в той же мере планирование было далеко от оптимального. Известно, что общепринятым в нашей стране способом ценообразования является надбавка на себестоимость продукта определенной надбавки, устанавливаемой одинаково на долгий срок, /именно согласно марксову понятию стоимости как ц плюс м плюс эм/. Упомянутая надбавка не имеет вовсе никакой связи с размером спроса на данный продукт. Поэтому цены на промышленную продукцию /да и на сельскохозяйственную/ у нас совершенно произвольны.

Цены на труд, т.е. зарплата, устанавливаются, возможно, по какому-то принципу /нам неизвестному/, только не похоже, чтобы в его основе лежал принцип оптимальности. Цен на землю и финансовые ресурсы у нас просто не существует /ссудный процент имеет ничтожное значение и произвольную, заведомо заниженную величину/

Таким образом, не приходится говорить ни об оптимальных ценах, ни, разумеется, об оптимальном распределении народнохозяйственных ресурсов. Мы даже не знаем, сколь громадная пропасть отделяет нас от оптимума.

Так обстоит дело с практическим воплощением представлений Маркса о социализме. Не будем здесь выяснять, понимал ли сам Маркс, о чем он толкует в приведенном нами отрывке /другие его высказывания на этот счет не более конкретны, но по смыслу такие же/. достаточно констатировать, что по его мнению, социализация народного хозяйства автоматически решает проблему оптимального распределения ресурсов; главное - это власть. Такое представление было усвоено отечественным марксизмом, который взял власть в октябре 1917 года. С этим-то багажом социалистическое государство и вступило в начальный

этап своего хозяйствования.

Последовавшая затем экономическая политика советской власти была буквальным воплощением положений Маркса. Торговля была упразднена, деньги фактически отменены – они перестали быть инструментом движения общественного продукта, их выпуск стал определяться лишь потребностями плательщей. Купля-продажа товаров заменена была их бесплатным нормированным распределением /частным воплощением данного принципа была продразверстка – безвозмездное отчуждение сельхозпродуктов/. Промышленность, банки, траспорт, связь были поставлены под "предопределяющий контроль государства". Социалистическое государство целиком взяло на себя ответственность за производство и распределение совокупного общественного продукта /в области сельского хозяйства ответственность государства п о к а вынужденно распространялась лишь на заготовку продукта/. Государство стало монопольным предпринимателем – инвестором и производителем, а также монопольным распределителем продуктов производства. Расходам государства на управленческие нужды должны были отвечать какие-то его доходы.

При капитализме /при "старом режиме"/ основным источником доходов государства служит налогообложение. Заметим, что капиталистическое государство лишь в небольшой степени несет расходы на промышленное производство. Значительный государственный сектор в экономике царской России был не преимуществом, а слабостью страны с точки зрения эффективности ее экономики. Недаром В.И.Ленин писал, что Россия страдала не столько от капитализма, сколько от недостатка капитализма развития. Однако, в тех условиях расходы в государственном секторе экономики могли покрываться доходами от реализации продуктов и услуг этого сектора. В целом, доход казны обеспечивался сложной системой налогов на частные доходы и их источники, например, недвижимость.

В новых условиях все изменилось. Налог на промышленную прибыль утратил смысл в силу того, что категория прибыли стала квалифицироваться как вещественное воплощение эксплуатации. Налог на доходы населения был невозможен, так как эксплуататорские классы были лишены своих доходов, а трудящиеся классы получали продукт по минимальной норме. В те времена, видимо, еще никто не мог предположить себе такого положения, чтобы государство одной рукой платило трудящимся за их труд, а другой рукой забирало часть этой платы в виде налога – экономически бессмысленная операция, наблюдаемая в настоящее время.

Первым источником доходов социалистического государства стала экспроприация. Но это шаг, на который такие скромные подходы воспевали Маркс и Энгельс как на справедливое перераспределение общественного богатства – шаг этот мог быть лишь единовременным источником дохода. После того, как "награбленное" было разграблено, этот источник быстро иссяк.

ком дохода. После того, как "награбленное" было разграблено, сей источник быстро иссяк.

Однако, функционирование нового государства требовало непрерывных расходов, ведущей статьей которых вскоре стала война. Вопрос стоял уже не о налаживании общественного производства на социалистических основах, но о выживании социалистического государства, о победе в гражданской войне. Фактически в распоряжении государства оставался лишь один-единственный источник дохода - прогрессирующая эмиссия бумажных денег. Так, с первых месяцев своего существования, социалистическая экономика стала формироваться как эмиссионное и милитаристское хозяйство.

В таблице 2 приводятся данные о масштабах инфляции указанного периода /в сравнении с данными за предреволюционные военные годы[4]/. Данные эти говорят сами за себя:

Таблица 2

	Годы						
	1915 в среднем за год	1916 янв.	1917 янв.	1917 окт.	1918 январь	1919 январь	1920 январь	1921 январь
I. Индекс ЦБСТ /по стране/	I,30	I,55	3,00	7,55	23,5	I64	2755	I9200
2. Индекс КИ /по Москве/	I,24	2,03	4,2I	I2,I	25,2	I98 /февраль/	2680	27I00

ЦБСТ - Центральное бюро статистики труда

КИ - Конъюнктурный институт

Показатели в таблице 2 - индексы среднемесячных цен /за 1 приняты цены 1913 г./. Напомним, что индекс цен данного года показывает, во сколько раз средний уровень цен данного года больше среднего уровня цен базового, в данном случае, 1913 года.

Приведенные данные дополняются сведениями о росте бумажных денег в обращении в сравнении с индексами цен на I января каждого года /показатели 1913 г. = I/ [5]:

Публикуемые

4/ Альб.Л.Вайнштейн. Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период 1921-1928 гг. "Наука". М., 1972

5/ Там же

Таблица 3

	Годы					
	1916	1917	1918	1919	1920	1921
I. Индекс цен ЦБСТ	I,43	2,94	20,76	I64	2420	I6800
2. Индекс количества бумажных денег в обращении	3,40	5,57	I6,60	86,8	I35,2	702

Во многих странах в разные времена эпохи больших войн и больших революций отмечались инфляциями, подчас грандиозных масштабов, как например в годы Великой французской революции[6]. В России теперь несчастливым образом имело место сочетание тяжелейшей войны и радикальнейшей революции. Поэтому данный период сам по себе не показателен для социалистической экономики вообще. Однако его нельзя и вовсе сбрасывать со счетов. Урок экономической политики радикального марксизма, которая позже была названа "военным коммунизмом", как бы оправдывая необходимость всех загибов и перегибов войной и на нее же сваливал все беды, состоял уже в том, что никакое государство, никакой экономический строй не могут быть свободными от объективных экономических законов. Ныне последний тезис звучит трюизмом, но надо помнить о том, что Маркс и Энгельс всерьез верили и активно проповедовали, что пролетарская революция будет скачком из царства необходимости в царство свободы /исчезнет разделение труда, закон стоимости, денежное обращение, конкуренция, прибыль и даже, насколько можно судить, ограниченность хозяйственных ресурсов.../. В сознании отечественных марксистов наш тристический тезис тоже долго не укладывался.

Итог политики буквального коммунизма - страшная и небывалая хозяйственная разруха. Объяснять ее проведением военных действий - значит не объяснять вовсе. В те времена не было ни уличных боев в городах, на боев на территории промышленных предприятий - в том виде, как мы представляем себе эти вещи по последней войне. Предприятия останавливались из-за того, что рабочие уходили воевать, патрулировать, заседать, митинговать, мешочничать, из-за некомпетентного руководства производством со стороны комиссаров при отсутствии компетентных инженеров, специфицированных новой

6/ Г.А.Фальпор. Бумажные деньги французской революции

властью. Известная часть промышленности и транспорта работала на армию. Некоторые сырьевые районы подчас оказывались в руках неприятеля. Но наряду со всем этим /будучи гораздо важнее сказанного по значению/ имело место разрушение сложной и тонкой самоорганизующейся структуры производства-снабжения-заготовок-транспортировки-торговли-обмена-финансирования-кредитования-ценообразования-спроса-предложения, структуры с миллионами прямых и обратных связей, с десятками миллионов агентов, принимающих свои частные решения, которые статистически усредняются и взаимно увязываются за счет свойств больших систем. Эту-то структуру, которая одна только и может рационально /не смотря на ошибки и благодаря им/ распределять ограниченные ресурсы, Маркс обрек на уничтожение, полагая, что без нее все будет делаться так же, только лучше.

Описанная нами структура была заменена административным управлением, каковое следует по справедливости считать принципиально новым фактором, отличающим описываемую ситуацию от всех предыдущих войн и революций. Административное управление, буквально осуществившее предначертания Маркса, было, наряду с войной и революцией, дополнительным страшным бедствием, которое свалилось на страну. Войны кончаются, революции иссякают, кончается даже чудовищный тоталитарный террор. Но стихийное бедствие административного управления беспрерывно продолжает свою разрушительную работу, под видом всеохватывающего планирования такую анархию, какая не снилась никакому капитализму, и такую бесхозяйственность, которая неминуемо ведет страну к катастрофе.

Но вернемся к временам революционного энтузиазма.

4.

Наступает нэп. С точки зрения многих нынешних экономистов - это потерянный рай. Свобода торговли. Иностранные капиталы. Юридическое отделение государственной промышленности от государственного аппарата. Стихийное ценообразование. Частная инициатива. Золотое обеспечение и твердый курс новой валюты, ее свободное хождение внутри страны и заграницей, ее свободный обмен на золото. В 1924 г. на лондонской бирже курс червонца превысил курс фунта стерлингов и сравнялся с долларом[7]. Провозглашено, что "новая экономическая политика" необходима на весь переходный период от капитализма к социализму /тем самым впервые признана необходимость такого переходного периода и, неявно, ошибочность крутой ломки предыдущих лет/.

7/ Г.С.Лисичкин. План и рынок. "Экономика". М., 1966

Период нэпа в дальнейшем стал называться "восстановительным периодом". Целью этой политики было восстановление экономической структуры, разрушенной при предыдущей политике. Притом это должно было осуществиться на новой, социалистической основе /крупная промышленность, энергетика, транспорт, связь, банки, капиталовложения – все это государство оставило себе/. Вопреки обещаниям, нэп кончился к концу двадцатых годов – задолго до окончания переходного периода – далеко не оправдав возлагавшихся на нее надежд /как со стороны марксистов, так, еще менее, со стороны масс простых людей/. Дальнейшая часть этой статьи отведена периоду нэпа.

Итак, экономический рай. Экономический бум. Даешь смычку! /города и деревни/. Учитесь торговать! Коммерческий расчет! Даешь красного купца!

С 1922 года началось осуществление нэп. Спустя четыре года, в 1926 г. В.В.Новожилов публикует статью[0/], где описываются типичные инфляционные явления в тогдашней экономике: недостаток товаров по сравнению с денежным спросом, вздутие цен на вольном рынке /аналог нынешнего черного рынка/, разрыв между ценами трестов и ценами вольного рынка достигал 100% и т.п. Автор считал эти явления следствием некоммерческой политики цен. Новожилов со всей ясностью показал, что при некоммерческой политике цен, их заниженном искусственно уровне, не ликвидируется товарный голод путем расширения производства потребительских товаров, а усиливается – притом тем больше, чем выше темпы расширенного воспроизводства. Ибо при заниженных ценах товаров промышленность не получает от населения достаточно денег для расширения производства и сказанный процесс возможен только за счет добавочной эмиссии. Последняя питает, в свою очередь, отрасли, производящие средства производства. Преследуя цель поскорее увеличить выпуск потребительских благ, государство должно преждевременно ускоренно расширять производство средств производства. Доход работников отраслей группы А еще увеличивает массу денег у населения, которая опять-таки не возвращается вся в казну вследствие заниженных цен, по какой причине фиск опять вынужден прибегать к эмиссии, усугубляя товарный голод. Так образуется порочная спираль инфляции. Раскручиваясь, она все время набирает темп. Чем быстрее обесценивается валюта, тем меньше доход эмитента от инфляции, что заставляет фиск еще более наращивать темпы эмиссии. В конце концов эмиссия перестает приносить ощутимый доход и отягощается ненужной никому. Тогда наступает момент для денежной реформы, восстановления

0/ В.В.Новожилов. Недостаток товаров. "Вестник финансов". 1926, №2
Переиздание: В.В.Новожилов. Вопросы развития социалистической экономики. "Наука". М., 1972

дезорганизованной экономики, и ... тогда считать мы стали рань, товарищей считать...Ибо описанная "скачущая инфляция" несет разорение и беды огромным массам населения, живущим на фиксированный доход. Все это - теория, к счастью, теория. Обратимся теперь к практике.

5

Вот индекси московских цен за 1919-24 гг. в "совзнаках"[9]/ /индекси КИ, цены 1913 г.= I/ Таблица 4

	Г о д ы					
	1919 апр.	1920 апр.	1921 апр.	1922 апр.	1923 апр.	1924 март
Общий индекс	301	4,70	45,0	2021	42,4	66420
по отдельным видам товаров:						
I. Хлебные	968	10,31	77,9	3620	36,2	61331
2. Мясо	293	4,91	38,3	2438	31,3	47193
3. Масло раст.	574	I4,43	I22,5	4979	36,5	55724
4. Соль	I824	60,93	209,4	3995	I9,9	I87370
5. Мануфактура	291	4,53	53,7	I666	65,I	87369
6. Обувь	I95	6,40	35,0	2077	5I,6	72050
7. Керосин	585	4,97	20,6	748	83,3	30010
8. Дрова	-	-	-	I479	24,8	4.990

/Индекси 1919-21 гг. - среднемесячные, 1922-24 гг. - на начало месяца, индекси 1920-22гг. даны в тысячах, 1923 и 1924 гг. - в миллионах, так, одному рублю 1913 г. соответствуют - по первой строке- 301 руб в 1919г., 45 тыс. руб в 1921 г., 42 млн.руб в 1923 г. и 66420 млн. руб. в 1924 г./

А вот и показатели эффективности эмиссии совзнаков

/реальная

ма в золотых рублях, которую получает государство при увеличении тем эмиссии на 1% бумажно-денежной массы, уже находящейся в обращении/ 10/ /см. табл. 5/

А.Л.Вайнштейн. Цит.соч.;

/Там же

Таблица 5

месяц	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1925 г.
январь	611	458	823	249
февраль	429	235	965	
июнь июль	292	548	596	
октябрь	510	922	854	

К концу периода, как выражается автор, "реальная производительность печатного станка уменьшается до предела."[11] "Эффективность эмиссии для государства осенью 1923 г., - пишет далее автор, - почти перекрывалась ущербом, который оно терпело от обесценения наличности и поступлений в совзнаках, т.е. эмиссия теряла свое значение в качестве доходного источника"[12]. Однако, еще в IУ квартале 1922 г. доход от эмиссии составлял 46% всего денежного дохода государства, в начале же 1922 г. он составлял 93% денежных поступлений в казну.[13]

Назрела денежная реформа. Уже осенью 1922 г. появляются первые банкноты госбанка - червонцы. Началось параллельное обращение двух бумажных валют.

Червонец, оставаясь твердой валютой по сравнению с катастрофически падающим совзнаком, довольно быстро проявил признаки обесценения: к осени 1923 г. примерно на 30-35 проц.[14] Цены в червонном исчислении также стали расти, что отчасти объясняется стремительным падением совзнака. Тем не менее, основной причиной начавшегося обесценения червонца было чрезмерное кредитование промышленности.[15] Если автору, кого мы цитируем, понятно, что все сие значит, то нам здесь нелишне будет дать пояснение: эмиссия червонцев стала набирать темп; вспомним, что писал Новожилов о некоммерческой политике цен - она вызывает необходимость добавочной эмиссии. Обесценение червонца повлекло повышение цен на промышленные товары, усугубляемое повышенной конъюнктурой в промышленности и торговле. Соответственно, село стало терять доход, который перекачивался в промышленность и торговлю. Продолжавшаяся кредитная инфляция червонца была еще игрушкой городу, но уже била по селу.

Деревня, находясь дальше от источника эмиссии, в большей мере, чем город, продолжала пользоваться падающим совзнаком. Это обуслов-

---

11/ Там же. 12/ Там же. 13/ Там же. 14/ Там же

вило понижательную тенденцию сельскохозяйственных цен относительно цен промышленных товаров. И в этот момент Наркомпрод выбрасывает на рынок огромное количество хлеба, собранного по продналогу. В 1922 г., первом после отмены продразверстки, крестьянство собрало хороший урожай. То ли нормы натурального налога, установленные ранее, были ориентированы на плохие урожаи, то ли вообще никто об этом не думал, только в 1922 г. натуральным налогом было собрано избыточное количество хлеба. Отдушиной мог бы быть экспорт зерна, но он не был организован. Самый злонамеренный диверсант не мог бы придумать ничего лучше! На хлебный рынок, и без того насыщенный товаром, вдруг хлынул хлеб Наркомпрода, конечно, по низкой цене /красные купцы.../

Цены сельскохозяйственных продуктов резко упали, в то время как цены промтоваров продолжали расти. Вместо "смычки" города и деревни получились пресловутые "ножницы". И режущие кромки этих "ножниц" пошли по селу.

"Необходимо подчеркнуть, – писал А.Л.Вайнштейн в 1972 г., – что снижение сельскохозяйственных цен с осени 1922 г. до лета 1923г. ударило в первую очередь и в основном по кулацким слоям деревни. Осенью 1922 г. хлебные цены были еще достаточно высоки, весной они оказались значительно ниже осенних, причем разрыв цен был всего значительнее в производящих районах. Кулаки, продержавшие хлеб в ожидании повышения цен были вынуждены продавать его по низким ценам, а бедняки, покупавшие хлеб весной, получили возможность приобрести его дешевле и, таким образом, могли выиграть на разнице цен. Если к этому добавить, что эмиссионный налог ложился на те слои деревни, которые имели в своих руках больше сбережений, то мы придем к выводу, что перераспределение народного дохода производилось в 1922–23 гг. в подавляющей части за счет кулацкой верхушки сельского населения, разбогатевшей в предшествующие голодные годы.

Движение цен с осени 1922 г. до весны 1923 г. оказалось, таким образом, отвечающим народнохозяйственным и социально-политическим интересам страны"[15].

Если делить всех тогдашних крестьян России на кулаков и бедняков, приведенная Вайнштейном схема может быть принята, да только прав ли он?

Не будем здесь оспаривать правомерность термина "кулак" для

15/ Там же

обозначения того крепкого мужика, который, получив равный со всеми надел после передела 1917 г., пройдя затем по всем кругам братоубийственной войны и продразверстки, [illegible] сохранил и укрепил свое кровное хозяйство, да еще и, будучи первым объектом набегов продотрядов, ухитрился "разбогатеть в голодные годы". Если этот прижимистый мужик, который кормил всю страну, хоть и не всегда охотно, был "кулак" - пусть будет кулак.

Верно, что больше всех должен был потерять от "ножниц" тот, кто больше всех имел. Но б о л ь н е е всего ножницы, как можно догадаться, были для того, кто имел [illegible] меньше других. Этот не-кулак, выручив за свой хлеб осенью незначительную сумму, да еще в падающей валюте, совсем был не в состоянии приобретать дорогие промышленные товары, в частности, сельскохозяйственный инвентарь, более необходимый ему, чем ранее обеспеченному себя "кулаку". Спрашивается, на какие шиши бедняк после этого покупал весной дешевый хлеб? не на заработок ли батрака? Не требуется особой догадливости, чтобы понять, что "ножницы цен катализировали "ножницы" социального и имущественного расслоения деревни. "Кулак" недополучил прибыль, но внакладе, бедняк разорился вконец. Недовольны были оба, но первый направлял свое недовольство по правильному адресу, второй, как можно ожидать, свое недовольство переадресовывал на богатого соседа. Возможно, ускоренное расслоение деревни и поляризация социальных сил на селе отвечали социально-политическим интересам молодого, да раннего "государства рабочих и крестьян", во всяком случае, это способствовало "развертыванию классовой борьбы в деревне" в последующие за нэп годы коллективизации. Мы посоветуем вернуться к этим "ножницам" тому, кто недоуменно спрашивает до сих пор: откуда и почему ко времени коллективизации, т.е. на втором десятилетии советской власти, в деревне были налицо бедняки и кулаки? В свете сегодняшнего нашего опыта можно сильно сомневаться, что расслоение деревни в эпоху "ножниц" отвечало, как уверяют нас, народнохозяйственным интересам страны; что до коллективизации, то ей история уже вынесла свой приговор.

Итак, астрономическая инфляция "совзнака" исчерпала свои доходные возможности. Наметилась инфляция червонца. Образовались "ножницы". Все? Нет не все. "Букет болезней" советской экономики дополнился кризисом перепроизводства промышленных товаров осенью 1923 г.. Вообще, этого следовало ожидать вследствие продолжающегося расхождения "ножниц", поскольку стремительный рост цен на промышленные товары столкнулся с упавшей покупательной способностью села. Однако, при но-

большом /сравнительно/ абсолютном показателе промышленного производства /в 1922 г. - 24% довоенного уровня[16]/ этого никто не ожидал и кризис сбыта грянул, как гром среди ясного неба.

Осенью 1923 г. хлебные цены упали еще больше вследствие реализации хлеба нового урожая. Здесь уже и Вайнштейн признает, что стала страдать основная масса крестьянства[17]. Обозначился процесс попятной натурализации крестьянского хозяйства: домашнее производство пеньковых, льняных и шерстяных тканей, обуви, мыла, переработка кожи и хлопка[18]. Поступление сельскохозяйственного сырья на рынок стали уменьшаться. Государство было вынуждено финансировать хлебозаготовки. Одновременно государство резко вмешалось в процесс ценообразования, начав снижение цен промышленных товаров для села /та некоммерческая политика цен, которая заставила вмешаться Новожилова с упомянутой нами ранее статьей и которая, как объяснил этот ученый, не устраняет товарного голода/.

Снижение началось с оптовых цен, это был правильный шаг. Но при этом, как отметил Новожилов, дальнейшее финансирование промышленности не могло обойтись без новой эмиссии. В начале 1924 г. розничные червонные цены стали снова расти - по Всесоюзному индексу за два месяца-на 6,7%, по Московскому - на 8,3%[19]. "Дальнейшая отсрочка денежной реформы была невозможна, ее необходимость и срочность вытекали из состояния рынка и цен", - заключает свой обзор этого периода А.Л.Вайнштейн[20].

Март 1924 г. - денежная реформа. Одновременно усиливается вмешательство государства в ценообразование. Упразднение "совзнака", ставшего никому не нужным хламом. Основной валютной единицей стал червонец, твердо обеспеченный золотом в международных операциях; размен червонца на золото внутри страны был ограничен[21], обмен его на иностранную валюту по твердому паритету был свободным[22]. Все эти усиленные мероприятия по укреплению валюты, в совокупности с полузучей инфляцией на Западе и вероятным отсутствием там полного представления об истинном характере финансовой политики советского государства, как можно полагать, и привели к тому недоразумению, когда курс червонца обогнал курс фунта стерлингов. У нас нет подлинных данных на этот счет, но по всему видно, что подобный взлет червонца на западных валютных биржах был явлением кратковременным, если не сказать - случайным. "Оценивая результаты движения уровня цен на втором этапе восстановительного периода[23], приходится констатировать

16/ Ю.Ларин. Итоги, пути и выводы новой экономической политики."Московский рабочий". М., 1923

17/ Альб.Л.Вайнштейн. Цит.соч./стр. 72/. 18/ Там же, со ссылкой на газеты тех лет. 19/ Там же. 20/ Там же. 21/ Г.Б.Лисичкин.Цит.соч.

22/ Там же. 23/ Т.е. в 1924-28 гг.

что задача снижения уровня цен и повышение покупательной силы рубля в этот период не была осуществлена"[24].

Оптовые цены и розничные цены на основные предметы потребления в государственной торговле теперь регулировались /то есть, ограничивались в росте/ государством, поэтому их индексы не показательны. Розничные цены в вольной торговле росли, что указывает на продолжение эмиссии. Новожилов указывает, что по некоторым товарам превышение вольных цен над государственными достигало 100 - 200 проц.[25], но и эти цены перестали давать количественную информацию, так как вольный рынок располагал не всей товарной массой, а лишь ее частью, отчего в росте цен значительное место стала занимать спекулятивная составляющая.

Некоторое представление о действительных темпах инфляции обесценения новой "твердой" валюты - червонца - дает индекс НИ нерегулируемых цен на предметы роскоши и деликатесы. С I ноября 1927 г. по I ноября 1929 г. индекс цен по 66 наблюдаемым товарам вырос на 12,6 проц. в государственной торговле и на 26,9 проц. в частной торговле, в то время как по перечню товаров массового потребления в государственной торговле индекс цен вырос на 8,2 проц.[26] Все это - цены в червонцах.

Едва ли можно допустить, что повышенный спрос на роскошь предъявлялся рабочими и крестьянами. Не могло этого быть и со стороны творческой, технической и служащей интеллигенции, чей доход состоял из случайного заработка, либо зарплаты. Партмаксимум ограничивал в те благословенные времена и доход аппаратчиков. Конечно, деньги водились и множились, в основном, у тех, кто был непосредственно приобщен к денежному обороту - у нэпманов /вольных торговцев, мелких предпринимателей, перекупщиков, спекулянтов.../ Но растущий спрос на роскошь мог предъявляться при двух условиях: /а/ избыточном количестве денег в обращении, /б/ невозможности употребить растущий личный доход на расширение своего коммерческого дела. Оба условия соответствуют тому, что мы знаем о политике государства тех лет: о неоправданной потребностями товарооборота эмиссии и о пастушении на нэпмана. Оба же условия связаны между собой, притом парадоксальным образом.

Рисуется такая картина. Государство выпускает деньги для финансирования производства. Меньшая часть этих денег возвращается в казну через государственную торговлю, большая же часть их начинает обслуживать вольный рынок и задерживается там надолго, постепенно

24/ Альб.Л.Вайнштейн. Цит.соч. 25/ В.В.Новожилов. Цит.соч.
26/ Альб.Л.Вайнштейн. Цит.соч.

сосредоточиваясь в руках относительно небольшой группы "акул". Те не могут найти им иного применения, чем тезаврирование и т.д. Таким образом, значительная часть выпускаемых денежных знаков оседалась, минуя фиск, при невозможности их производительного употребления, в то время как государство, именно для целей производительного употребления постоянно ощущало нехватку денег и вынуждено было печатать новые, которым - самим экономическим строем - заранее уготовлялась та же судьба. Задача "социалистического накопления" могла решаться только при помощи постоянной эмиссии. Снова, как и прежде, страна страдала не столько от капитализма, сколько от недостатка его развития.

Скромные числовые данные, которыми мы располагаем, иллюстрируют все эти общие рассуждения. В 1926-27 фискальном году контрольными цифрами Госплана предусматривался выпуск червонцев на 150 млн.руб, из них на IУ квартал приходилась п о л о в и н а годового выпуска. Однако выпущено было червонцев на 328 млн.руб, причем в IУ квартале, вместо 75, было выпущено 200 млн. руб.[27] В нынешней терминологии это означает, что годовой план эмиссии был выполнен на 220%, причем план IУ квартала - на 266%. Среднемесячный темп роста эмиссии, согласно приводимым данным, составлял 7% за год, а за IУ квартал в отдельности - 40% ежемесячно. Создается впечатление, что едва ли не единственной экономической задачей, которую социалистическое государство было в состоянии решать успешно, было печатание новых и новых денег.

Можно усомниться, что золотой запас Государственного банка рос теми же темпами, что и эмиссия. Неизбежна была девальвация, либо ограничение обмена червонца на золото и валюту. Последнее означало прекращение котировки советской валюты на свободных биржах Запада и его конвертируемости. По-видимому, эксперимент с привлечением иностранных капиталов в Республику Советов также не дал ожидаемых результатов. Страна была обречена строить социализм, "опираясь на собственные силы", начинали обсуждаться планы ускоренной индустриализации...

7.

Опыт нэпа до сих пор не изучен по-настоящему в нашей литературе и не проанализирован до конца. Этот уникальный эксперимент, по-видимому, не удавшийся, должен сослужить нам службу своими уроками.

Это был начальный этап становления советской экономики, разваленной "хозяйствованием" эпохи "военного коммунизма". Далее, это было время, когда ситуация в производстве, рыночная конъюнктура, хозяйственная политика государства - менялись ежегодно, ежемесячно, чуть ли не ежедневно. В этот динамичный период, чрезвычайно насы-

---

[27] Партия и оппозиция накануне XУ съезда ВКП/б/. Вып.II.ГИЗ,1928 стр. 58

щенный событиями и мнениями, экономическая система /совокупность всех социальных ячеек в аспекте их экономических функций/ "рискала", "обучалась", "накапливала опыт" в стремлении отыскать модус устойчивого равновесия и роста в условиях сочетания вольной торговли и социализированных "командных высот".

Наконец, и это существеннее всего, период нэпа представляет собой продолжение грандиозного политико-социально-экономического эксперимента - социалистической революции, которая только началась в ноябре 1917 г. и продолжалась перманентно около двух десятилетий. Эксперимент содержал: 1/ диктатуру пролетариата /групповая или личная диктатура с опорой на вооруженную силу и пропаганду небывалой интенсивности/, 2/ экспроприацию всей частной собственности и банковых вкладов, 3/монополизацию государством всей экономической инициативы, включая рабочие объединения, 4/ ошельмование интеллигенции как сословия, а, в пределе, ликвидацию всей старой интеллигенции и ускоренное выращивание нового сословия для выполнения нефизического труда, 5/ создание трудовой армии /сословия зэков/ как одного из главных факторов осуществления гигантской стройтельной программы, а также другие беспрецедентные мероприятия /"твори, выдумывай, пробуй!"/. В итоге все, без исключения население страны подлежало всесторонней государственной опеке; такую систему можно охарактеризовать как государственный патернализм. Это и есть тоталитаризм.

С нынешней точки зрения период нэпа был тем моментом истории, когда решался кардинальный вопрос об основных тенденциях будущей экономической стратегии государства и, следовательно, об основных чертах будущей экономической структуры СССР. Наша пропаганда обычно представляет этот вопрос в виде: кто кого? Имеется в виду: капитализм или социализм? Однако, мало кто представлял себе тогда - что кроется под сказанными наклейками. Ближе всех к сути вопроса подошел Ленин в известном своем высказывании, что социализм может победить, только если он даст большую, по сравнению с капитализмом, производительность труда. Полное же раскрытие оппозиции "кто - кого", какое видится нами теперь, с известной исторической дистанции, заключено в следующем: благополучие и благосостояние населения - или политическая устойчивость социалистического государства? Так, оказывается, стоял вопрос. Нам не пришлось его выдумывать - указанная альтернатива выявляется теперь как данность при анализе экономической стратегии государства. Этом, что государство - в лице его основателей и вождей - искренне верило, что целью его является именно благополу-

и вождей - искренне верило, что целью его является именно благополучие населения /считая себя залогом того благополучия - гарантом отсутствия эксплуатации/ и периодически давали соответствующие обещания/ - составит глубокий психологический драматизм и источник подлинной реальной трагедии прошедших шести десятилетий, а также и ближайшего будущего. Ибо, хотя жизненный уровень населения со времени нэпа в целом значительно вырос, названная проблема в истинном ее объеме не решена до сих пор и не разрешима в рамках государственной монополии на экономическую инициативу.

То, что в тот период небывалой экономической свободы государство не могло пополнять свой доход без значительной эмиссии, говорит о многом. Нэп называли шагом назад - и в том была правда. Нэп был шагом назад против движения экономики в тот тупик, куда гнал ее ортодоксальный марксизм и куда в конце-концов загнал Сталин. Период нэпа был переходным, но не в том смысле, какой обычно вкладывается в это слово. Политика нэпа была бы весьма эффективной для перехода от социализма к капитализму. Не принимать нэпмана следовало бы, заботясь о благополучии населения, а поощрять и развивать.

Опыт нэпа показывает, что без частной инициативы в торговле и производстве совместная задача первоначального накопления и обеспечения народа потребительскими товарами не может быть решена; эти две цели оказываются несовместимыми. В начальный период нэпа началось успешное решение второй из названных задач, но вскоре стало очевидно, что не могла быть решена проблема накопления. Это и вызвало, в конечном счете, ликвидацию нэпа и крутой поворот к коллективизации и пятилеткам. В период тридцатых годов советское народное хозяйство решало проблему индустриализации за счет жизненного уровня населения и даже за счет его физического благополучия.

Когда свернули шею вольной торговле и переломили хребет российскому крестьянству /Сталин: "великий перелом"!/, проведя сплошную коллективизацию, жизненный уровень населения в целом столь сильно упал, что некоторое улучшение снабжения ~~населения потребительскими товарами~~ города продовольствием, тканями, одеждой и т.п., какое наметилось к концу тридцатых годов, можно было преподносить как заметный рост благосостояния всего народа. Только чрезвычайной скудостью товаров массового потребления, крайне низким уровнем денежного дохода населения и минимальными запросами людей в то время - можно объяснить отсутствие тогда такого роскошного и изобильного черного рынка, какой мы наблюдаем теперь.

Финансирование индустриализации, как совершенно ясно, осуществлялось путем дальней шей эмиссии, не находящей отражения в росте товарооборота; развитие отраслей группы Б намного отставало от роста отраслей группы А. В этой связи необходимо было бы рассмотреть и такие явления, сформировавшиеся в тридцатые годы, как отчисления на социальное страхование, акциз, прямые налоги и внутренние беспроцентные займы, ставшие на два десятилетия постоянной, всеобщей и обязательной формой денежной повинности населения. Все эти виды денежных поборов решали двойную задачу: снижение покупательной способности населения и возврат в казну избыточной денежной массы. Особое значение при этом имел и продолжает иметь акциз /налог с оборота/, входящий в цену на водку и другие алкогольные напитки. Водка – едва ли не единственный товар, которого потребление по потребности смогло обеспечить своему народу социалистическое государство.

Ныне, когда проблема накопления решена, по-прежнему остается острый дефицит потребительских товаров. Социалистическая экономика, начав с астрономической инфляции, продолжала оставаться эмиссионной на всем протяжении своей истории. Только очень ограниченный взгляд на феномен инфляции позволит усомниться в правильности нашего утверждения. Нелепо судить об инфляции , глядя на движение декретируемых цен. Фиксированные цены столь же красноречиво говорят об экономических процессах, сколь верно говорит о давлении в котле стрелка манометра, которую прибили к циферблату. Одно стоит другого. Только черный рынок служит клапаном, компенсирующим избыточное давление и предотвращающим взрыв – до поры, до времени.

8.

Автор надеется, что его правильно поймут, когда он закончит свою работу цитатой не из Маркса, ибо тот не может нам помочь ни сейчас, ни когда-либо. Мы начали с цитирования В.В.Новожилова об огромной трудности "балансировки денежной и товарной масс". Теперь приведем окончание того же отрывка. Новожилов продолжает: "Проблема эта трудна не только потому, что теория денег далека еще от точного установления количественной связи между элементами денежного обращения и ценами /товаров, других видов денег и капитала/, – проблема эта трудна еще потому, что инфляция является сильным искушением для всех, кто может создавать деньги"[28].

28/ В.В.Новожилов. Цит.соч., стр.23

И.Н.

О МЕТОДИКЕ "ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ТОВАРА"

/Примечание к статьям "Возможен ли социализм без инфляции" и "Грани дефицита"./

Интересно, что в обоих упомянутых статьях авторы, пытаясь оценить уровень инфляции в СССР, предлагают один и тот же метод, который они называют методом представительного товара. Составителю сборника всерьез не известно, знакомы между собой оба этих автора или же нет, а если нет - то как могло получиться, что они не только одновременно предлагают один и тот же метод, но и в качестве примера привели один и тот же "представительный товар".

Вместе с тем, составитель с сожалением отмечает, что рассчеты темпов инфляции на основе темпов роста цен на водку кажутся ему некорректными. Рост цен на представительный товар можно приравнять к темпам инфляции лишь в том случае, если доля денег, идущих на водку из индивидуального бюджета граждан в среднем по стране остается неизменной, и вдобавок потребление самой водки /в натуральных единицах/ на душу населения остается неизменным. Сказанное проиллюстрируем числовым примером: допустим, цена на водку возросла с 3 рублей до 4 рублей, т.е. на $\frac{4-3}{3} \times 100\% = 33\%$. Приравнивая рост цены на водку к темпам инфляции, мы должны предположить, что средняя зарплата советского человека тоже увеличилась на 33%. Реально, однако, могла быть иначе. Допустим, рабочий получает 200 руб. в месяц, и в день выпивает по 0,5 бутылки водки. В этом случае, достаточно увеличить ему зарплату на 15 руб., чтобы компенсировать рост цены, т.е. увеличение количества выплачиваемых денег составит всего лишь $\frac{15}{200} \times 100\% = 7{,}5\%$, что и можно приравнять к темпам инфляции. При этом, все прежние статьи расходов рабочего остались неизменными, но увеличилась доля его расходов на водку в общем бюджете. Таким образом, метод "представительного товара" нуждается в существенных дополнениях. Водка, вероятно, является неудачным примером, поскольку данные о ее продаже не публикуются, однако можно, вероятно, попытаться найти иные "представительные товары" с тем, чтобы вычислить необходимые для них поправочные коэффициенты. Отметим, кстати, что по данному виду товара в розничной торговле не должно наблюдаться ни дефицита, ни перепроизводства, либо должен сохраняться, так сказать, постоянный уровень дефицитности или избыточности. Не исключено, что изменения уровня дефицитности-избыточности можно попытаться как-то оценить, и ввести в модель дополнительные поправки.

Далее отметим, что отождествление понятий "дефицит" и "инфля-

ция" является некорректным. Инфляционным явлением можно считать не сам дефицит, а рост дефицита, сколь бы трудно ни было определить его эмпирически. Далее, к инфляционным явлениям следует отнести ухудшение качества товаров: добавление картофеля в колбасу, замена деревянной фанеровки мебели на пластмассовую и т.д., если эти замены происходят без изменения цены. Реальное уменьшение дефицита по отдельным видам товаров или же уменьшение "суммарного дефицита" определяемого каким-нибудь приведенным показателем, может быть, очевидно, приравнено к дефляции, но только до тех пор, пока не наступ точка равновесия, т.е. до тех пор, пока товар не станет избыточным Избыточный товар просто выбывает из сферы потребления, и при исчислении национального дохода он учитываться не должен. /На Западе цены на такой товар несколько упадут, благодаря этому он будет реализован, и его общая стоимость по этой более низкой цене по праву будет учтена при подсчете величины национального дохода./

П. ИСТОКИ

В. Артемов

ВОЗМОЖЕН ЛИ КОММУНИЗМ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА?

В своих известных записках "Критика готской программы" Карл Маркс писал, что "на высшей фазе коммунистического общества,... когда вместе со всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, ... общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям". Согласно теории, если излагать ее коротко, для достижения этих целей "капиталистическую" систему хозяйства, основанную на частной собственности и товарно-денежных /рыночных/ отношениях необходимо заменить "социалистической", при которой частной собственности на средства производства и товаро-денежных отношений не будет; не будет, следовательно и самих денег. К сожалению, такое негативное определение, т.е. определение через то, чего не будет, не дает еще ответа на вопрос: как же будет работать экономика при коммунизме? ж

Размышления подводят нас к тому, что некоторые формы безденежной экономики /т.е. экономики, в которой отсутствуют товаро-денежные отношения/ в принципе возможны. Однако, будучи конкретизованы как экономическая программа, эти проекты вызывают не столько энтузиазм, сколько недоумение.

Прежде всего, приходится отметить, что ясную конкретизацию коммунизма как экономической программы в работах Маркса и его последователей отыскать невозможно. Еще И.Шафаревич в своей статье "Арьергардные бои марксизма" справедливо отметил, что такие вещи, как захват власти, диктатура пролетариата /точнее - диктатура его "сознательного авангарда"/, экспроприация земель и промышленных предприятий, национализация банков и прочее описаны в трудах классиков ярко и красочно, однако позитивная программа построения новой хозяйственной системы практически отсутствует, и высказывания на этот счет становятся неконкретными и зачастую малопонятными. Интересно, что ни в трудах Маркса-Энгельса-Ленина, ни в современной марксистской литературе, как у нас, так и за рубежом, вообще не встречается сочетание слов "коммунистическая экономика". Критикуется "экономика капитализма", обсуждаются проблемы "экономики развитого социализма", но вот экономики коммунизма и ее возможных проблем как бы вообще не

ж/ Во избежание недоразумений отметим, что понятия "социализм" и "коммунизм" мы употребляем в данной статье как синонимы, поскольку определение социализма как первой фазы коммунизма было придумано уже в советское время. Маркс, а за ним и Ленин писали о "первой" или "переходной" фазе коммунистического общества, но не называли первую фазу социализмом, а вторую - коммунизмом.

существует.*

Тем не менее, в марксистской литературе, несмотря на всю ее неконкретность в части позитивной программы, имеются указания на несколько основных принципов построения социалистической системы хозяйства:

I/ "Равенство людей", включающее в себя имущественное равенство, отмирание разделения труда, "стирание граней между умственным и физическим трудом", а также упразднение власти и управления, в том числе и на производстве - все это вместо "неравенства" в классовом обществе;

2/ коллективная собственность или "отмирание собственности" и кооперация взамен частной собственности на средства производства;

3/ Планомерно развивающееся индустриальное /по Марксу/ хозяйство взамен "анархии производства" при капитализме.

Исходя из этих принципов, а также отталкиваясь от негативного определения, что товаро-денежных отношений не будет, попытаемся реконструировать возможные модели построения коммунистического общества.

Начнем с кооперации. Более или менее свободная кооперация, материальное равенство производителей и безденежное хозяйство мыслимы в рамках небольшого предприятия типа сельской общины. Если такая община сама обеспечивает себя всем необходимым, то есть ведет натуральное хозяйство /по принципу "продукт совместно производится и совместно поедается"/, то деньги и рынок действительно не нужны, не нужно, пожалуй, и централизованной власти. Многое, однако, остается непонятным. Прежде всего - такой хозяйство не может быть индустриальным. Ведь для того, чтобы обеспечить техникой натуральные сельские общины, нужны заводы. На этих заводах тоже могут работать "свободные кооперанты", но сами обеспечить себя всем необходимым они не смогут, то есть вынуждены будут вступать с сельскими общинами в отношения обмена или торговли, которых по определению быть не должно. /По Энгельсу, отношения обмена - это просто примитивная форма торговли, которая неизбежно переходит в товаро-денежную./

---

*/ Особенно показательны в этом отношении работы критика советской системы Роя Медведева, марксиста по убеждениям. В своей "Книге о социалистической демократии" Р.Медведев пишет, что при благоприятных условиях коммунизм в нашей стране может быть построен уже к концу XX века, но как этот коммунизм будет выглядеть - об этом не сказано ни слова. Реальной советской экономике, ее проблемам и реформам, посвящена целая глава, но с тезисом о построения коммунизма эти экономические рассуждения никак не увязаны. Создается впечатление, что реальная экономика и "коммунизм" существуют в сознании автора как бы в разных плоскостях, и эти плоскости нигде не пересекаются.

Итак - натуральная община, ведущая хозяйство самыми примитивными способами.

Откуда же возьмутся в этой общине те источники общественного богатства, которые польются полным потоком? Откуда возьмется расцвет культуры и "свободное развитие каждого", если общество распадется на миллионы не связанных друг с другом общин? Далее, если в одной общине хорошо растет лен, в другой - пшеница, а в третьей имеются месторождения нефти, то неужели и в этом случае нельзя будет перейти к торговле? /А кто запретит? Значит, нужна "межобщинная полиция", которая следила бы за тем, чтобы капитализм стихийно не реставрировался?/ У каждого из нас наберется еще немало вопросов, которые можно задать пропагандисту такого социалистического образа жизни. Например, что делать с людьми, которые не захотят жить в таких общинах /допустим, убегут/? Ведь тем самым они как бы выпадут из социализма и потеряют право считаться членами общества. Если таких людей наберется много, то они смогут организовать какие-то иные, "альтернативные" коллективы, которые могут заниматься разбоем, коммерческим посредничеством или просто вести какой-то иной, по сравнению с ортодоксальными коммунами, образ жизни. Проблема возможных взаимоотношений между "ортодоксальными" и "неортодоксальными" /например, воровскими/ коммунами представляется нам весьма увлекательной, но подробно останавливаться на ней мы не будем.*

Рассмотрим теперь другой вариант, когда свободные кооперанты, выступая в качестве собственников своих предприятий, осуществляют общественное разделение труда. Нечто похожее мы видим в Югославии. Прежде всего: и Маркс, и Ленин, повторяя своих предшественников-"утопистов", прямо писали об "отмирании" разделения труда.** С этим тези-

---

*/ Впрочем, по идее никто убегать из социализма не должен, разве что за исключением психически-ненормальных. В социализме /теории и практике/ не случайно очень большое место отводится так называемой "сознательности" людей, которая должна компенсировать противоестественные или просто плохие условия жизни. Ниже мы не будем рассматривать этот вопрос подробно, но подчеркнем, что ставка на упомянутую "сознательность" - один из ключевых тезисов в социализме, без которого все учение теряет логическую завершенность.

**/ Хотя в нашей стране все учащиеся школ, техникумов и ВУЗов поголовно читают и конспектируют работы классиков марксизма-ленинизма, мало кто сознает, сколь серьезное место отводилось в их концепции отмиранию разделения труда. В качестве примера приведем полностью ту цитату из Маркса, с которой мы начали свою статью: "На высшей фазе коммунистического общества, после того, как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда, когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет первой потребностью жизни /тоже демагогия: получается, что труд, не являющийся средством для жизни, т.е. труд не нужный все равно должен стать "первой потребностью". Собственно говоря, в этом и заключается смысл "коммунистических" субботников -приучить население "сознательно" относиться к труду./; когда вместе со всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы...

сом их все становится уже совсем непонятным, потому что даже община, ведущая натуральное хозяйство, не может обходиться без какой-то минимальной дифференциации трудовых функций: один пастух - другой земледелец, муж в поле - жена ведет хозяйство при доме, растит детей и т.д. Вероятно, при социализме муж и жена должны будут выходить в поле и варить обед по очереди, а община будет строго надзирать за тем, чтобы это правило соблюдалось.

Главная проблема, однако, даже не в этом. С известной натяжкой можно допустить, что Маркс имел в виду принципиальную взаимозаменяемость /эквивалентность/ любого физического труда. Существенно другое: если "свободные кооперанты" владеют не натуральными хозяйствами, а специализированными производственными единицами, то кто или что будет координировать их деятельность? Ответ прост: либо центральный управленческий орган /Госплан и его аналоги/, либо рыночный механизм ценообразования. О централизованном планировании речь пойдет ниже, что же касается рыночного варианта, то получившаяся система хозяйства во всяком случае не будет коммунизмом, деньги и торговля там никогда не отомрут. Сказанное вполне согласуется с точкой зрения Ленина, который писал, что коммуна, производящая товар для продажи на "капиталистическом" рынке есть все равно предприятие капиталистическое.

Такая позиция Ленина отнюдь не лишена оснований. В самом деле: пусть мы имеем рыночное хозяйство, которое отличается от обычного капитализма лишь тем, что частной собственности на средства производства в нем нет, а все заводы и фабрики принадлежат "свободным кооперантам", которые в них и работают. Предположим далее, что рано или поздно нашелся в нем какой-то частный предприниматель, который стал выпускать продукцию лучше и дешевле, чем его конкурент-община. Что с ним теперь делать? Посадить? Отобрать фирму? Применить экономический бойкот? Или оставить все как есть? Но если оставить все как есть, то через сколько-то лет появится множество других частных предприятий, а существующие общины, скорее всего, преобразуются в аналоги нынешних капиталистических корпораций /форма гораздо более и гибкая и удобная как для человека участника, так и для самого производства/.

Отметим наконец, что преимущества коллективной ~~индивидуальной~~ собственности и кооперации по сравнению с работой по найму вызывают большие сомнения. Объявить трудящихся собственниками предприятия, на котором они работают, в общем не так уж трудно, но совершенно непонятно, почему от этого должен произойти рост производительности труди или повышение удовлетворенности трудом у работников. Известен, и доказан многочисленными исследованиями, факт, что индивидуальные владельцы /фермеры, владельцы торговых точек и т.дл/ добровольно

вкладывают в свое хозяйство гораздо больше труда, чем 40 часов рабочего времени в неделю, и работают они очень добросовестно, что конечно, сказывается и на производительности труда. Но коллективная собственность, видимо, не удовлетворяет каким-то важным условиям, чтобы человек мог психологически считать ее "своей". Во всяком случае, нет никаких данных, которые позволяли бы говорить о преимуществах "кооперации" перед обычными "капиталистическими" способами производства. В качестве примера сошлемся на израильские кибуцы, основанные в свое время русскими социалистами /точнее - евреями - выходцами из России/. В кибуцах принцип коллективной собственности осуществлен довольно радикально: в личной собственности члена кибуца может находиться лишь несколько книг и предметов личного туалета. Вместе с тем, кибуц - не советский колхоз, членство в нем является реально добровольным, и члены кибуца являются реальными хозяевами принадлежащей им собственности. Как хозяйства кибуцы работают достаточно эффективно, но все же и не более эффективно, чем обычные фермерские хозяйства. Однако, имеются сведения, что с психологической точки зрения отсутствие личной собственности /"своего угла"/ и пользование только коллективной собственностью со временем начинает тяготить членов кибуца; особенно это относится к молодежи. Отметим также, что "добровольные колхозы" в Израиле - уникальное в современном мире явление, связанное, очевидно, с какими-то особенностями этой страны, переживающей трудный период своего становления. Попытки создания сельскохозяйственных коммун в Англии и Америке не получили сколько-нибудь заметного распространения, и число более или менее устойчивых коммун в этих странах можно буквально сосчитать по пальцам. К тому же большая часть этих коммун придерживается религиозной ориентации, что само по себе усложняет вопрос об их отношении к социализму.

Подводя итог рассмотрению "коллективистских" форм социализма, мы прежде всего должны отметить, что даже в наиболее радикальной "коллективистско-уравнительской" форме социализма, которая принимает вид натуральной общины, мы не смогли реализовать /мысленно, логически, не говоря уже о действительности/ <u>всех</u> необходимых черт социализма. Максимум, что может совмещать в себе натуральная община, это: коллективная собственность и коллективный труд, отсутствие власти и управления, отсутствие товаро-денежного хозяйства, минимальная дифференциация трудовых функций. При этом с необходимостью будут отсутствовать: развитие производительных сил /мы показали, что реально будет наблюдаться регресс/, и... плановое хозяйство, поскольку объем получаемой продукции будет зависеть от в основном

от погоды, и, видимо, от прилежания членов общины /т.е. от стихийных факторов/. Впрочем, само слово планирование применительно к натуральному хозяйству, очевидно, утрачивает всякий смысл.

Рассмотренный намизатем смягченный /так сказать, оппортунистический/ вариант социализма, в котором "свободные кооперанты" осуществляют разделение труда и вступают друг с другом в товаро-денежные отношения, конечно, менее опасен для человечества, но сам по себе явно несерьезен. По сути, это тот же капитализм, или /т.е., по выражению В.Чалидзе,"естественный образ жизни"/, но с рядом нелепых и искусственных ограничений. Живой пример тому - Югославия. Станет ли правительство в нормальном обществе издавать указ, чтобы владельцы социалистических предприятий, товарищи свободные кооперанты прекратили устраивать собрания в рабочее время? /Систему политической власти в Югославии, которая гораздо больше похожа на советскую, чем ее экономика, мы не рассматриваем/.

Наконец, мы останавливались на принципе коллективной собственности и кооперации, и здесь наши выводы тоже оказались неутешительными. Состояние "коллективного собственника" отнюдь не является для человека само собой разумеющимся благом, не снимает так называемого "отчуждения труда" и уж подавно не ведет к росту производительности. В добровольных коллективных организациях, и в анархических, т.е. лишенных внутренней системы власти, в особенности, всегда существует угроза внутренних конфликтов и напряжений, которые в конечном счете ее разваливают. Сказанное, впрочем, не означает, что автор относится к идее коллективных хозяйств с крайним негативизмом. Разумеется, все желающие должны иметь право объединяться в коммуны, но вот возводить эту идею во всеобщий принцип и навязывать свою волю другим им позволять не следует.

Рассмотрим теперь второй мыслимый вариант коммунистической экономики - плановое хозяйство, работающее без денег и без отношений обмена. Прообразом и аналогом общества этого типа является военная организация. Подобно тому, как воинскому подразделению может быть отдан приказ к определенному сроку выйти на исходные рубежи, коммунистическое предприятие может получить план задание /план/ произвести за год определенное количество продукции. Аналогично и продукты массового потребления население будет получать из распределителей. Граждане трудящиеся /и, видимо, нетрудоспособные, пенсионеры и прочие/ будут поставлены при такой системе на государственное довольствие /всем одинаковое?/, и начальник цеха через определенные промежутки времени будет говорить своему подчиненному что-нибудь

вроде: "Токарь второго разряда Иванов, идите получать новую шапку".

Первое и очевидное ~~хх~~ следствие, которое вытекает из столь радикально осуществленного планирования заключается в унификации производства, а следовательно, в отсутствии свободы выбора для потребителей. В самом деле: все предприятия работают на выполнение жесткого плана, а продукция производства в конечном счете призвана удовлетворять потребности населения /так в идеале/. Составлять планы в таком государстве - просто милое дело: имеется 250 млн. человек населения, поровну мужчин и женщин, следовательно нужно изготовить по 125 млн. пар мужской и женской одежды /впрочем, с учетом размеров, что уже усложняет проблему/, для этого нужно столько-то млн тонн хлопка, ткани, пуговиц и т.д.; далее, каждому человеку положено по 50 ~~хххх~~ /или 100, или 200/ граммов мяса, хлеба, масла и прочего. Жить в таких условиях вроде бы можно, спору нет, но за абстрактное удовольствие пожить при коммунизме от многого придется отказаться, и непонятно ради чего. Ведь если, к примеру, женщина захочет иметь какой-либо иной, отличный от выпускаемых, фасон платья, а мужчина захочет иметь пальто подешевле, но зато питаться получше, то мы должны будем им в этих запросах отказать, потому что планом эти изменения не были предусмотрены. Промышленность не может выпускать одновременно огромное количество различных фасонов ~~хххххххххххххх~~ платья или различных шапок только для того, чтобы люди могли выбрать то, что им нравится, а остальное, не пользующееся спросом, оставить на выброс.* /Точнее, производство может выпускать продукцию разных фасо-

---

*/ Ведь задача любой экономики - не просто сздавать "изобилие", но и балансировать спрос и предложение, а не просто выбрасывать ~~хх~~ ~~хххх~~ труд и материальные ресурсы на изготовление никому не нужных изделий. Отвлекаясь от высокой теории, напомним, что в нашей планово экономике существуют не только хронические дефициты, но и хроническое "затоваривание". Как указывал академик Аганбегян, в 1965 году неликвидных товаров скопилось на складах на сумму 3 миллиарда рублей; ~~х~~ по словам Аганбегяна, это больше, чем в кризисный год на Западе. Нынешние цифры нам неизвестны, но печать постоянно сообщает о скапливающихся в магазинах и на складах запасов не пользующихся спросом образцов обуви, одежды, мебели, малогабаритных холодильников, немодных очков и многого другого. Особо отметим постоянно возобновляющиеся запасы так называемой "политической" литературы, которая ежегодно миллионными тиражами списывается из магазинов, библиотек и учколлекторов, и поступает, по-видимому, в переработку для производства чистой бумаги. Ничуть не лучше дело обстоит и в промышленности, где наряду с нехваткой сырья, несвоевременными и неполными /по отношению к плану/ поставками и разного рода дефицитами сплошь и рядом ржавеет никому не нужное железо, гниют бревна, списывается купленное когда-то, но так и не пригодившееся оборудование и т.д. Укажем также и на еще более распространенное явление "скрытого", или "частичного" затоваривания, ко да имеющиеся ресурся и оборудование используется не по назначению, не в полном объеме и т.п., словом, неэффективно. Дефицит и затоваривание - это две стороны неспособности планового хозяйства создать сбалансированную экономику.

нов, но потребитель не должен иметь свободы выбора. Дали черную шапку - носи черную, дали серую - носи серую/.

Может ли тотальное /работающее без денег/ плановое хозяйство как-то учитывать запросы населения и предоставить людям свободу выбора? Предположим, что с учетом пожеланий трудящихся предприятие решило выпускать шапки не одного, а двух или трех типов. Как выяснить, сколько какого фасона надо сделать, чтобы никто не ушел обиженный? Можно, например, провести опрос общественно о мнения. Но за год кто-то может передумать, и что делать тогда? Брать заказы под расписку, чтобы никто не мог отвертеться? И главное - зачем? Зачем нужно изобретать какие-то фантастически сложные методы опроса общественного мнения и изучения потребностей? Разве не проще дать людям на руки определенное количество денег, чтобы они сами выбирали то, что им нужно, а уж предприятия подстраивались под меняющиеся условия спроса, чтобы не прогореть, как это и происходит при капитализме. Ведь и при плановом коммунизме потребности людей будут жестко лимитированы размерами пайки и сроками выдачи униформы, и неограниченных источников общественного богатства, которые польются полным потоком, все равно не получается. Конечно, пайка может быть достаточно большой /допустим/, а униформа расшита цветочками, но от этого они не перестанут быть пайкой и униформой. Может быть, это и есть необходимое условие для свободного развития всех и свободного развития каждого? Нам это кажется сомнительным. Уж лучше бы вовсе не писали марксисты о "всестороннем развитии личности", тогда все выглядело бы, по крайней мере, честнее. Ведь плановое хозяйство распространяется также и на издательство книг, журналов, газет, выпуск кинофильмов и прочей культурной продукции. И еще: тотальное плановое хозяйство требует стабильной рабочей силы, которая не ходит с предприятия на предприятие в поисках лучшего места, не мигрирует, не меняет профессию по своему произволу, так что при проектировании подобной экономической системы специалистам по научному коммунизму найдется над чем подумать...

Разберем еще один вопрос. Может ли военно-плановое хозяйство быть эффективным? Может быть, жестко запрограммировав потребности населения, такая экономика по мере своего развития позволит людям высвобождать все большее количество свободного времени /один из возможных критериев эффективности/? Иными словами: может ли такая система быть не просто индустриальным, но и развивающимся индустриальным хозяйством? Единственный видимый фактор пусть не повышения эффективности, но все же, так сказать, "экономии труда" заключается в таком принудительном ограничении потребностей населения /принудительном потому, что человек, живущий в таком обществе, не имеет выбора,

а "восстанавливать капитализм" отдельным людям или группам людей там, видимо, не позволят, как не позволяют заниматься спекуляцией и мелким частным предпринимательством в реальном социализме/. Действительно, если потребности унифицированы, то удовлетворять их вроде бы легче. Но преимущества на этом кончаются, а трудности еще и не начались.

Подобно тому, как военный командующий не только ставит каждому подразделению свою задачу, но и указывает, с какими другими подразделениями они должны взаимодействовать, а также заботится о подвозе боеприпасов, питания и прочего, некий высший командно-хозяйственный орган должен не только дать задание производственным единицам, но и обеспечить их всем необходимым, дав соответствующее задание смежникам. Народное хозяйство, однако, не армия. Если полководнику безразлично, бросить в прорыв первую роту или вторую, то "прорыв" с тракторами с помощью завода паровозов не ликвидируешь. Иными словами, для того, чтобы система работала, некий аналог Госплана должен составить баланс всех видов продукции по всей многомиллионной стране с сотнями тысяч предприятий. Для каждого профиля проката, каждого винта или гайки с определенным профилем резьбы, каждой марки стали или бетона, каждой пуговицы, какой-нибудь фигурной скобы и тому подобное должно быть точно подсчитано и решено сколько метров, тонн или штук их следует произвести, кто должен их произвести и кому должен направить, чтобы каждое предприятие работало бесперебойно. На этом можно поставить точку: такую систему осуществить невозможно. Математики подсчитали, что даже с применением современных ЭВМ подобная система планирования потребует такое количество работников, которое превышает численность населения нашей страны. Ныне об этом знает каждый экономист.*

Каковы же пути спасения мысленно построенного нами и уже агонизирующего из-за несогласованности взаимных поставок /ввиду бессилия центрального планирующего органа/ идеальной модели планового хозяйства? На этот вопрос есть два ответа: один фантастический, но теоретически более правильный, другой реальный, но с большим отступлением от теории. Начнем с фантастического. Девизом этого общества должно стать: "необходимо только необходимое, и притом, по возможности, одинаковое". Многомиллиардные списки различной номенклатуры сырья, комплектующих деталей, оборудования и прочего необхо-

---

*/ Согласно другому варианту подсчета, для составления баланса нашей экономики на один только 1970 год потребовалось бы двадцать лет работы всего мирового парка ЭВМ. Если же говорить об оперативном планировании, которое учитывало бы непрерывно возникающие отклонения, то количество ЭВМ и обслуживающего персонала подскакивают куда-то в бесконечность. Рассказывают, что когда у докладчика спросили, как же обходятся без такого количества ЭВМ западные страны, то ответ гласил, что там эту работу выполняет бирка с ее пятьюдесятью или сотней опытных маклеров.

димо сократить до нескольких сотен или десятков тысяч - только тогда Госплано помощью купленной где-нибудь на стороне вычислительной техники /своих ЭВМ в такой системе не будет/ реально сможет составит исчерпывающий баланс по народному хозяйству в целом. до какого конкретно уровня придется упростить и унифицировать номенклатуру изделий и оборудования, каково предельное число видов изделий, которое сможет выпускать такая экономика? Мы на этот вопрос ответить не ~~как~~ можем, но думаем, что на современных ЭВМ такая задача может быть смоделирована. Вновь, как и в случае с натуральной общиной, пытаясь построить логически завершенную модель коммунистической экономики, мы сталкиваемся с необходимостью искусственного регресса к самым примитивным формам общественного производства.

Что же касается реального способа "спасения" планового хозяйства в общем виде ответ будет таков: децентрализация посредством введения в систему элементов рынка и/или элементов натурального хозяйства. Введение в систему элементов натурального хозяйства означает примерно следующее. Если централизованное управление хозяйством в масштабах всей страны осуществить невозможно, то для сравнительно небольших хозяйственных единиц эта задача выполнима. Это понятно: и при "капитализме", и при "социализме" управление предприятиями, фирмами и т.п. происходит методом "планирования". Однако, именно при социализме проблема координации деятельности на разных уровнях управления-планирования приобретает поистине фатальный характер. Чем мельче и чем специализированнее производство, тем легче им управлять, но тем в большей степени оно зависит от своих поставщиков, и поэтому координировать действия отдельных специализированных производств должен планирующий орган "второго порядка", который сразу же потонет в упомянутых выше болтах, гайках и фигурных скобах. С другой стороны, можно принять решение, чтобы завод, производящий, допустим, тепловозы, сам производил для себя все комплектующие детали вплоть до последней гайки. В этом случае проблема планирования ~~упрощается~~ упрощается: заводу надо поставить лишь сравнительно ограниченное количество различных видов проката. Налицо, однако, и негативные последствия. Прежде всего, производство гаек и болтов на специализированном предприятии рентабельнее, чем мелкосерийное производство на каждом отдельном заводе и фабрике /ведь при такой системе подсобные цеха для производства гаек должны иметь, скажем, и текстильные, и сельскохозяйственные предприятия, которым гайки нужны для ремонта станков и тракторов; а для ~~хх~~ изготовления обмотки электродвигателей нужна изолированная медная ~~хххххх~~ проволока - ее тоже надо производить самим из медных болванок?/ Но главная проблема заключается в следующем: на каком-то уровне укрупнения дирекция сама начинает терять контроль над работой предпри-

ятия, и сама становится в положение планирующего органа, тонущего в бесконечных болтах и гайках. В пределе такое разрастание предприятия может охватить все народное хозяйство страны, и тотчас же вновь возникнет проблема создания мелких предприятий.

В действительности пусть не блестящее, но все же реальное решение дилеммы "укрупнение-специализация" заключается в создании многоуровневой системы управления /примерная схема: участок - цех - предприятие - производственное объединение - министерство - совет министров/. Создание отраслевых министерств, занятых производством более или менее однородной продукции, есть, разумеется, благо хотя бы в том смысле, что хозяйственникам не приходится заниматься планированием болтов вместе с кирпичами и помидорами. Взамен, однако, мы получаем проблему "ведомственных барьеров", которая так часто навлекает на себя гнев газетных фельетонистов, но до сих пор не разрешена и не разрешима в рамках планового хозяйства.

Обратимся теперь к рыночному варианту. Введение в систему централизованного планирования элементов рынка в широком смысле слова означает: предоставление предприятиям права поставлять друг другу продукцию по собственной инициативе, без приказа или разрешения планирующего органа. /В реальном социализме хозяйственники нередко вынуждены осуществлять это право, так сказать, явочным порядком, сознательно идя при этом на должностные преступления/. Последствия включения элементов рынка в тотальное плановое хозяйство своеобразно двояки: с одной стороны, каждое отдельное предприятие /а следовательно, и народное хозяйство в целом/ получает возможность худо-бедно, но все же работать. Однако, с другой стороны, рынок разламывает и де-факто упраздняет систему централизованного планирования. В самом деле: предположим, что какой-то завод по тем или иным причинам не получил запланированного количества гаек /на заводе гаек могла произойти авария, или же он сам не получил нужного количества стального прутка; в реальности, впрочем, существуют и иные причины: а/ перегруженность планов, которая делает их невыполнимыми, б/ошибки плановых органов, в/нехватка рабочей силы, г/"левые" заказы и проч./. В такой ситуации директор предприятия охотно бы закупил гайки у другого завода-производителя.* Тот, од-

*/ Вопрос о необходимых для этой закупки деньгах мы для простоты опускаем. Отметим только, что деньги в реальном социализме необходимы как средство обмена и как средство планирования.

нако, связан своими плановыми обязательствами, и в теории ничем помочь нашему директору не может. Выполнить дополнительный заказ завод гаек может либо а/ в том случае, если у него есть производственные мощности, скрытые от планирующего органа или по иным причинам не задействованные в плане, либо б/ в том случае, если завод сократит свои плановые поставки, и тогда без гаек останется кто-то другой. На практике существует и такой вариант: потерпевшая сторона жалуется вышестоящему органу, и оттуда [illegible] заводу-поставщику приходит приказ принять дополнительное задание, ускорить, нажать и [illegible] прочее. Производителя гаек начинает лихорадить, он запарывает на этом оборудование, директор на этом получает инфаркт, или его снимают, и т.д., и т.п.

Мы не станем развивать эту тему дальше. Напомним, что задача данной статьи - описать теоретические модели социализма, и рассмотреть возможности осуществления их в реальности. Последний вариант планового хозяйства мы недаром назвали "реальным". Чистое плановое хозяйство /вариант "фантастический"/ в жизни неосуществимо, или, по меньшей мере, крайне неэффективно. Лишь скомбинировав принцип планового управления с чуждыми ему принципами натурального хозяйства и рынка, мы получили нечто хронически больное и раздираемое внутренними противоречиями, но /по крайней мере на какой-то исторический период/ все же жизнеспособное: это и есть тот реальный социализм, который единственно и может быть осуществлен в действительности.

В треугольнике "план- рынок - натуральное хозяйство" укладываются, по сути, все наши хозяйственные проблемы и все попытки экономических реформ. Элементы натурального хозяйства - это хрущевские совнархозы, как бы гигантские территориальные предприятия, в состав которых входили все хозяйственные единицы, находящиеся на его территории, [illegible] это постоянные эксперименты то по укрупнению, то по специализации предприятий, и аналогичные шатания в области "уровней управления" между министерством и предприятием /вместо трестов и комбинатов сделали производственные объединения, а ныне вновь поговаривают о возвращении к трестам/, это "коромысло" между отраслевым и территориальным планированием /отраслевым и территориальным натуральным хозяйством - новая и неслыханная прежде проблема/, это нерентабельные подсобные цеха [illegible] и сверхнормативные запасы на складах предприятий, которые, однако, необходимы для того, чтобы хоть как-то компенсировать перебои в снабжении, это, например, новое явление - предприятиям выдаются участки земли для выращивания овощей и картофеля, а собранный урожай распределяется между работниками предприятия, и т.д.* Элементы рынка -это последовавшая за отменой совнархозов экономическая реформа 1965 года

---

*

*/ Сюда же относятся так называемые явления "местничества", часто осуждаемые в ~~каких~~ советской печати. Сам термин означает примерно следующее: максимизация местных интересов в ущерб интересам хозяйства в целом. Причина возникновения "местнических" тенденций заключается в том, что в глобальной системе планирования отдельные территориальные или отраслевые единицы должны быть "винтиками" более широкого целого, и главная их обязанность - не оптимизировать местное производство и использование местных ресурсов, а строго подчиняться требованиям плана. С другой стороны, центральные планирующие органы, поскольку они не могут вникать в специфику местных условий, выдают плановые задания без учета этой специфики, что приводит уже к очевидному разбазариванию ресурсов, которое не идет на пользу ни местным, ни общим интересам. Отсюда - постоянная угроза возникновения "местнических" тенденций и столь же постоянная борьба с ними центральной власти. Один из комментаторов "Немецкой волны" удачно описал ситуацию с помощью типично-немецкого оборота: "Если я кого-то планирую, - это хорошо, если меня кто-то планирует - это плохо".

96

вследствии свернутая, это мир "толкачей", легальных и нелегальных договоров и прочих атрибутов "теневой экономики", это "колхозный" рынок и спекуляция, взявшие на себя функцию подкормки и снабжения населения, коль скоро государство с этой функцие не справляется, и проч.

Итак, "планово-государственный" тип социализма выгодно отличается от натуральной общины хотя бы тем, что он задуман как индустриальный. Далее, такую общественную систему, в буквальном смысле слова напоминающую гигантский человеческий муравейник, можно, пожалуй, рассматривать как некую форму сверх-кооперации. Наряду с этим с необходимостью будут сохранены разделение труда и система централизованной власти. Как мы уже отмечали выше, плановое хозяйство требует централизованного управления, по сути - приказов, координирующих деятельность предприятий, и этим приказам "свободные кооператы" должны будут подчиняться. Свободу, конечно, можно определить как осознанную необходимость подчиняться начальству, но вот тезис об отмирании государства, власти и всего производственного управления в рамках данной системы оказывается неосуществимым. Напротив, тотально-плановое хозяйство требует для своего функционирования неслыханного развития аппарата бюрократии, поскольку эта бюрократия вынуждена будет регулировать те общественные отношения, которые прежде регулировались стихийными и саморегулирующимися механизмами /в сфере экономики важнейшим из этих механизмов является рынок и рыночное ценообразование/.* Что же касается источников общественного богатства, которые польются полным потоком, то на этот вопрос мы уже ответили выше.

---

*/ Разберем на упрощенном примере механизм действия цен на рынке продукции. Предположим, что в результате каких-то причин /моды, или иных факторов/ увеличился спрос на некое изделие. В условиях стабильных государственных цен возникнет дефицит. Рыночная экономика отреагирует по-другому. Поскольку производство не может поспеть за быстрыми изменениями конъюнктуры, первым и необходимым следствием увеличения спроса будет увеличение цены. При этом, часть покупателей, которые решат, что смогут обойтись и без этого товара, или сумеют заменить его чем-то другим, перестанут его покупать, а те, кому данный товар остро необходим, купят его и по повышенной цене, т.е. спрос и предложение уравняются за счет "отпадения" части покупателей.

Это, однако, только одна сторона дела. Другая заключается в том, что увеличение цены увеличивает процент прибыли для предприятия-производителя, и делает выгодным расширение производства до тех пор, пока процент прибыли вновь не упадет до "нормальных" 3% - 5%. При этом, рост цены на продукцию фирмы и ожидающееся увеличение прибыли вызовет рост курса акций этой фирмы на бирже, что приведет к притоку капитала. Увеличение процента прибыли и приток капитала извне позволят фирме с максимальной быстротой расширить производство, а это, в свою очередь, приведет к снижению цены до уровня, равного издержкам производства плюс "нормальный" процент прибыли. Понятно, что если фирма-производитель проявит неповоротливость, то работу по расширению производства выполнит за нее ее конкурент.

97

После того, как мы рассмотрели основные возможности построения социалистической экономики, возникает вопрос: это и есть тот самый социализм, о котором "мечтали" классики марксизма? И какой же из двух вариантов они имели в виду: "общинно-натуральный" или "планово-государственный"? Приходится признать, что классики марксизма вроде бы не имели в виду ни первого, ни второго, поскольку оба эти варианта в своем логически завершенном виде становятся малопривлекательными. Однако, что же именно они имели в виду, остается неясным. Некоторые их высказывания вроде бы тяготеют к первому варианту, некоторые вроде бы ко второму, а третьи /и это чаще всего/ странным образом сочетают в себе элементы первого и второго.

К примеру, в своей работе "Очередные задачи Советской Власти", написанной в начале 1918 года, В.И. Ленин пишет о том, что взамен существовавшего при капитализме рыночного механизма регулирования производства необходимо наладить повсеместный рабочий учет и контроль за производством и распределением. При этом, никаких организационных форм "рабочего учета и контроля" Ленин не предлагает, что в общем согласуется с его положениями об упразднении "бюрократии", т.е. об упразднении государственной власти и производственного управления /см."Государство и революция"/. Что здесь имеется в виду? Нечто вроде "рабочих общин" на специализированных производствах? Но каким же образом они возьмут на себя функции балансирования экономики взамен "уничтоженного" рынка? И эти безответственные слова говорит человек, вставший во главе государства с многомиллионным населением!

Мы уже отмечали выше, что в этой статье не ставим своей целью ни детально рассмотреть экономические взгляды Маркса и Ленина, ни тем более анализировать реальную советскую экономику. Основной смысл данной статьи сводится к следующему. В социалистических идеях в целом, и в концепции Маркса-Энгельса-Ленина в частности, содержатся в логически нерасчлененном и запутанном виде как бы две идеальные /т.е. логически более или менее непротиворечивые/ модели социализма: натуральная община и плановое хозяйство. С этой точки зрения можно было бы детально разобрать труды классиков. Такая работа требует, однако, написания уже не статьи, а целой монографии. Не исключено, что такая работа со временем будет кем-нибудь написана. Что же касается данной статьи, то ее задача - дать в руки читателя схему, с помощью которой он сам мог бы разобраться в непонятных ему до сих пор вопросах теории социализма. Треугольник "рыноч-

ное хозяйство - натуральная община - плановая система" - это логи-
ческая отмычка, позволяющая всем желающим понять, чт
написано, и чего не написано в трудах классиков марксизма.* И еще
автор должен сказать, что открытие двух идеальных моделей в социа-
лизме - вовсе не его личная заслуга. Эти вопросы были продуманы ещ
в начале нашего века, и упоминаются многими авторами как совершенн
очевидные. Только в нашей стране, где свободная дискуссия невозмож
на, не только простые люди, но и ученые специалисты могут оставать
ся в искреннем неведении относительно того, что же такое есть
коммунизм, который, как говорят, уже скоро будет построен.

Существует и еще один вопрос, на который классики марксизма
но не отвечают: зачем вообще нужен социализм? Нужен ли он для до-
стижения всеобщего материального процветания или же для воплощени
в жизнь абстрактного принципа справедливости? /понимаемого прежде
всего как равенство материального достатка, упразднение власти и
упразднение разделения труда/. Ведь если речь идет только о спра
ведливости, то об этом, по крайней мере надо честно сказать, под-
черкнув, что речь идет о справедливости "невзирая на средства". Ес
основания предполагать, что осуществление такой справедливости до-
рого обойдется обществу в целом и каждому его члену в отдельности.
Подобная "справедливость" возможна лишь в небольших локальных обще
ствах, занятых самыми примитивными формами труда, и отказ с
всех материальных и духовных достижений человечества, включая,
между прочим, и отказ от элементарного благополучия. Даже в нашей
стране, в условиях реального социализма, где многое делается напе-
рекор здравому смыслу и хозяйственной целесообразности, осуждена
так называемая "уравниловка", и за каждым человеком, пусть плохо и
неполностью, но все же признано право на индивидуальное достиже
ние, а следовательно, и на индивидуальное вознаграждение. /Еще
Токвиль указывал на перманентную угрозу, которую таит в себе прин-
цип эгалитаризма: согласно Токвилю, "требование равенства все труд

---

*/ Отметим, что сказанное относится не ко всей марксистско-лен
ской концепции, а только к той ее части, которую теперь называют
"научным коммунизмом". Если придерживаться официальной классифика
ции трех основных частей марксизма, то в области марксистско-ленин
ской философии неплохо было бы толком объяснить советскому читател
что реально представляет собой марксова-энгельсова "материалистиче
ская диалектика" и ленинская "теория отражения", а в области поли-
тической экономии - разницу между "трудовыми" и "ценностными" теори
стоимости.

нее насытить по мере того, как равенство делается больше". Эгалитарные /уравнительские/ идеологии - это страшный джинн, выпущенный из бутылки, и приходится признать, что в идейном отношении ему еще не найдено достойного противоядия./

Однако, если не все социалисты вообще, то по крайней мере марксисты говорят не столько о "справедливости", сколько о материальном процветании. В домарксовом /так называемом "утопическом"/ социализме доминировали бесхитростные представления о том, что если "все поделить", то каждому достанется больше.* Маркс, очевидно, понимал несостоятельность подобных представлений. Во всяком случае, "справедливость" отошла в его теоретической концепции на задний план. Вместо нее Маркс выдвинул идею о том, что капитализм на "определенном этапе" станет / или уже стал/ объективным тормозом для развития производительных сил, и, вероятно, для эффективного их использования. Иными словами, получается, что начиная с какого-то уровня развития производительных сил социализм представляет собой более эффективную хозяйственную систему, причем чем дальше будут развиваться производительные силы, тем более существенным будет разрыв эффективности общественного труда между двумя альтернативными "общественными формациями". Но тогда получается, что социалистические преобразования общества и социалистический способ ведения хозяйства являются не самоцелью, а лишь средством для достижения главной цели - построения эффективной системы народного хозяйства. Поразительно: для построения эффективной системы оказались пригодными те самые средства, которые раньше предназначались для осуществления

---

*/ Подобных взглядов придерживались, в частности, русская партия эс-эров, программа которой предполагала передел "помещичьих" земель между "трудовыми" крестьянами. По иронии истории, эсэровскую программу осуществили, правда, временно, большевики своим знаменитым декретом о земле /Ленин признавал факт заимствования/. Тогда-то и выяснилось, что "помещичьих" земель в России было не так уж много, и с учетом того, что многие горожане из числа бывших крестьян, узнав о своем праве на получение надела, вернулись в деревню, средняя площадь земельного надела по стране увеличилась незначительно. /Об этом пишет, например, Леонард Шапиро в книге "Коммунистическая партия Советского Союза". Перевод этой книги был издан в СССР закрытым способом в конце пятидесятых годов./ Поражает, что идейные лидеры партии социалистов-революционеров, среди которых было немало людей очень образованных, выдвигая программу передела земель, не озаботились провести реальный демографический анализ. Очевидно, проблема величины надела волновала их меньше, чем "справедливость" как таковая.

"справедливости"!

Странную трансформацию претерпело социалистическое учение в марксизме. "Великие утописты прошлого гениально предвосхитили те истины, которые мы теперь доказываем научно" - писал Энгельс, и повторил вслед за ним Ленин. Но "истины" великих утопистов - это вышедшее из недр христианской культуры Запада моральное осуждение неравенства, осуждение богатства, словом, стремление переделать мир согласно идеи справедливости. "Кто не работает, тот не ест", писал апостол Павел, и повторяли вслед за ним мыслители- утописты. Все люди равны, поэтому они должны одинаково трудиться и получать одинаково.* Нет, сказал Маркс, не в этом главное. Если все поделить и скооперировать - народное хозяйство будет работать эффективнее, и все источники общественного богатства польются полным потоком. Почему? Откуда?

До сих пор мы говорили не о возможных, а лишь о "мыслимых" вариантах построения коммунизма, стараясь отделить мыслимое от немыслимого. Мыслимое, однако, не означает возможного; оно может стать возможным лишь при условии, что люди добровольно согласятся жить в фантастических коллективных общинах, или же стать "бойцами" гигантской трудовой армии. Сомнительно, однако, чтобы население добровольно на это согласилось, и "новый порядок" с необходимостью начинает внедряться методами массового террора. Именно поэтому к словам Солженицына и всех тех, кто видит в коммунизме ми-

---

*/ Автор этой статьи считает, что в идеологии "равенства людей" перепутаны идеи равноправия и материальной и трудовой уравниловки. Идеология равноправия автору близка и понятна, и пафос мыслителей-утопистов во многом, видимо, исходил из того, что они боролись с системой сословных и наследственных привелегий феодального общества. Что же касается уравниловки, то советскому человеку крайне трудно объяснить, что он сам и же ее не хочет. Ведь один готов работать водителем троллейбуса, чтобы получать 300 рублей, а другой оптимизирует свое свободное время и работает сторожем за 90 рублей. Один тратит свои деньги на одежду, другой на хрусталь, третий на водку, четвертый на что-то еще, и так далее, и мало кому понравится, если все это принудительно уравняют. Иными словами, "равенство людей" - это правовая, может быть даже этическая категория, но вовсе не принцип "одинаковости людей", как это иногда понимают. См. также по этим проблемам "Философия неравенства" /"Письма к недругам по социальной философии"/ Николая Бердяева.

"справедливости"! 100

Странную трансформацию претерпело социалистическое учение в марксизме. "Великие утописты прошлого гениально предвосхитили те истины, которые мы теперь доказываем научно" - писал Энгельс, и повторил вслед за ним Ленин. Но "истины" великих утопистов - это вышедшее из недр христианской культуры Запада моральное осуждение неравенства, осуждение богатства, словом, стремление переделать мир согласно идеи справедливости. "Кто не работает, тот не ест", писал апостол Павел, и повторяли вслед за ним мыслители- утописты. Все люди равны, поэтому они должны одинаково трудиться и получать одинаково.* Нет, сказал Маркс, не в этом главное. Если все поделить и скооперировать - народное хозяйство будет работать эффективнее, и все источники общественного богатства польются полным потоком. Почему? Откуда?

До сих пор мы говорили не о возможных, а лишь о "мыслимых" вариантах построения коммунизма, стараясь отделить мыслимое от немыслимого. Мыслимое, однако, не означает возможного; оно может стать возможным лишь при условии, что люди добровольно согласятся жить в фантастических коллективных общинах, или же стать "бойцами" гигантской трудовой армии. Сомнительно, однако, чтобы население добровольно на это согласилось, и "новый порядок" с необходимостью начинает внедряться методами массового террора. Именно поэтому к словам Солженицына и всех тех, кто видит в коммунизме ми-

---

*/ Автор этой статьи считает, что в идеологии "равенства людей" перепутаны идеи равноправия и материальной и трудовой уравниловки. Идеология равноправия автору близка и понятна, и пафос мыслителей-утопистов во многом, видимо, исходил из того, что они боролись с системой сословных и наследственных привелегий феодального общества. Что же касается уравниловки, то советскому человеку крайне трудно объяснить, что он сам и же ее не хочет. Ведь один готов работать водителем троллейбуса, чтобы получать 300 рублей, а другой оптимизирует свое свободное время и работает сторожем за 90 рублей. Один тратит свои деньги на одежду, другой на хрусталь, третий на водку, четвертый на что-то еще, и так далее, и мало кому понравится, если все это принудительно уравняют. Иными словами, "равенство людей" - это правовая, может быть даже этическая категория, но вовсе не принцип "одинаковости людей", как это иногда понимают. См. также по этим проблемам "Философия неравенства" /"Письма к недругам по социальной философии"/ Николая Бердяева.

ровое зло, стремящееся уничтожить естественные основы жизни человека, следует отнестись ~~к~~ очень серьезно. Социальная мечтательность, как писал еще Николай Бердяев, есть вещь далеко не безобидная, и коммунистические утопии страшны тем, что они осуществляются.

Для современного читателя наиболее впечатляющим, повидимому, будет пример Кампучии, коммунистическое правительство которой произвело беспрецедентную в истории человечества акцию насильственного переселения всех городских жителей в сельскохозяйственные коммуны. Среди горожан сейчас довольно широко распространено представление, что городской образ жизни - "неправилен", и что нужно стремиться "назад к природе". Любители дачного отдыха и байдарочных походов, вероятно, не вполне отдают себе отчет в том, что произойдет, если такая идеология будет реализована всерьез. Автор этих строк - городской житель, и лично про себя он может сказать, что навсегда уйти из родного города согласится не иначе, как под дулом автомата, но это согласие вряд ли можно будет назвать добровольным и радостным. С чувством бессильной ярости и отчаяния в такой ситуации остается мечтать лишь о том, чтобы получить в руки свой собственный автомат, и ВОЕВАТЬ, с оружием защищать себя и свою страну от этих пришельцев, которые вроде бы говорят на языке родной страны, но творят дела, которых не стал бы ~~хххх~~ делать ни один оккупант.*

Было бы ошибкой думать, что описанные выше причины возникновения гражданской войны и массового террора относятся исключительно к кампучийскому и /ныне об этом можно говорить открыто/ китайскому коммунизму. Что должен был думать русский крестьянин, которому отряд вооруженных маузерами и винтовками "агитаторов" предлагал объединить наделы сдать птицу, скот и инвентарь в общее пользование и пахать "коллективно"? Даже из советских официальных источников

---

*/ За недолгие годы своего существования режим Пол Пота уничтожил от двух до трех миллионов ~~хххххх~~ жителей из примерно 10 - 12 человек населения /часть жертв следует отнести за счет голода, воцарившегося в результате разрушения хозяйства инасильственного изъятия продовольствия у населения/. Эти данные в период вьетнамской интервенции открыто публиковались в нашей печати и даже вышли отдельной книгой. Вьетнамский социализм, видимо, несколько более конструктивен /промышленность там не уничтожают/, и поэтому, вероятно, несколько менее кровав, но тоже, насколько можно судить, отличается крайней жестокостью и состоянием искусственно вызванного голода и хозяйственной разрухи.

видно, что сопротивление крестьян было "отчаянным". Хозяйство для крестьянина - это то, во что он вкладывал труд в течение всей своей жизни. В отличие от хама-агитатора, начитавшегося пропагандистских брошюр, он понимал, что коллективизация есть конец всякой возможности нормально вести хозяйство. С тех пор прошло уже сорок лет, и ныне пустые полки продовольственных магазинов и заросшие бурьяном поля картофеля на практике доказывают нам правоту отчаянно сопротивлявшихся крестьян-"кулаков".

Ныне социализм в нашей стране победил, воевать стало некому и не с кем /разве что с парторгом на работе, который сам рассказывает анекдоты про Брежнева/, но остается ощущаемая всеми какая-то напряженность, противоестественность ставшего уже привычным образа жизни. По выражению В.Чалидзе, даже те, кто верит в возможность построение коммунизма /т.е. не понимают утопичности самой идеи/ в своем большинстве считают, что реально он строится как-то неправильно. После войны /по сравнению с довоенными временами/ уровень жизни населения по стране в целом заметно возрос. Затем, однако, развитие экономики застопорилось, и наметился поворот вспять. Наряду с этим население все более болезненно ощущает на себе усугубляющееся действие морального кризиса, в котором оказалась страна. Вероятно, лишь специальные исследования смогут дать ответ на вопрос, почему положение начинает становиться все более критическим не в разгар массовых репрессий, а лишь теперь сейчас, в относительно сытое и спокойное время. Но теперь становится все более очевидным, что противоестественный /"социалистический"/ образ жизни не может продолжаться вечно. Неприятная действительность рано или поздно заставит людей проснуться. И тех вслед за Андреем Амальриком и многими другими нам остается только задать риторический вопрос: до какой степени верхи способны утрачивать чувство опасности? Ведь пока еще не поздно провести реформы мирным путем - почему же этого не делается?

ВЫВОДЫ

I. Итак, рассмотрев возможные варианты осуществления /"построения"/ социализма, мы можем заключить, что социализм есть возмутительное, преступное по своей безответственности учение, в котором внешне благородные цели материального и духовного процветания соединены со средствами, которые заведомо не ведут к осуществлению этих целей. Именно поэтому социализм в известном смысле опаснее, чем такая идеология открытого человеконенавистничества, как фашизм. По отношению к населению, которое не разбирается в тонкостях экономических теорий

мических теорий, социализм выступает в качестве дьявольского соблазна: под влиянием социалистической пропаганды массы становятся слепым орудием преступлений /анархического террора/, однако пользоваться плодами этих преступлений им приходится недолго - вскоре они и сами попадают под молот укрепившейся централизованной власти.

Многие социалисты, и в их числе Ленин, могли искренне не понимать, к каким объективным последствиям приведет осуществление социализма, и какими средствами придется пользоваться для его "построения", но это не освобождает их от ответственности. Ведь если, к примеру, на предприятие приходит изобретатель, и предлагает проект технического преобразования производства, обещая, что это приведет к повышению его эффективности, то в этом случае их он отвечает за то, что внедрение проекта действительно повысит эффективность труда. Если внедрение проекта вместо повышения эффективности приведет к развалу производства, предприниматель или директор подаст в суд, который заставит нашего прожектера возместить убытки и дисквалифицирует его как специалиста. Если же внедрение технически безграмотного проекта приведет к аварии с человеческими жертвами, то такого изобретателя посадят, то есть официально сочтут преступником, и правильно сделают. Но каким же словом можно тогда назвать людей, которые провели безответственный эксперимент на обществе, эксперимент, который обошелся обществу в миллионы человеческих жизней, не говоря уже о той сумме страданий и унижений, которые перенесли оставшиеся в живых? Быть может, они и не предвидели, к каким последствиям приведут их действия, но говоря языком юристов, могли и обязаны были это предвидеть.

2. Как мы уже отмечали выше, социализм, несмотря на свою внешне гуманистическую направленность, может быть внедрен в жизнь не иначе, как средствами массового террора. Сомнительно, чтобы методом увещеваний можно было уговорить всех городских жителей покинуть города, всех журналистов и писателей отказаться от исполнения своих журналистских обязанностей и заняться социалистической пропагандой, всех крестьян вступить в кооперативы и прочее. Методом только пропаганды можно ненадолго заморочить голову какой-то части населения не более. Лишь сочетание пропаганды с террором, направленным против всех несогласных и потенциально-несогласных, позволяет воцарить в обществе "новый порядок". Укажем также, что несмотря на кажущуюся гуманистическую направленность, объект ненависти, а следовательно и идеологическое оправдание террора в социализме присутствуют изначально - это так называемые "классовые враги" и их "приспешники".

3. Наверное, не каждый сразу почувствует, сколь серьезные выводы следует сделать из утопичности самой идеи построения коммунизма. Как мы уже отмечали выше, несмотря на повсеместное изучение марксизма-ленинизма как по учебникам*, так и по первоисточникам, практически ни один советский человек толю не представляет себе, что же такое есть коммунизм. Слово "коммунизм" для советского человека ассоциируется с чем-то хорошим, с неким счастливым и изобильным обществом, в котором не нужны будут деньги, а люди будут "культурными" и "сознательными". В настоящее время среди населения явственно усиливается чувство раздражения или даже обиды на то, что власть ведет себя как-то неправильно. Но наряду с этим остается у какая-т смутная вера в то, что когда-нибудь, может быть, через тысячу лет, коммунизм все-таки победит.

В нашей статье мы рассмотрели возможные варианты построения экономики без денег, ~~ну~~ без производственного управления, без разделения труда и так далее, и с уверенностью можем сказать, что все эти проекты нелепы и неосуществимы. Изъять из обращения деньги /т.е. перестать платить зарплату/ и перевести снабжение населения на распределители, всем поровну или по очереди распределяя товары и услуги? Это вызовет в обществе новую гражданскую войну, и на этот раз советская власть, возможно, и не выйдет из нее победителем.

Впрочем, не ~~ик~~ будем городить напраслину: ни о чем подобном советская власть и не помышляет. На те или иные реформы власть, вероятно, рано или поздно пойдет. Качнутся ли эти реформы в сторону ужесточения или либерализации - вопрос другой, но в любом случае не подлежит сомнению, что они будут направлены на решение назревших экономических проблем, проблем внутренней стабильности и тому подобное, а вовсе не на построение коммунизма, ибо коммунизм невозможен, и нынешняя власть сама это понимает.** НО ЕСЛИ КОММУНИЗМА НЕ БУДЕТ, ТО ВЛАСТЬ КОММУНИСТОВ НЕ ИМЕЕТ МОРАЛЬНОГО ОПРАВДАНИЯ. По какому же праву партия коммунистов объявляет себя руководящей и направляющей силой нашего общества? И куда она может его направлять?

4. Один из выводов нашей статьи заключается в том, что тот социализм, который реально построен в нашей стране /а также в странах восточной Европы, на Кубе, в Китае и так далее/ - это и есть

---

*/ Отметим, кстати, что учебники по марксистско-ленинской философии и политэкономии в общем верно отражают сумму взглядов Маркса-~~Ж~~ Энгельса-Ленина, и составлены по-своему грамотно. С учебниками по "научному коммунизму" и истории партии дело обстоит, конечно, похуже.

**

~~xx~~/ Вопрос о том, в какой степени "идеология" направляет политику правительства, достаточно сложен. Некоторые считают, что идеология давно мертва, и реально власти руководствуются прагматическими соображениями, впрочем, не всегда дальновидными, другие же - что идеология является реальной напрвляющей силой ~~xxxxxxxxxxxxxx~~ советской политики. Точка зрения автора по этому вопросу сводится к следующему. Идеология действительно во многом определяет направление внешней и внутренней политики властей. Происходит это по двум причинам. Во-первых, откровенное разрушение идеологии подрывает внутреннюю стабильность системы, и интуитивно власть это понимает. Для того, чтобы идеология "жила", нужна не только идеологическая трескотня, но и действия, вытекающие из этой идеологии. Вероятно, соображениями этого рода во многом мотивируется упорный отказ властей провести экономические реформы и НЭП в сельском хозяйстве, столь необходимые государству для его выживания. Любая традиционная тирания давно пошла бы на соответствующие реформы ради укрепления своего могущества.

Вторая причина более сложна и в известной мере иррациональна. Странное совйство коммунистической идеологии заключается в том, что даже в разгул террора, направленного против народных масс, она продолжала нести в себе элементы первоначального идеализма, которые потом, во времена хрущевской "оттепели" вновь выплыли на поверхность, В отношении интересующей нас проблемы /в какой степени идеология направляет политику власти/ ситуация представляется нам следующим образом: если положение ухудшается, то власть легко отказывается от любых идеологических принципов и действует исходя исключительно из прагматических соображений. Стоит, однако, ситуации улучшиться, как власть как бы "вспоминает" о своих идейных принципах, и идеология вновь становится направляющей силой ~~x~~ ее действий.

Что же касается нынешнего периода, то создается впечатление, что "идеалистическое" ядро идеологии именно сейчас начинает разрушаться, но одновременно усиливается страх перед внутренней нестабильностью, что приводит в итоге к стремлению более жестко "внедрить" идеологию во внутреннюю жизнь страны и одновременно демонстративно следовать ей во внешней политике. Нынешней власти остро не хватает хорошего прагматика. Откровенно- циничная власть, руководимая страхом, приведет страну к катастрофе; прагматик же спрсобен, вероятно, вывести ее из кризиса, или, по крайней мере, осуществить такую попытку.

тот единственный возможный социализм, который реально может быть воплощен в действительности.

Особо остановимся на Югославии. В отличие от всех остальных социалистических стран, реализовавших у себя плановый вариант экономики социализма, социализм в Югославии можно назвать "кооперативно-рыночным". С теоретической точки зрения такой социализм еще дальше отстоит от идеальной модели /"рыночный социализм" - от одного этого сочетания слов Маркс перевернулся бы в своем гробу/, хотя реально такая система в общем несколько здоровее, чем вариант тотальной бюрократизации народного хозяйства. Но если перейти от экономического базиса к политической надстройке, то здесь мы обнаруживаем уже гораздо больше черт сходства с советской системой: выборы по советскому образцу, запрет независимых политических партий и организаций, государственный контроль над средствами массовой коммуникации, и тому подобное. Это не "искажение" социализма, потому что / мы увидим это в пункте 5/ иным социализм быть не может.

5. После смерти Сталина террор против населения в нашей стране был свернут, и воцарилось некое подобие законности. Это не означает, однако, что социализм стал добровольным и ныне отвечает интересам населения. Человек, который, к примеру, не хочет ходить на субботники или сверхурочные /или не ходит на выборы, или слишком рьяно добивается квартиры, и проч./ безнадежно портит отношения с начальством, которое при первой же возможности на "законном" или незаконном основании уволит этого работника, переведет его куда-нибудь или сделает иную гадость. Жалобы в лучшем случае помогают далеко не всегда. Лишенный возможности защищаться законными способами, человек может обругать или ударить начальника - в последнем случае он получит пять лет за злостное хулиганство /в то время как хулиган, который треснул Вас по зубам на улице, если его поймают, на первый раз отделается штрафом; по свидетельству одного адвоката, ныне значительное число дел по хулиганству и тунеядству составляют такого рода "политические" дела/.* Если же

*/ С точки зрения закона нет никакой разницы между директором завода или секретарем парторганизации, с одной стороны, и простым советским человеком - с другой. Если на практике суды действительно делают различия между оскорблением и нанесением побоев начальнику и прохожему на улице, то это очень серьезное нарушение законности и прав человека. Это тем более верно, что просто так, ни с того, ни с сего, нормальный человек на своего начальника не бросается - его, как правило, до этого доводят незаконными или несправедливыми действиями. С юридической точки зрения это означает, что при определении меры наказания суд должен учесть смягчающие обстоятельства, но есть серьезные основания опасаться, что в делах, принявших

167

человек примется черезчур активно писать жалобы, или поедет в приемную Верховного Совета и будет вести себя там черезчур настойчиво,, то он рискует угодить в психушку. Далее, если он не смирится в лагере или психушке, то ему дадут новый лагерный срок или упрячут в спецпсихбольницу, и так далее - вплоть до расстрела или вечной изоляции. По этой же цепи раскручиваются и чисто политические репрессии - об этом хорошо знает каждый читатель самиздата. Массовый террор ушел - но осталась выстроенная в годы массового террора пирамида репрессий, которая не дает нашему обществу сдвинуться с мертвой точки и выйти из тупика.

Нужно ли было вводить войска в Афганистан, и не лучше ли их оттуда вывести? Нужны ли экономические реформы, и если да, то какие? Нужен ли стране социализм, или лучше было бы обойтись без него? Нужно ли улучшать условия в исправительно-трудовых лагерях, или они и без того достаточно хороши? Странную, и порой жутковатую картину мы получим, если станем задавать эти вопросы начелению. Насчет Афганистана полного единодушия мнений добиться, возможно, не удастся, но можно не сомневаться, что на вопрос, что лучше - социализм или капитализм, подавляющее большинство населения ответит, что их "социализм". Означает ли это, что социализм со всеми своими коммунистическими субботниками действительно отвечает интересам нашего народа? Нет, не означает, потому что население не знает иных возможностей и лишено права выслушать аргументы противоположной стороны. Независимого общественного мнения в нашей стране не существует не потому, что в нем нет потребности, а потому, что его подавляют на той стадии, когда оно еще не успело сформироваться и окрепнуть. Отдельные люди или небольшие группы, едва только они попытаются вынести свое мнение на суд населения и призвать тех, кто согласен с ними, их поддержать -сразу окажутся за решеткой.

6. Из всего комплекса социальных проблем внутри страны экономи-

---

остро-социальную окраску, и показывающих, что в нашей стране существуют классовые антагонизмы, суды вряд ли могут оставаться беспристрастными. Случай, когда начальник отдела кадров оскорбил парня-рабочего, а тот вылил ему на пиджак банку чернил, описан в одном из рассказов В.Шукшина.

Отметим, впрочем, что власти понимают опасность, которую повлечет за собой нарастание подобных конфликтов, и стараются по возможности их предотвратить. Существуют месткомы, народный контроль, право подачи жалоб и тому подобное, и во многих случаях искатель справедливости после долгих или даже не очень долгих мытарств ее добивается. Иными словами, какая-то часть законов у нас на практике соблюдается, и если, к примеру, начальник, злоупотребляя своим служебным положением, присваивает себе деньги, предназначенные для выплаты премий работникам предприятия, то прокуратура такого начальника сама охотно посадит. Но если человек отказывается выходить на сверхурочные работы, то вся пирамида начальников приложит максимум усилий к тому, чтобы создать ему невыносимую обстановку на работе. Интуитивно это ощущает каждый советский человек.

ческие проблемы обладают, несомненно, наибольшей остротой. Помимо экономических проблем, существуют проблемы роста преступности, роста алкоголизма и наркомании, явления морального разложения, которые дают о себе знать также и в сфере общественного производства /особо укажем на усиливающееся буквально на глазах разложение сфер образования и медицинского обслуживания/.* Все эти проблемы рано или поздно встанут перед обществом со всей остротой, они же усилят надвигающийся кризис. Но если предположить, что не будет войны, то первое, что угрожит систему /и, увы, нас вместе с ней/ – это экономика, точнее, нарастающие экономические неурядицы – и растущее озлобление населения. В нынешней ситуации мы прямиком катимся к революции 1905 года; стабильность и твердокаменность системы – лишь кажущаяся. В 1890 или 1895 годах тоже мало кто мог себе представить, что массовые стихийные забастовки, сливаясь в революцию, станут возможными.**

60 лет истории советской власти со всей очевидностью показали несостоятельность идеи социализма и государственно-плановой экономики. Опыт других "социалистических" стран говорит о том же. Плановое хозяйство дезорганизует производство – этот парадокс ощущает на своей шкуре каждый хозяйственник, а опосредованно – и все население в целом. Конечно, анализ нынешней экономической ситуации и возможностей ее реорганизации экономики – это тема, которая никак не может быть уложена в несколько машинописных страниц. Но в самом общем виде мы можем сказать, что необходима децентрализация, и если можно так выразиться, "демократизация" экономики, связанная в первую очередь с предоставлением реальных экономических прав предприятиям и их руководителям, отменой запрета на частное предпринимательство и введением гибкой /рыночной/ системы ценообразования. Никто не спорит: процесс перестройки экономики сложен и чреват опасностями.

---

*/ В настоящее время Советский Союз – единственная в мире индустриальная страна, в которой растет детская смертность / т.е. смертность среди детей в возрасте до одного года./ до середины 60-х годов детская смертность в СССР падала, и почти сравнялась с соответствующим уровнем в западных странах. Затем, однако, она вновь стала расти, а на Западе – продолжала падать, и ныне уровень детской смертности в нашей стране вдвое выше, чем в США /26 случаев на тысячу против 13 – 14 случае на тысячу – данные сообщены радиостанцией "Голос Америки"/. Среди наиболее очевидных причин были названы: условия жизни и питания беременных женщин, растущий женский алкоголизм, и – ухудшение качества медицинского обслуживания.

**/ Сейчас /август 1980 года/ такие забастовки начались в Польше, так что в этом нет ничего невозможного. Скорее было бы наивно предполагать, что они у нас не начнутся.

Но латать отдельные дыры /по принципу хвост вытащили - ноги увязли/ и делать ставку на укрепление трудовой дисциплины как на панацею от всех бед - это нереалистичная экономическая политика.

В ~~ин~~ своем интервью газете "Русская Мысль" французский советолог Алэн Безансон сказал: "Каков бы ни был нормальный традиционный режим, будь он реакционный или либеральный, умеренный или тираническийй, время продолжает нести с собой и хорошее, и плохое: мы и стареем и обогащаемся опытом. А специфическое время коммунистических режимов не несет с собой ничего, кроме износа и усталости. Нет и следа того обогащения, каким обычно вознаграждается физическое увядание. Почему же его нет? А потому, что жизнь состоит из разрушения того, что есть, и построения того, что существовать не может." Этой цитатой мы и закончим нашу статью.

Ав. См.

ИММАНЕНТНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕАЛИЗОВАННОГО СОЦИАЛИЗМА

/краткий анализ экономической истории СССР в тезисной форме/

I. Социалистическое государство, поскольку оно монополизирует все основные /прирожденные человеку/ формы экономической активности, исключая работу по найму, поскольку берет на себя всю полноту ответственности за производство, обмен и распределение продуктов общественного производства, оно принимается на себя сначала ответственность не просто без какого-либо понукания со стороны, оно рвется к ней целеустремленно - как правило, вопреки противодействию определенных социальных сил - и с жадностью за нее хватается.

2. В основе описанной тяги социализма к панэкономической монополии лежит теоретическое положение марксизма об уничтожении эксплуатации наемного труда с победой социализма.

3. Перед лицом ситуации, описанной в п.I, карикатурной неделостью выглядит установившийся ритуал публичного благодарения государства за заботу /о благе трудящихся, о детях, об инвалидах, о женщинах.../. Этот ритуал есть лицемерие снизу и сверху. Такая забота - святая обязанность любого ответственного правительства. Тем более, кому еще заботиться о благе народа, как не государству, которое взяло на себя столько, сколько не брал прежде ни один царь самодержавный барин-батюшка? В экономическом отношении мы характеризуем социализм как общегосударственный патернализм. В таком случае то, что происходит с населением, можно назвать принудительной инфантилизацией. Взрослые, деятельные люди низводятся до положения и самоощущения беспомощных детей перед лицом всемогущего, за все отвечающего государства-отца. Не благодарить следует такое государство, по спросить с него, как полагается. Для осуществления всех обещаний марксистской теории и практики было отпущено достаточно времени. Государству, присвоившему все формы экономической деятельности ради высшего блага своих подданных, правомерно должен быть предъявлен счет.

4. Войны, интервенции, блокада, разруха, внешнее эмбарго на торговлю, а также национальный характер, низкий культурный уровень – все подобные экзогенные факторы нельзя игнорировать; их всегда можно вписывать в расходную графу, когда речь заходит об итогах шестидесяти лет социалистического хозяйствования. Поэтому задачу необходимо сформулировать таким образом, чтобы факторы, подобные перечисленным выше не могли оказать влияние на ее ответ. Необходим независимый критерий.

Вопрос ставится так: были ли моменты в истории нашего государственного социализма, когда государство располагало реальной возможностью пойти по пути повышения благосостояния народа, но сказанной возможностью не воспользовалось?

Ответ: да, были.

5. Первый из таких моментов – время нэпа. За какие-то два-три года нэпа буквально из ничего возродилась стихийная структура товарообмена, восстановилась животворная связь между деревней и городом – связь, казалось, полностью оборванная и уничтоженная хищническим продразверстки. Стала быстро налаживаться внешняя торговля. Рост жизненного уровня народа не мог, разумеется, быть равномерным по всем категориям населения. Кто-то обогащался, кто-то нет – но всем стало легче дышать. Укрепление и развитие этого процесса требовало расширения простора для частной или частно-кооперативной инициативы, предоставления негосударственному /"несоциалистическому"/ сектору широких инвестиционных возможностей. Необходимо было также укрепление гарантий для иностранного капитала, привлекаемого в страну на концессионной основе, и расширение сферы его приложения. Логика непредвзятого подхода к вещам требовала посадить крепкого хозяина на село. Специального внимания и осознанного подхода требовал вопрос укрепления устойчивости валюты.

Такой представляется с исторической дистанции схема экономической политики государства, главной целью которого было бы благополучие населения. Но главной целью нового, социалистического государства было "уничтожение эксплуатации". Поэтому изложенная схема – применительно к конкретным историческим и социально-психологическим условиям тех лет – выглядит совершенной утопией.

6. Уже сам подход к нэп вызвал многочисленные возражения в кругах революционеров: за что боролись?

А за что боролись? За многое: за "уничтожение эксплуатации", за "освобождение труда", за "равенство", за "пролетариат" и все прочее

такое. Никто не знал /да и сейчас никто не знает/, что конкретно все это означает. Они верили догме и ненавидели все, что пахнет капитализмом. Формой мышления этих людей был лозунг-мифологема.

Политика буквального /"военного", в последующей терминологии/ коммунизма была единственной экономической программой, которой располагали революционеры перед приходом к власти; все казалось очень простым, революция решала все проблемы. После банкротства марксовой коммунистической программы, который явственно обозначился к концу гражданской войны, пришлось на ходу менять колеса. Социалистическое государство вступило в нэп, не имея ясного представления, во что это все выльется. Натуральный налог, свобода торговли, иностранные концессии и Госплан - все это также были пока лишь лозунги, не больше. Разработанного плана, программы, тем более, расписания - не было. Конкретные хозяйственные мероприятия разрабатывались в процессе осуществления политики, решения принимались по ходу дела, иногда - задним числом. Сказанное должно, в известной мере, оправдывать многочисленные хозяйственные недоработки, упущения и ошибки, которые имели место в те годы. Экономику надо было изобретать на-ново: в том, что касается решения конкретных экономических проблем - и глобальных, и частных, - Маркс молчал. Социалистическое государство спас тактический гений Ленина. Впрочем, Ленин его и устроил.

7. Нэп с самого начала был и до конца оставался тактическим ходом новой политической власти. Это никогда не скрывалось и должно приниматься во внимание со всей серьезностью при анализе последствий тех событий. Социализм э к о н о м и ч е с к и умел в подполье, сотрался политически реальной властью. Это была п о л и т и к а государства, которое не было в состоянии пересмотреть своей концепции мира и самого себя в этом мире. Провал коммунизма, рекомендованного Марксом, многому научил вождей государства, но только не отказу от общей концепции Маркса. За это их нельзя судить строго - как просто человеков и персонально. По ответственности за благо народа, кого взялось опекать новое государство, - этой ответственности перед судом нашего поколения ничто с него не снимает, кем бы персонально это государство ни представлялось в разные эпохи.

8. Во все время нэпа в поведении государства по отношению к вольной стихии прослеживается тенденция "тащить и не пущать". Двойственность была с самого начала заложена в этой политике с в о б о д ы в н е в о л е. Это не могло не ощущаться в воздухе тех лет и, в сочетании со свежей памятью о предшествующих годах, не могло не сказаться на облике типичного нэпмана, его психологии, его поведе-

ник. Нэпман чувствовал на себе подозрительный взгляд новой власти сам этой власти не доверял.

Основания для недоверия и подозрительности были у обеих сторо У нэпмана - практические, шкурные. У государства - идеологические догматические. В его глазах нэпман был воплощением старого режима, временным злом, необходимым на известный период, которому, однако, нельзя потакать и до которого "мы еще доберемся".

Примерно так же обстояло дело, по-видимому, и с образом ино-странного капиталиста-концессионера, который был живым представите лем ненавистного мирового капитала - в условиях, когда еще всерьез верили в неизбежность и неизбежность мировой революции и декламир вали: "Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем".

Отнюдь не лучше обстояло дело с образом деревенского хозяина "кулака". Отъявленный догматизм революционного мышления не допуска возможности увидеть в "деревенской буржуазии" кормильца новой Росс Его недоверие к власти было не столь сильно, как ни странно, не см тря на недавние эксцессы продразверстки - их, по обычной склонност русского мужика, не столько связывали с "царем-батюшкой" /централи ной властью/, сколько приписывали им - и не без оснований -, произво местных властей. Лозунг "земля - крестьянам" еще не был совсем за

Этого крепкого мужика и следовало бы укреплять и стимулиров Его, именно его следовало снабжать в последующие годы тракторами. Деревенская беднота в таком случае была бы обречена пополнить ряды рабочего класса на стройках пятилеток. Тот процесс социально-эконо мической поляризации села, которому мощный толчок дали "ножницы це 1923-24гг. /хотя и до того он шел сам собой/, работал именно на и хоженную выше альтернативу развития сельскохозяйственного произво ства и дифференциации рабочего ресурса нации.

9. Такова была объективная логика развития экономических про сов, которая одна могла бы обеспечить гармоническое развитие эконо мики России. Но все было сделано как раз наоборот, как на заказ - оборот по всем пунктам. Сегодня уже трудно установить, чем в боль мере следует это объяснить - твердолобым догматизмом революционер или их экономическим дилетантизмом и некомпетентностью. Так или ина че, выявляется бесспорная альтернатива хозяйственного развития, к рая не была использована социалистическим государством и даже не было им осознана.

Нэпмана задавили налогами, репрессиями, безответственным вме тельством в вольную торговлю и, наконец, ее запретом.

Привлечение иностранных капиталов не удалось осуществить в значительной мере, и условия, при которых концессионная политика дала бы максимальный эффект, обеспечены не были.

Прогрессирующая эмиссия бумажной червонной валюты вызвала ее падение, что усугубило разрыв советской экономики с мировой, и создало предпосылки для последующей за тем изоляции страны – изоляции, которая отвечала политическим и личным целям нового вождя – Сталина, – но которая была пагубна для страны, и не только в экономическом аспекте.

Приблизительно в этот период был завершен и процесс полного огосударствления рабочих союзов. Давняя мечта Зубатова получила такое законченное и абсолютное воплощение, какое и не снилось полицейскому чудаку.

Что касается интеллектуального ресурса нации, то он был самым безответственным образом разбазарен и уничтожен опальмованием интеллигенции, ее высылкой и физической ликвидацией.

Коллективизация уничтожила сельского хозяина и отдала его хозяйство на откуп бесхозяйственности и администрированию. Удар был столь силен, что советское сельское хозяйство не оправилось от него до сих пор и не оправится, по-видимому, вообще на колхозной основе.

Итак, социалистическое государство избрало иной путь, чем было был обрисован, и первыми же результатами избранной хозяйственной альтернативы были: трехлетний голод, карточная система, массовое уничтожение сельского населения, общее снижение жизненного уровня горожан и террор – набирающий силу и расширяющий свои волны до вселенского уровня. Вспомним: "Хлеб – голодным, земля – крестьянам, мир – народам"...

10. Сколь нелепым является ритуал благодарения государства за заботу о благе народа /даже в тех случаях, когда такую заботу можно обнаружить/, столь же абсурдным является приписывание Сталину каких-то заслуг перед страной и народом.

Уже отмечалось /П.Ростоу/, что база индустриализации России была заложена еще графом С.Витте, развившим в стране сеть железных дорог. Всем ходом хозяйственного развития предреволюционная Россия шла к индустриализации – к созданию крупной промышленности и фермеризации сельского хозяйства, открывающей путь для развития его по капиталистическому пути, для его механизации и электрификации. Предреволюционная Россия созрела для промышленной революции. Этому помешала социалистическая революция, которая отбросила страну далеко назад

Крутая ломка и дуже буквального марксизма вызвала в стране гражданскую войну и неслыханную нитде и никогда разруху. Потребовалось еще восемь лет нэпа, чтобы вновь вывести промышленное производство страны на довоенный уровень и воссоздать имевшиеся ранее предпосылки для ее индустриализации. Только невежество или злостное игнорирование этих фактов позволяют говорить, дескать, злодей, конечно,но зато...

Сталин сделал не больше, чем обязано было сделать любое другое правительство, но сделал это далеко не самым эффективным образом и страшной ценой. Армия зеков численностью с население средней европейской страны, подлинное крепостное право на селе и полный развал сельского хозяйства вследствиеколлективизации и последующего перманентного ограбления деревни, принудительная трудовая дисциплина в промышленности, совершенное расстройство денежно-финансового механизма и, в довершение всего, создание экономики милитаризма - вот неполный список заслуг Сталина перед народом, цена /экономическая только/ его индустриализации. Вменим ему в заслугу и то, что советская индустрия в целом оказалась явно отсталой по техническому уровню от индустрии Запада, и то, что отставание ее есть явление не временное, но хроническое, ибо обусловлено всей системой управления производством, сложившейся при Сталине и под его непосредственным руководством.

Воздадим Сталину должное и за создание внутри советского общества уникальной социальной структуры: военно-полицейско-бюрократического комплекса /ВПБК/. Названная структура неизмеримо больше детерминирует социально-экономические процесси в нашей стране, чем в США какой-то там малый военно-промышленный комплекс, выявленный учеными, выставленный газетами и печатью на показ общественному мнению, ставший мишенью для критики и чуть ли не козлом отпущения за все экономические неудачи и войну во Вьетнаме. ВПБК, бывший при Сталине аппаратом его личной диктатуры, уже в последние годы его жизни стал проявлять признаки автономного статуса, а после смерти диктатора стал его правопреемником и с тех пор - незримый, не названный по имени, не персонифицированный, не уязвимый для реформ и неподсудный никому - является реальным и единственным субъектом государственной власти в СССР.

II. Следующий момент, когда перед страной возникла реальная альтернатива повышения жизненного уровня населения, следует приурочить ко времени долгожданной кончины вселенского убийцы и прекращения массового террора: годы 1953-56.

Нельзя сказать, что государство не делало никаких попыток в данном направлении. Важнейшим событием в этом деле /и, по сути, самым большим достижением в указанной области/ был сам факт признания актуальности назревшей задачи.

альности названной задачи. Первым делом, естественно, обратились к сельскому хозяйству – были приняты некоторые меры по облегчению жизни колхозников /сколько еще раз приходилось потом принимать меры в том же направлении, а воз и ныне там!/. Был поднят нижний предел зарплаты по стране, повышена оплата труда многих категорий работников, введено реальное /хотя и скудное/ пенсионное обеспечение. Соответствующее увеличение денежного дохода населения не сопровождалось еще ответным ростом товарной массы, но, казалось, к тому все шло. По слухам, группа Маленкова выдвигала программу ускоренного развития производства потребительских товаров, отвергнутую правительством /проверить справедливость этой легенды нет возможности/. Началось, наконец-то, массовое жилищное строительство.

В дальнейшем была сокращена рабочая неделя /с 48 часов до 41/, что почти уравняло ее с рабочей неделей в странах капиталистической эксплуатации. Был устранен полицейский контроль за трудовой дисциплиной в промышленности, упорядочено право граждан менять место работы по своему усмотрению, ослаблены меры принуждения для молодых специалистов. Очень важным – с непредсказуемыми тогда последствиями – шагом был курс на материальную заинтересованность работников в результатах их труда– материальное стимулирование; стали осуществляться различные премиальные системы видов оплаты труда.

12. Уже вскоре стало выясняться, что человеку нужны не просто штаны, но брюки определенного материала и фасона, притом год от года эти параметры меняются. С опозданием на 40 лет были легализованы понятия моды, вкуса, личной жизни. Народ, двум поколениям которого внушалось, что смысл его жизни – в самоотверженном труде, вдруг увидел, что на свете существуют такие вещи, как потребление, быт, уют, элегантность или шик, развлечения, притом именно в странах наемного рабства все эти вещи достигли какого-то сказочного уровня. В стремительном росте потребительских запросов населения, в подражании западным стандартам следует видеть род гиперкомпенсации за отказ от потребления в предшествующей жизни. В массовости сказанных явлений аукнулось государству внедряемое им же самим принципиально дегуманизированного мировосприятия, нивелировавшего индивидуальности и бездуховного материализма.

Растущий денежный доход населения по-прежнему не находил адекватного ответа в мире товаров и услуг, ввиду чего рост благосостояния был реальностью лишь частично, частью же оставался иллюзией. Соотношение между указанными двумя частями все более дифференцировалось по разным категориям населения. Критерием благосостояния стал фактически не денежный доход, а возможность его реализовать предпочтительным образом. Начал расти отложенный спрос /вклады в сберегательные кассы/.

Ослабление полицейского контроля над трудом и производством обернулось нежелательными последствиями: а/значительным увеличением числа, масштабов и объема "левых" заработков, б/ падением трудовой дисциплины и расширением масштабов пьянства на рабочих местах, в/возросшей текучестью кадров, г/резким увеличением масштаба мелких и средних хищений сырья, материалов, полуфабрикатов и готовых продуктов промышленного производства. Перечисленные явления приобрели повсеместный характер.

В то же время, вслед за ростом денежных доходов населения наметилась тенденция к росту цен на потребительские ~~ж~~ товары. Прежде всего были подняты цены на мясо-молочные продукты - для компенсации подъема закупочных сельскохозяйственных цен, настолько занижених при Сталине, что они не покрывали затрат сельскохозяйственного производства /при нищенском тогда уровне оплаты труда колхозников/. Исподволь, часто обманным путем - через манипуляции с сортами и стандартами - стали расти цены на другие виды потребительских товаров. Но увеличение в обращении количества бумажных денег намного опережало медленный и подспудный рост цен государственной розничной торговли. Еще в большей мере эмиссия опережала увеличение реального количества потребительских товаров и услуг. Все это можно с уверенностью утверждать, не имея необходимых числовых данных. Пошел развиваться черный рынок с его быстрорастущими ценами р а в н о в е с и я товарной и денежной масс. Стали множиться случаи подпольного производства и "левых" услуг.

18. И вот, в описанных условиях государство выдвигает задачу: "в исторически кратчайший срок догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству основных видов продукции на душу населения". Ближайшей целью было поставлено сделать это по мясу, молоку, маслу. На знаменитом XXII съезде партии было торжественно обещано создать изобилие продуктов за двадцать лет/это было в 1962 г./ Там же, в новой программе партии, начиналось к истечению первого десятилетия "догнать и перегнать". Тогда огромные надежды возлагались на химическую промышленность - на химизацию сельского хозяйства и создание синтетической одежды, обуви, бытовых товаров. В сельскохозяйственном производстве панацеей должна была стать кукуруза. Эти программы, все вместе, были совершенной авантюрой, имея в виду окидавшиеся результаты. Кто там кого водил за нос, кто кому втирал очки, сколько в тех планах было безответственности, а сколько - недомыслия, - все это пока что покрыто мраком.

Никита Хрущев был тем человеком, который связал себя со всеми лозунгами и авантюрами, и он стал естественным козлом отпущения. Похоже, он искренне верил в потенциальные возможности социализма и его

предрешенную конечную победу в соревновании с капитализмом. В мирном соревновании.

14. Несомненно, Хрущев искренне хотел создать в стране благосостояние на мировом уровне, и столь же несомненно, что он искренне заблуждался относительно средств для достижения указанной цели. Проблему изобилия, или, скромнее, проблему насыщения потребительского спроса Хрущев - с легкой руки своих духовных отцов - считал задачей, по преимуществу, технической. Действительно, ведь основной экономический закон социализма - это наиболее полное удовлетворение потребностей трудящихся /общества/, тогда как основной экономический закон капитализма - это получение максимальной прибыли. Так гласит советская экономическая наука - единственно научная наука, не в пример вульгарной "экономике" разных там кейнсов, самуальсонов и ике с ними. Следовательно, социализм обеспечивает более высокую производительность общественного труда, а это и есть чисто техническая задача. Автоматизация производственных процессов, электричество, химия, кукуруза /но на западе все это почему-то внедряется раньше, оттуда и заимствуем!/ или что-нибудь другое. При этом вовсе не принимались во внимание такие проблемы, как оптимизация распределения ограниченных ресурсов, расширение хозяйственной инициативы на микроэкономическом уровне, укрепление устойчивости валюты, соразмерное развитие I и II подразделений. Все эти вопросы в те годы стали подниматься на страницах советской научной печати и в прессе, но бурные дискуссии в печати и на семинарах - с их научной и ненаучной аргументацией - в то время не оказали заметного влияния на самосознание социалистического государства и на его экономическую политику, хотя и не прошли даром, как показали события последующих лет.

Единственное, что смогла придумать группа Хрущева в организационном плане - это децентрализация административного управления экономикой. Система территориальных совнархозов имела все слабости децентрализованного экономического управления - ограниченность средств, местнический подход к хозяйственным решениям, несогласованность мероприятий, - но вовсе не имела преимуществ подлинной децентрализации - гибкости, динамичности, обратной связи, самоорганизации, кровного интереса. Поэтому совнархозовское администрирование оказалось еще менее эффективным, чем централизованное, и было обречено.

Последней реорганизационной мерой Хрущева, которая переполнила чашу терпения верхушки КПСС /о проступках его вне экономики мы не говорим/, было разделение партии на промышленную и сельскохозяйственную ветви. Предполагалось, что специализация функционеров повысит эффективность административного управления, хотя достаточно очевидным было и тогда, что страна располагает соответствующих техни-

ческими и управленческими кадрами, которые в состоянии были бы сами и с большей компетентностью принимать хозяйственные решения, будь им дана соответствующая компетенция.

Благие намерения Хрущева с самого начала были выхолощены существующей в стране практикой хозяйственного управления, то есть нереформированной структурой административного произвола, отсутствием экономических рычагов и всеобщим надувательством. Ценность опыта хрущевского периода заключается в том, что были перепробованы, кажется, все возможные способы реорганизации управленческого аппарата без затрагивания его административной сущности. Стало ясно всем, что стране нужны более глубокие реформы.

15. Первое десятилетие после Хрущева, в интересующем нас аспекте, есть полное и буквальное повторение хрущевского десятилетия; кажется, будто заработала пресловутая гегелевская спираль /а может, нищенский круг!/. Те же самые фазы: очередной пленум по сельскому хозяйству - хозяйственная реформа - декларация о намерении поднять благосостояние народа - выхолащивание реформы - поворот к чистой показухе. Так сказать, полный хозяйственный цикл.

Однако, объявленная реформа опиралась на принципиально новый принцип, который позволяет рассматривать ее как наиболее глубокую со времен нэпа. Наконец-то предстояло развернуть хозяйственную инициативу на микроуровне; один из тех редких случаев, когда государство прислушалось к сведениям доводы недогматической науки при осуществлении экономической политики. Ненаучные методы хозяйствования были даже осуждены публично с высоких трибун.

"Вообще из последующего моего государственного опыта я пришел к заключению, что в России необходимо проводить реформы быстро и решительно, иначе они большей частью не удаются и затормаживаются," - писал в своих мемуарах С.Ю.Витте, выдающийся государственный деятель эпохи двух последних русских царей.

Осведомленные люди утверждают, что судьбу последней реформы решила "пражская весна" и ее подавление. При этом, как часто бывает, сложнейшее социально-экономическое явление пытаются свести к одной причине. Год Чехословакии не мог пройти бесследно ни для наследников общества в целом, ни для умонастроений его верхушки. Но если пытаться уложить в одну формулу причины бесславного конца столь радикальной хрущевской реформы, следует сказать так: реформу доконал ВПК.

боязнь изменений в статус-кво и курс на дальнейшую милитаризацию экономики – так отреагировал ВПК на затруднения с реформой, сведя ее к нулю. Тринадцатая зарплата, формальное признание хозяйственного значения промышленной прибыли, да увеличение темпов денежной эмиссии – вот все, что осталось нам в наследство от грандиозной реформы. Легализованные реформой экономические рычаги – прибыль, цена, кредит – так и остались незадействованными. Одно из ее важнейших мероприятий – отмена штатных ограничений – вообще не было проведено в жизнь.

Сегодня вспоминать об реформе публично – столь же моветонно, как вспоминать о программе построения коммунизма к 1980 году. Ничего подобного не было.

Важнейшим долгосрочным следствием неудавшейся реформы стало то, что ВПК приобрел иммунитет ко всякого рода хозяйственным реорганизациям. Статус-кво стабилизировался, и надолго.

16. И в этих условиях /не случайно повторяется начало п.15/ – в 1970 г., на XXIV съезде партии – был громогласно объявлен курс на повышение благосостояния населения. Особо указывалось, что курс этот – не привычная нам нашими кратковременная кампания, но долговременная политика государства. Обещалось увеличить темпы производства товаров массового потребления. Чтобы не задерживаться долее на этом вопросе, надо отметить, что ощутимых результатов от тех обещаний десятилетней давности пока не наблюдается. Нечего и говорить, о тех обещаниях напоминать также стало неприлично.

17. Таким образом, даже бегло обозревая экономическую историю социалистического государства, можно убедиться, что в ней было несколько моментов, благоприятных для создания подлинного благосостояния всего советского народа. Во всех рассмотренных случаях возможности не были использованы и причина этого нам видится одна: реальный курс на благосостояние народа требовал таких радикальных перемен в структуре управления, на которые социалистическое государство всякий раз оказывалось неспособным. Когда могло бы хватить смелости, мешала марксистская догма. Когда догма перестала вдохновлять, помехой стала сложившаяся структура власти.

Вместо тупого энтузиазма революционеров мы имеем теперь систему привилегий и круговую поруку функционеров. Там догматическое сознание определяло бытие, здесь элитарное бытие определяет сознание – и трудно сказать, что из двух хуже для страны. Начиная с 1953 г., каждое новое советское правительство имело повод объявить о своем намерении поднять в стране уровень потребления; похоже, такая ситуация сохранится и впредь.

Декларированные цели социализма – полное освобождение физических и духовных сил нации, обеспечение всем гражданам свободы, равен-

ства и благополучия – оказались несовместимыми с имманентной целью социалистического государства – его устойчивостью, его самосохранением. В этом заключено фундаментальное противоречие реализованного социализма, его основной парадокс.

Военно-полицейско-бюрократический комплекс, воплощающий сегодня социалистическое государство, представляет собой ультрастабильную, самодостаточную и в высшей степени эгоистическую структуру, реализующую собственное выживание, не взирая на стремления, надежды и отчаяние общества, внутри которого он живет и чьими соками он питается. Изоморфной ~~выражающей~~ моделью отношений нации и ВПК является структура взаимоотношений человеческого организма и живущего в нем больного глиста. Это символ основного парадокса социализма.

18. Социалистическое государство монополизирует все основные /кроме работы по найму/ виды экономической деятельности человека – по-видимому, эта формула исчерпывает сущность социализма как экономической системы и основное отличие его от всех форм капиталистического устройства народного хозяйства, начиная от самого архичастного капитализма и кончая капитализмом корпораций.

Но функция социалистического государства в экономическом аспекте шире, чем просто конституирование себя как монопольного инвестора, производителя, торговца, распределителя ресурсов и продуктов, нанимателя работников. Государство, как социальный институт, само по себе не может осуществлять те функции, которые оно монополизировало. Оно с необходимостью вынуждено обеспечивать эти функции силами, руками и мозгами своих граждан, которым оно, как сказано, оставляет лишь одно экономическое право: работать по найму. Государство, с одной стороны, присваивает себе все права на экономическую активность, с другой стороны, оно может реализовать эту активность лишь силами тех, у кого те права отняты. В этом – второй парадокс социализма. Его символ – безответственность.

Государственная монополия на все основные формы экономической активности означает узурпацию соответствующих природных прав человека. В тоже время государство стремится навязать выполнение указанных функций своим подданным – но не по суверенному праву свободного человека, а по обязанности подневольного человека, находящегося на службе у государства. Нет более полного смысла выражения "наемное рабство".

Государство как бы говорит человеку: ты не имеешь права делать это на свой страх и риск, но ты обязан делать это во исполнение моей воли и под мою ответственность. Последнее выражается в том, что структура принятия решений принципиально отделена от структуры исполнения решений. В отличие от капитализма, где бизнес и

так и сяк, отмеченное структурное свойство социализма есть его абсолютное качество, его имманентное свойство. Поэтому социализм никогда и нигде не может быть более демократичным, чем капитализм любой формы – по крайней мере сказанное относится к экономической области.

Структурное отделение принятия решений от их исполнения ведет к тому, что оказывается размытой, нечеткой и трудноопределимой ответственность как за принятие решения, так и за их исполнение. Притом, эта размытость и трудноопределимость относятся не только к мере ответственности, но, в неменьшей степени, к ее локализации в хозяйственной структуре и, еще более того, к персонализации ответственности. Часто оказывается, что ответственность за качество решений падает на исполнителей его, не имеющих ни выбора решения, ни права его отмены. Ответственность же за исполнение решений подчас вменяется тем, кто участвует в коллективном процессе его принятия. Однако, в силу полного отсутствия критериев для установления правильной локализации ответственности и ее меры, как правило, награждается /если был успех/ и козлом отпущения становится /если была неудача/ некая персона, имеющая к тому решению не больше отношения, чем многие другие. Поощряются более ловкие, а наказывается тот, кто по разным причинам оказался не своим человеком в кругах своего окружения, так что ответственность оказывается удобным поводом, чтобы расправиться с ним и вытеснить его из данного хозяйственного или бюрократического локуса. В общем и целом, реально никто ни за что не отвечает; социалистическая система управления оказывается безмерной.

19. Следствием двух указанных выше противоречий социализма – монополии государства на экономическую деятельность и структурного отделения принятия решений от их выполнения – является третий парадокс социализма. Его формула: централизованное планирование порождает в экономике полнейшую анархию, неопределенность и непредсказуемость. Символ этого парадокса – б о р ь б а. За выполнение плана, за своевременный сев, за сохранение урожая, за сдачу объектов строительства в эксплуатацию, за уменьшение производственных потерь, за ускорение оборачиваемости оборотных средств, за повышение эффективности, за комплектную поставку оборудования, за повышение производства, за внедрение новой техники, за качество продукции и т.д. и т.п. За все, что при спонтанной хозяйственной организации делается – с большим или меньшим успехом – само собой, а в т о м а т и ч е с к и, при социализме необходимо вести борьбу. Кто с кем борется? Монопольный хозяйственник – государство – с неопределенностью и анархией.

Что еще за анархия в плановом хозяйстве? Временами и местами случается нехозяйственный подход, сверхплановость руководителей, даже активное противодействие плановым заданиям, но речь совсем не об этом

Неопределенность и анархия порождаются самой системой всеобъемлющего планирования. Уничтожение рынка – свободной экономической стихии – лишаетсубъект управления необходимой экономической информации, требуемой для обоснованного принятия решений, для правильного выбора стратегий. Через спонтанные колебания цен /на продукты, ресурсы, капитал/, курсов акций, запросов покупателей и ограничений по ресурсам – только через все это экономическая система в целом узнает об альтернативах конъюнктуры и только на основе этой информации в системе могут вырабатываться рациональные решения на всех уровнях. Отсутствие указанной информации ничем не может быть компенсировано. Поэтому неотъемлемой чертой централизованного планирования является неопределенность в отношении конъюнктуры и непредсказуемость ее тенденций. Чем выше степень централизации управления, тем больше мера неопределенности. Отсюда, в частности, печально знаменитый принцип планирования по "достигнутому уровню". О его нелепости и вреде много говорилось в свое время, но достигнутый уровень – едва ли не единственная база для планирования и заменить ее нечем.

Отсюда и другое. Инструментами подобной системы управления могут быть лишь следующие три: норматив, лимит, распоряжение по усмотрению. Нормативов на все случаи жизни не напасешься, да и страдает норматив органическим пороком – усредненностью величины и приблизительностью применения. Лимит – еще более случайная величина с точки зрения ее объективной обусловленности. Одним боком мешая расточительности, он другим боком стесняет оперативный простор хозяйствования и всегда угрожает стать помехой выполнению навязанных сверху решений. Поэтому самым действенным инструментом управления остается – распоряжение по усмотрению. О свойствах этого инструмента распространяться излишне. Все описанное представляет в совокупности систему административного управления, при которой никто доподлинно не знает, что происходит в народном хозяйстве и куда оно идет.

Социализм сам себе создает проблемы, с которыми он не в состоянии справиться без суровых мер принуждения и наказания. Поэтому для социалистического государства террор был и всегда будет соблазном для решения хозяйственных задач.

В целом, хозяйственная функция социалистического государства предстает перед нами в образе всадника, усердно погоняющего им же самим стреноженного коня.

~~XXI [illegible]~~

Я дело мрачно описал,
Но ведь еще страшней развал.

[illegible]

20. Описанное выше положение дел стало возможным благодаря тому, что понятие истинной свободы было когда-то отождествлено с понятием уничтожения "капиталистической эксплуатации". Гарантом уничтожения эксплуатации был признан социализм. Отсюда появился неформулируемый явно, но подразумеваемый постулат о самоценности социалистического государства /самые опасные постулаты мировоззрения – это неформулируемые постулаты и несознаваемые постулаты/. Пересмотр данного постулата ложится во главу угла общей переоценки ценностей, которая жизненно необходима нашему общественному самосознанию и которая немилосердно ведет нас в прошлый век – к Карлу Марксу и его вероучению.

21. Указанные выше генетические противоречия социализма далеко не исчерпывают всех парадоксов этой противоестественной организации. В качестве курьеза можно привести парадокс черной экономики.

Чтобы понять его, следует вспомнить такие случаи, как, например, подпольное производство шерстяной одежды где-то на Кавказе, которое снабжал сырьем целый аул. Что было бы с той шерстью, попади она в государственные заготовительные пункты? Трудно сказать /и это само по себе знаменательно!/. Шерсть могла быть экспортирована, либо сгнила бы где-нибудь на складах или в вагонах, либо – самый оптимистический вариант – послужить сырьем для предметов одежды, которые не удовлетворяют потребителя по фасону, расцветке, а также потому, что шерсть в них смешана с презренной синтетикой. Подпольное производство снабжало потребителей полноценными шерстяными товарами.

Отсюда вытекает обещанный выше курьезный парадокс: в условиях социализма подпольная экономика способствует росту потребления вопреки запретам и гонениям государства.

Сказанное не абсолютно верно. Например, подпольная торговля – перепродажа купленных по госцене или похищенных у государства вещей по спекулятивной цене – фактически лишь перераспределяет наличный товарный поток. Но такая же спекуляция вещами, привезенными с собой из-за рубежа, а также подпольное производство и всевозможных видов "левые" услуги, бесспорно, компенсирует /хотя лишь отчасти/ неспособность государства обеспечить своему народу приемлемый уровень потребления.

Но там, где все горды развратом,
Понятия перемешав,
Там правый будет виноватым,
А виноватый будет прав.

Если угодно, можно увидеть и другую сторону описываемых явлений – проявление неистребимой тяги человека к хозяйственной самодеятельности, стихийную попытку реализовать присущий нам род творческой [illegible] потенции, а именно – стремление самому себя обеспечивать, используя свои руки и свой талант организатора людей и событий. В этом мы находим основания, чтобы говорить о прирожденном праве человека на спонтанную экономическую активность.

22. И еще один парадокс социализма. Тоже относящийся к черной экономике и тоже достаточно курьезный. В данном случае речь идет о деятельности легальных государственных хозяйственных ячеек.

Необходимо рассмотреть такую вещь, как план. Его основной элемент – плановое задание. Оно не есть целиком продукт вышестоящих инстанций. Скорее, оно есть компромисс между наметками сверху и предложениями снизу, учитывающими реальные возможности данной хозяйственной ячейки. План должен выполняться. Стало быть, нельзя давать задания заведомо невыполнимые. С другой стороны, нельзя целиком полагаться в этом вопросе на мнение тех, кому это задание придется выполнять: известно, что они норовят облегчить себе жизнь и проявляют в этом деле большую изворотливость. Поэтому выработка плана есть итеративный процесс, происходит он по всей иерархической лестнице административного управления – от отдельного подразделения хозяйственной ячейки /цеха, отдела, участка, отделения.../ до Совмина, Госплана и ЦК. Однако утверждается задание вверху, а утвержденное – оно становится императивом, который подкреплен богатым набором поощрительных и, в основном, наказательных стимулов.

Было бы большой ошибкой считать, что план в целом автоматически обеспечивает и выполнение плановых заданий, не смотря на то, что планом обычно предусмотрены и источники финансирования, сырья и оборудования, и клиенты– получатели продукции данного предприятия.

Во-первых, в план включаются лишь основные источники ресурсов производства и получатели продукции. Значительная номенклатура ресурсов производства лишь ф о н д и р у е т с я, то есть устанавливается допустимый фонд – лимит использования таких ресурсов, но источники не указываются. Во-вторых, есть хозяйственные единицы, которым вообще не планируются источники снабжения, а выделяется лишь целевой фонд. В-третьих, то, что включается в план, чаще всего выражается в рублях /или в тоннах, кубометрах и пр./ и далеко не простой задачей остается получить под эти рубли /тонны, кубометры.../ от запланированных контрагентов именно тот набор ресурсов /по номенклатуре, по параметрам и по количеству/ который необходим данной ячейке. С этой стороны ячейка имеет столь, казалось бы, нужный ей хозяйственный простор. И простор тот может стать проклятием. Благо, если подвернется поставщик, у которого план срывается: этот вас спасет. Но обычно выполняя плана в деньгах /по валу/ у всех обеспечено и наши финансовые средства никому не нужны. Еще не хватало кому-то из-за вас перевыполнять план больше, чем запланировано /перевыполнение планов тоже планируется – в виде социалистических обязательств; обычно оно составляет не более 1 – 2 проц. и превосходить его нельзя: вспомним принцип планирования по достигнутому уровню/

Спасти вас может только натуральный обмен и неформальные связи, ибо при наличии финансовых средств всем всегда чего-то не хватает – характерная черта эмиссионного хозяйства.

В результате всего, что здесь было описано, в хозяйственной структуре планируемой экономики необходимо возникает внеплановая спонтанная структура натурального обмена /куда мы включаем и обмен типа "услуга за услугу"/. Это есть разновидность черного рынка.

Такой обмен часто проводится через бухгалтерии – естественно, в рублях. Деньги выделены, деньги израсходованы – все идет как бы по плану, но описанная спонтанная рыночная структура вся целиком построена на неформальных связях; уберите планирование – эта структура останется, уберите ее – от планирования ничего не останется.

Главная материя, скрепляющая эти сделки – водка. Бывают случаи, когда для получения одного дефицитного ресурса организуется какой-то многократный обмен. Бывают случаи, подкупа снабженцев и сбытовиков – для выполнения государственного плана! Нередко приходятся проводить предметы обмена через отчетность под другим наименованием. Естественно, это попутно открывает и большие возможности для хищений и других злоупотреблений.

Описываемая рыночная структура охватывает, без преувеличения, всю социалистическую экономику. Парадокс: плановое хозяйство не может работать без спонтанного рынка. Символ этого парадокса – круговой обман.

Всеобщим обманом является принцип всеобъемлющего планирования, формально отрицающий и практически не допускающий свободного рынка. Всеобщим обманом является спонтанная рыночная структура натурального обмена между государственными предприятиями, не находящая отражения в отчетности и вузовских учебниках. Обманом является официальная точка зрения, не замечающая этой структуры. И обманом является видимость работы планового механизма, который фактически держится лишь благодаря описанному нами невидимому рынку. А отсюда подкрепляется обманный принцип всеобъемлющего планирования, отрицающий принцип вольного рынка. Круговой обман замыкается, планы выполняются, система работает.

23. На основе всего, что говорилось выше, нетрудно понять неизбежность еще одного парадокса социализма: общенародное государство и его народ взаимно не доверяют друг другу, причем это недоверие взаимно подкрепляется и взаимно стимулируется. Символ этого парадокса – презумпция виновности.

Монопольный предприниматель – социалистическое государство – ощущает неестественность данного своего статуса, основанного на узурпации прав своих граждан, и стремится к возможно большему контролю над ними. Залогом тотального контроля служит всеобщая экономическая несвобода – наемное рабство, феодов, в силу данного положения вещей, приобретает фундаментальное значение для выживания со-

циализма. Цель государства – укрепление названного начала. Из этого рождается чувство враждебности между государством и его гражданами. Человек понимает, что государство заботится отнюдь не о его личном благополучии, и ощущает необходимость самому заботиться о себе – в меру своих способностей и моральных принципов. Отсюда антагонизм интересов обеих сторон, который со стороны граждан может проявляться в разной степени – от внутреннего недоверия к намерениям государства до прямого нарушения законов. Правонарушения в экономической области впрямую провоцируются экономической политикой государства и самим его противоестественным статусом.

Со своей стороны и государство в текущих делах должно постоянно действовать с оглядкой на сказанный антагонизм. Последняя хозяйственная реформа /1965 г./ с самого своего начала несла отпечаток такого подхода и не пользовалась у хозяйственников ни поддержкой, ни доверием. Один из них сказал автору этих строк: "Государство нам говорит: мы вам развяжем ноги, но переставлять их будем сами".

Управляющие нормативы, лимиты, инструкции, "положения о..." строятся в расчете на будущие злоупотребления. Разного рода льготы /в том числе – инвалидам, участникам войн, семьям погибших.../ и поощрительные системы /в том числе – за создание и внедрение новой техники/ строятся так, чтобы пользоваться ими было как можно труднее и чтобы доступно это было возможно меньшему числу лиц. Периодически поднимается вопрос о выявлении "нетрудовых доходов" граждан.

Со своей стороны, население приучено к тому, чтобы в любом новом хозяйственном начинании государства искать скрытый подвох. Бесхозяйственность и расточительность административного управления морально оправдывают в глазах людей разные злоупотребления: хищение, присвоение и использование в личных целях государственных средств и имущества. Угроза выявления "нетрудовых доходов" заставляет хранить деньги в тайниках, даже если деньги эти – вполне трудовые /"поди тогда докажи..."/.

В итоге, нечестные и беззастенчивые люди ухитряются обходить многочисленные рогатки и достигают своих корыстных целей, а честные и совестливые постоянно оказываются в накладе, в обиде и в ответе. Таким образом принцип "урвать, где можно" стимулируется, а принципы профессиональной чести и морального долга – подавляются.

Надо ли удивляться тому, что коррупция приняла у нас вселенск размах? Сегодня она пронизывает все звенья хозяйственной иерархии от простого рабочего-забулдыги и рядового клерка до министра и мэр /памятна не только недавняя айера в Минрыбхозе, но и устранение московского мэра Гобровникова в связи с делом о спекуляции квартирами/.

24. Остается вопрос о единственности нашей социалистической модели и о возможности иных форм социалистической организации экономики. Видится такой ответ.

Иные формы государственного социализма – в иных конкретно-исторических условиях и национальных условиях – возможны. Они и существуют реально. Но любую модель социализма роднит с советской одно весьма существенное качество: социализм есть насилие над всеми гражданами государства.

Сколь бы либеральным не был тот или иной режим, социализм по сути своей означает узурпацию государством тех или иных экономических прав населения, тех или иных форм его активности. Подчеркиваем: не макроэкономические функции и не регулирование активности граждан, а именно узурпация. Без этого нет социализма, а это есть тотальное насилие. Поэтому социализм реализованный глумится над утопией отмирания государства. То, что необходимо для осуществления насилия, не может исчезнуть без исчезновения самого насилия. Отмирание государства означало бы конец социализма – регенерацию частной экономической инициативы, вольного рынка, конкуренции и естественное появление капиталистического государства. Так обстоят дела.

Зато отмирание права социализм осуществляет весьма решительно, ибо это необходимо для существования его как экономической системы, основанной на насилии над прирожденными человеку стремлениями к самовыражению, к творческой активности, к хозяйственной самодеятельности, к спонтанным ассоциациям – стремлениями, которые закреплены в нас едва ли не генетически, будучи эволюционно благоприятными для выживания нашего биологического вида.

Вол суть в естественных правах,
А их и втаптывают в прах.

Социализм в конечном итоге есть отрицание природы человека.

25. Противоречия государственного социализма, естественно, не могут ограничиваться лишь экономической областью. Это может относиться ли к к фундаментальному противоречию: между декларированной целью государства и его имманентной целью. Страшно подумать, какие могут быть последствия, если выйдется принять как реальная альтернатива противоречие между внутренней целью социалистического государства и сохранением всеобщего мира. Правда, это не наш сюжет.

Цитированные стихи – из "Фауста" И.В.Гете в переводе Б.Пастернака

От составителя:

В качестве исторического материала мы предлагаем вниманию читателя выдержку из книги А.И.Солженицына "Октябрь 1916", опубликованную в "Вестнике РХД" № 126. По нашему мнению, текст не нуждается в дополнительных комментариях. Больно читать, как царское правительство, отчасти по собственной некомпетентности, но в еще большей степени уступая давлению левой социалистической общественности, вело страну к катастрофе. Политика администрирования в области цен и волюнтаристическое вмешательство в дела рынка продовольствия за несколько месяцев разрушили складывавшийся веками механизм торговли, и привели страну на грань голода. Становится понятным, отку, в Петрограде к февралю 1917 года возникли хлебные очереди, которые положили начало массовым демонстрациям и революции.

Отрывак публикуется без сокращений.

Из Узла II,
"Октябрь Шестнадцатого"
56
/ Прогрессивный Блок/

Изо всех воевавших стран только Россия разрешила себе не думать о продовольствии заблаговременно и даже с начала войны. Средний годовой российский урожай был - 4 миллиарда пудов зерна, а в 1913 - 5 миллиардов , и в самом 1914 на 200 миллионов больше среднего, и 1915 - нормальный , и даже в 16-м - лишь на 200 миллионов ниже. Годовой российский вывоз - 600-700 миллионов пудов был высшим хлебным экспортом в мире. С начала войны вывоз прекратился, полумиллиардному избытку предстояло накопляться ежегодно так тем более не угрожали хлебные заботы . Из того избытка в 1914 военное ведомство не заказало себе даже и половины. Страна была переполненной чашей. И по многим другим продуктам, например по сахару, потребление никак не достигало производительности. Даже и к 1916 не убавилось в России ни крупного рогатого скота, ни овец, ни свиней, а жеребят по военно-конской переписи обнаружилось на 87% больше , чем в 1912 до всех мобилизаций. Посевная площадь, считая неиспользуемую, превосходила потребности страны в полтора раза.

В Германии с октября 1914 ввели обязательный процентный размол и примесь картофеля к хлебу, с февраля 1915 - карточную систему, 225 граммов муки, летом 15-го весь урожай, отделенный от почвы , тут же отбирался государством; во всех европейских странах хлеб выпекался с примесями, союзников снабжала зерном Америка - лишь Россия одна не знала и не предполагала хлебного горя,- ни темные правители ее , ни просвещенные думские экономисты. Запасы страны даже считать было лень.

Первое странное и удивительное было то, что с начала 1915 вдруг не стало овса. Скакали или топтались сотни кавалерийских полков , вся артиллерия перетягивалась на лошадях , все обозы и транспорты были лошадьи - а овса почему-то внезапно не стало. В том году для армии еще хватило его, но уже Петроград и Москва ни по какой цене его не получали.

И как до сих пор все были беспечны к тому, так теперь спохватились все, кто дело с тем имел или не имел , - кто по служое, кто по выгоде, кто по гражданскому сознанию. Уже ни один пита-

тельный продукт не оставили теперь без рьяного внимания общества, без ретивых правительственных мер. Тем более, что именно в том году осталась русская армия без снарядов, и общественные наблюдатели склонны стали предположить, что это правительство доведет ее и до голода. Действительно, экспорта не стало, продуктов не увеличилось, - а цены на них почему-то стали расти.

И появилось новое в России слово: продовольственные заготовки. И так это возникло поспешно и грозно, что не осталось времени разобраться, а как дело идет само по себе? или составить общий план, или подумать, кому б это лучше делать? Десятилетиями закупал же кто-то деревенские продукты - посредники, скупщики, торговцы, земства, кооперативы - всех теперь отстранияя, грянули поверх их уполномоченные. Министерству земледелия, всегда прежде занятому лишь землеиспользованием и землеулучшением, теперь поручили, не изменяя чинов и штатов, заготовлять продовольствие, и оно поспешно посылало на закупки несведущих людей, а военные власти и даже отдельные воинские части спешили слать своих заготовщиков и комиссионеров. При соревнующемся усердии властей и общества, создавались и начинали действовать многие бессистемные комитеты и надстройки особо-уполномоченных.

Так это возникло грозно, что уже 17 февраля 1915 был издан закон, разрешающий запреты местного вывоза и даже реквизиции. Полновластные губернаторы не прошли мимо тех разрешений, опоясали свои губернии заставами и запретами, и так другие местности оказались без притока хлеба и иных продуктов. И если проворные шуйские кооперативы изверпулись купить себе хлеб заранее и свезли его в Кинешму на перемол, то теперь запрещен был вывоз из Кинешмы, и своего собственного хлеба Шуя получить не могла. Запретными законами в несколько месяцев были разорваны многолетние естественные связи между производителями и потребителями, разрушена работа и сеть сотни тысяч крупных и мелких хлеботорговцев, приобретавших опытность и умение с молодых лет и часто стоящих на своем деле наследственно. Уполномоченные получили право выслеживать хлеботорговцев, угрожать реквизицией, снижать цену - и попросту отобрать торговлю. Добросовестная торговля была контужена, с рынка ушла, и взамен выступила спекуляция, бравшаяся нарушать запреты и везти через заставы , хотя бы по взяткам.

И цены на продукты росли. К началу 1916 они повсеместно удвоились.

Тогда и правительство бросилось бороться с дороговизною и тем более общество/городское,как известно/ , наиболее страдавшее от нее. Общество собирало с"езды по борьбе с дороговизною, правительство - комитеты по борьбе с нею. Отдельно боролись с дороговизной губернаторы и градоначальники , как умели в областях своего властвования. Многодеятельный министр внутренних дел Хвостов -племянник изобрел такую меру, слишком популярную в последующие годы ,как"разгрузка железнодорожных узлов" через облавы на спекулянтов.

Так это высоко выросло перед Россией , что власть не взялась оседлать проблему сама,обходя недоверчивое общество,но - дальновиднейших и образованнейших его представителей, тех же думцев, летом 1915 пригласила в Особое Совещание по Продовольствию,во главе которого стал министр земледелия. Новое учреждение натерально пополнилось своею собственнойКомиссией по Дороговизне,и своими губернскими и уездными комитетатми,и своими собственными ,уже главно-уполномоченными по отдельным продуктам : по сахару,по маслу,по коже... И во всех крупных городах - Киеве , Харькове,Самаре, Саратове ,Нижнем,продовольственное дело состояло в руках прогрессистов.

Но еще могли быть разные направления внимания и усилий Особого совещания по Продовольствию. Можно было обратить их на то, что в иных губерниях - Саратовской,Воронежской,постовали многие земли крестьянского поземольного банка - и передать их бездомным, бездельным беженцам,обращая тех ко временной оседлости. Можно было обратить усилия на Волынь,возвращенную от немцев,но не восстанавливаемую после военных разорений по отсутствию средств у министерства земледелия ; или на земли, отобранные у немцев внутрироссийских и сразу выпавшие из всякой производительности - те земли передавать опять-таки крестьянскому банку , или местным земствам,или пострадавшим воинам,и так возвращать их в дело.

Но нет, эти линии медленного труда не оказались привлекательны для Особого Совещания , где ни единое решение не было принято министром без одобрения общественных представителей.

Представители вольнолюбивого русского общества, воспитанные в понятиях прежде всего борьбы классовой и экономической, получили внушительную возможность защитить интересы патриотического городского населения от темных корыстных сил аграриев - термин, хотя и пришедший с Запада, но хорошо усвоенный русскою интеллигенцией: аграрии - это те, кто владеет землей , то есть прежде всего и главным образом помещики , к ним же приходиться отнести / больше некуда / подавляющая часть возделываемой земли/ , и крестьян. Обуздать же аграриев и спасти Россию можно было единственно только твердыми ценами. Чтоб не дать помещикам выиграть от хлебных цен - готовы были задушить крестьян.

Кто первый предложил твердые цены - оспаривали ту честь правительство и общественность, Да впречем, носился же пред всеми и образец Германии , где твердые цены начали устанавливать на год раньше нас. Казалось бы , что в стране с изобилием продуктов твердые цены не нужны: производители сами снизят их, наперебой предлагая товар. Но Особое Совещание по Продовольствию, и активная общественность, и ленивые правительственные уполномоченные громко стали требовать твердых цен,-и в 1915 их вынужден был ввести , хотя сопротивляясь, тогдашний министр земледелия Кривошеин - сперва на овес, затем и на другие хлеба. Однако установлены были твердые цены лишь для казенных сделок, на закупки для армии , установлены несколько выше существующих рыночных , " с походом " и установлены как раз вовремя, к концу урожая, когда хлеб уже везли , по привычке, сложившейся веками. Частная торговля могла приобретать хлеб ниже твердых цен, и уполномоченные не сбивали, они тоже пользовались ценами ниже твердых. Благополучно снабжена была и армия, успела и вольная торговля заготовить все запасы , подвезти к своим мельницам, смолоть и обеспечит все местности северной России и центры ее. Зимою с 1915 на 1916 год обошлась Россия без голода.

Но в 1916 все в России продолжало дорожать/ к августу от января рубль упал вдвое/, общественность встрепенулась и решила: твердые цены должны остаться во что бы то ни стало умеренными, нельзя допустить обогащения аграриев и обеднения городов ! Так еще с весны 1916 возгорался в Думе, в печати, повсюду, многогласный спор о твердых ценах на хлеб: какими они должны быть в наступающем г ду, как помешать им вырасти. На это могли ответить только широчайшие совещания. Земские статистики опрашивали производителей, исследовали составление хлебной себестоимости, в уездах, и в губерниях собирались с"езды землевладельцев и посчитывали ту же себестоимость.

Собирались совещания городских деятелей,чиновников и обывателей и тоже подсчитывали стоимость хлебного производства - и у них получалось гораздо ниже, чем в деревне,что и разносили газеты,все либеральные и все биржевые:голос независимой печати восстал против неслыханных аграрных аппетитов! Хадность аграриев! эгоизм земельных собственников!- обвиняла левая / она вся была левая / общественность.- Им только бы урвать и нажиться на народном горе,они не способны и не хотят подчинить владельческого интереса государственному.

Главные ораторы и мыслители Прогрессивного блока в Особом Совещании по продовольствию были кадеты Воронков и Громан.Воронков, в соответствии с классовым пониманием,выдвинул такое рассуждение, что крестьянам выгоднее продавать дешевле,и только помещики хотят продавать дороже; и если повысить твердые цены , то как же обойдутся крестьяне бесхлебных губерний,которые хлеб покупают? Именно забота о крестьянах и диктовала ему требовать для всей России наинижайших хлебных цен,на уровне Полтавской губернии. А единомышленник его Громан,либеральный ученый экономист,впрочем,сильно попортивший земское дело в Пензенской губернии , давал другое теоретическое обоснование тому же выводу:поскольку деньги подешевели,то высокою ценою на хлеб крестьянина не соблазнишь : продав 2-3 пуда, он уже удовл творит свои нужды/так как не стало на Руси кабака, продажею зерна не добыть водки/- и больше на рынок не повезет, а то смотри , и сеять перестанет. А в т если установит низкие цены , то это создаст нужду на селе, и тогда город получит достаточно хлеба. /У Громана большое будущее : он еще и первую пятилетку будет сочинять,но не так удачно ./

К тому же присоединялись и торгово-промышленные деятели/которые тоже хлеб ели , а не растили/и весь согласный общественный хор.

В этом хоре тонули и глохли слабые оправдательные голоса помещиков и крестьян,одиозные для общественного слуха и сиротливые в Думе: что твердые цены есть мера принудительного отчуждения хлеба, а став однажды на путь принуждения, с этого пути потом не сойдешь; что при падении рубля вдвое,зерновые подорожали лишь на четверть-треть,то есть по сути хлеб не подорожал,а подешевел / но мы -то , горожане, из кармана платим больше !/; что низкие твердые цены скажутся на крестьянах никак не меньше,чем на помещиках,они несправедливы и для тех и для других ; что если дуб обеспечает желуди - не следует требовать с него и корни ; что погоня за дешевизною, низкий уровень твердых цен,даже ниже себестоимости

/равнение всероссийских цен по полтавским/ приведет к разрушению сельско-хозяйственного производства или к тому, что хлеб с рынка уйдет. / Это - угроза , что он уйдет? вы - не дадите? так и говорите! а крестьяне охотно отдадут свой хлеб, он просто хлынет на рынок!/

Уровень твердых цен должен быть таков, чтобы хлеб охотно шел, ибо измыслить средства , чтобы его искусственно, а тем более насильственно извлечь из 18 миллионов хозяйств, где он находится, задача слишком трудная, быть может и непосильная.

И разные уже совсем мелкие , специальные доводы, призванные прикрыть затаенную собственническую корысть: что должны быть рассчитаны цены с учетом вздорожания гужа ; что нельзя с городским неразумием лепить немыслимые цены, кладя их и на семенной материал, какой получается лишь полпуда из пуда; что местный неурожай, как в Курской губернии, сразу удваивает себестоимость - и как не ее оправдать ценой? дескать , не только запретительные меры должны быть против деревни, но и какие-то укрепляющие, чтобы могла устоять производительность; ведь из сельской России взяли в армию 11 миллионов работников, вернули ей только 600 тысяч военнопленными, а требуют того же урожая и по неизменным ценам. Говорили защитники деревни, то есть правые:

Силу России создает крестьянство не в нужде, а богатое и хозяйственное. Как боятся перешатить крестьянину! Как боятся влить в тот бассейн, откуда черпают всегда!

Конечно, в образованной России уже полвека было так , что нельзя защищать деревню иначе, как защищая только и исключительно крестьян. Так и сейчас звучали в Думе и в Особых Совещаниях речи депутатов - помещиков. А кроме произносимых речей еще было, конечно, сопротивление скрытое, действие тайных встреч, кабинетных разговоров. Весь 1916 год звенел разговорами о твердых ценах на хлеб, а цены эти никак не могли уложиться . Склонный к ним , поддержанный Блоком , министр земледелия Наумов был в июне снят, а заступивший не сразу граф Бобринский был противник их и вовсе не торопился.

Спор шел ~~вотсе~~ не только о принципе твердых цен, не только об уровне их, но и о том , как широко их распространить. Ведь они родились в 1915 лишь для армейских закупок, долгое время не касались остальных сделок, и сохранялся старый непоощрительный порядок, что те, кому удавалось скрыть свой хлеб от уполномоченных , от нарядов , от губернских застав и не продать по твердым ценам -

те, перетаясь, могли потом вполне законно продавать свой хлеб по возвышенным вольным ценам.

Несносные аграрии расширяли еще дальше: почему только о хлебе идет спор? твердые цены - почему только на один хлеб? Вон, в Германии твердые хлебные цены низки, так там - и низкие твердые цены и на все изделия промышленности, и деревня, дешево отдавая, дешево и получает. В Америке хлеб еще дороже нашего, а промышленные товары, напротив, дешевле. А у нас керосин, железо, сельскохозяйственные орудия за время войны вздорожали в 10 и в 15 раз. Оттого наша деревня и чувствует себя так, словно город рвет у нее пропитание изо рта. Осмеливаясь указывать аграрии, что их предпринимательская прибыль никогда не превышает 3%, тогда как за военные годы вакханалически увеличились доходы промышленников / например, Коновалова, виднейшего деятеля прогрессивного Блока/ - на 200-300% в год от основного капитала, а то и на 500 и 1000%. Казалось бы: откуда эти барыши, если повысились цены на материал и труд? Только от ограбления потребителей, другого источника не придумать. Небоязные промышленники, ожидая повышения цен на нефть, у нас имеют возможность остановить нефть - не стесняясь остановкою мельниц. А склады банков, ломбардов и акционерных компаний у нас имеют возможность, не как в Германии, скрыть запасы любого товара до выгодного повышения цен. Устанавливать твердые цены - так надо же и для промышленности! Ограничивать прибыль - так надо же и для банков!

О нет! Именно в эту сторону, на промышленность, на банки, на акционерные общества не взглядывали, тупили глаза первейшие ораторы Прогрессивного Блока. Промышленников хлестали социал-демократы, попрекали правые, но либеральный центр, не его лучшие экономисты никогда.

Так распухал вопрос, захватывая уже не хлеб один, а всю жизнь тыла. Трудно и страшно было русскому сознанию представить Россию зашнурованной как Германия - однако само дело начинало поворачивать к этому, уже страдая как будто не от зашнуровки, а от недотянутости. Впервые возникло небывалое для России понятие: диктатура. Опережая нас, ее вводили парламентские Англия и Франция, у нас же и правые возражали, что

> тщетны попытки регламентировать такую страну, как Россия,

и Прогрессивный Блок воспротивлялся внеправовому насилию над свободным обществом!

И когда в июле 1916 начальник штаба Верховного генерал Алексеев представил государю проект учредить должность чрезвычайного верховного министра, которому подчинялись бы все министерства и вся оборона, для чего милитаризовать оборонные заводы, тем самым устранив забастовки на них, одновременно обеспечив рабочие семьи дешевым питанием, солдатским пайком, освободив от добывания пищи,- свободолюбивые русские фабриканты, поддержанные кадетской и социалистической общественностью, возмущенно отвергли вмешательство военного произвола в заводские дела. Впрочем, и государь, не способный принять волевого цельного решения, еще и опасаясь создать рядом с собой другую концентрацию власти, поколебался и образовал несколько бездельных промежуточных комитетов.

За всеми этими спорами, за течением месяцев 1916 года твердые цены на хлеб, именно на хлеб, сами собой врезались в русскую тыловую жизнь. И военные власти, и государство, и общество сошлись на их неизбежности. От месяца к месяцу расширялся их охват: закупать по ним могли уже и уполномоченные оборонных заводов, и уполномоченные столиц и крупных городов, и вот уже невыносимой становилась двойственная система хлебных цен, и с"езды уполномоченных и земские, и думские деятели требовали полного запрещения мелкой вольной торговли, да и правые депутаты уже не видели иного выхода, ибо свободная торговля все равно была сотрясена и убита.

А вводились твердые цены в 1916 году так. Вся Россия, грамотная и неграмотная ведала, что будут твердые цены, но спор идет об их высоте. Уровень цен следовало об"явить в начале лета, на юге закупка начинается с конца июня и постепенно передвигается на север. На целое лето прошло в спорах. Наконец, в сентябре цены об"явили / по настоянию потребительных членов Особого Совещания весьма умеренные /, но и тут никто не поверил им, ибо тут же против них с двух сторон началась кампания: с городской - что полтора рубля за пуд ржи это непомерно много, с помещичьей, что это несправедливо мало. Мелькнуло в газетах, что три министра считают цены преуменьшенными. И так у Сельской России не было уверенности что вот и окончен спор, что не дождаться цены повыше. Еще хлеб помещиков шел, ибо им нельзя остановить оборота, крестьянский же хлеб как заколодило. До твердых цен шла торговля еще по вольным, и мельники на местных базарах еще могли делать запасы и кормить население. А как только были назначены твердые цены, так

крестьяне с ругательствами повернули с базаров свои возы домой.

Был упущен тот многолетний психологический момент, когда хлеб вывозится на рынок. А упустив, уже ничего нельзя было исправить- теперь не вызвать было хлеб, даже увеличивая твердые цены: не слишком нуждаясь ~~нуждаясь~~- в бумажных деньгах, производители ждали бы, что повысят еще.

Армейские уполномоченные заготовляли хлеб реквизициями, но большая торговля не повезла хлеба ни по летним, ни по осенним рекам. В 16-м году упущена была вся навигация - главный питающий канал русской хлебной торговли. Нижегородский караван, традиционно забиравший 10 миллионов пудов нового урожая с нижней Волги, сходил в низовье зря и возвращался на взмовку порожним. Первоклассные мельницы среднего и верхнего Поволжья, молотившие для всего Севера по сто тысяч пудов в сутки, осенью 16-го остановились и распустили рабочих. И на станциях железных дорог немало товарных вагонов простояли пустыми, тщетно ожидая зерна. Новгородская, Псковская, Архангельская губернии все непоправимее теряли возможность купить хлеб. А тут началась осенняя распутица, размыло русские грунтовые дороги: и хотя был еще месяц навигации в запасе, но до пристани и до станции уже и при всей охоте было не довезти зерна.

Урожай 1916 года был собран - солдатками, стариками и подростками - полноценный. Но оказался н е т а м, где был он нужен: по всей российской глуши остался он томиться в амбарах и в зародах, недоступный для мельниц, пекарен и городских булочных. Б ы л хлеб в России - и как бы не оказалось его. Не было в России голода - и вот он написал к весне 1917 года. Уже с осени ощущали хлебные перебои даже южные Харьков или Ростов - на Дону. Москва же и Петроград не сделали запасов, а питались ежедневным правительственным подвозом.

Прогрессивная общественность могла бы торжествовать: ей удалось навредить ненавистному помещику, добиться низких твердых цен. Но вопреки предсказаниям кадетских экономистов, к изумлению Громана, тяжелое положение создалось не в деревне, гоня зерно на рынок, а - в городах, отягощенных еще и беженцами с запада. Аграриям - нажиться не дали. Но дали - городским спекулянтам.

Перед громким самоуверенным голосом образованного общества лишь редкое стойкое правительство смеет упереться, подумать, решить самостоятельно. А русское правительство под укорами и настоянием общественности то уст упало, то колебалось, то забирало уступки назад.

~~Как-то-много-крупных-общественных-процессах,разновременные~~
Его воля была размыта, текла такой же жижей, как русские осенние грунтовые дороги.

Как во многих крупных общественных процессах,разновременные и разнонаправленные усилия отдельных групп постепенно складывались в единое движение истории. Концы какой-то непонятной веревки не различаемой на близком расстоянии,попали – один в руки общественности, один – в руки правительства , и те и другие то уверенно , то с колебаниями выбирали , тянули ее к себе , сколько могли . И не оглянулись , что веревка та закладывается сама в себя в петлю, а та петля оказывается не где-нибудь, а на питающем горле России.

III. В ЗАЩИТУ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВОБОД

141

М.А.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ БОЛЬШОГО ПИСАТЕЛЯ

Кника Василия Гроссмана "Все течет" вышла впервые где-то в се редине 60-х годов, но написана была еще раньше. Первый вариант кни ги был изъят ~~каким-то~~ работниками КГБ как раз в тот момент, когд работа над ней была закончена, и то, что было опубликовано потом в самиздате ~~и~~ было восстановлено писателем по памяти. Смерть от ин- фаркта помешала В.Гроссману довести эту работу до конца.

"Все течет" была аутсайдером русского самиздата. Еще не было "Архипелага Гулага", и читатели узнавали о лагерях из повести "Иван денисович", "Ракового корпуса" и немногочисленных тогда ~~как~~ лагерных воспоминаний, еще авторы самиздата уверяли в своих стать. что они преданы идеалам коммунизма и желают восстановления "ленин- ских принципов", и уж вовсе ~~и~~ мало кто знал о смертельном голоде который был организован на Украине /да и в других местах/ во врем сталинской коллективизации. А Василий Гроссман уже написал книгу, в которой сказал обо всем: о лагерях, о голоде, и даже о Ленине. Главное в этой книге - ~~какая~~ боль за чужие страдания, которые на ощущать как свои собственные, чтобы так написать, и еще - мысли, идеи, которые потом развивались другими, но которые В.Гроссман вы казал одним из первых.

В память о писателе Василии Гроссмане приводим следующий отр вок:

"... А она объясняла Ивану Григорьевичу:

- Гонять голодных на работу душа не выдерживает. Это не про меня сказали, чтоб кухарка управляла государством. Работают на мо тилке женщины и шьют такой чулок, подшивают к подолу, насыпают в него зерно. Надо их обыскивать и под суд отдавать! А за хищение к хозной собственности не меньше семи лет. А у баб дети. Я ночью ле и думаю - государство берет у колхоза зарно по шесть копеек кило, продает печеный хлеб по рублю, а в нашем колхозе за четыре года н грамма не дали. Что ж это получается? Он ухватил жменьку зерна, т что как ни как сам посеял, - ему семь лет. Нет, не согласна я. Ну и устроили земляки в город кухаркой, людей кормить. Рабочие гово все же лучше в городе. У строительных рабочих расценок: дверь нав сить, замок врезать - два с полтиной:; за это же дело в выходной день частник ему пятьдесят даст - в двадцать пять раз дешевле ему сударство платит. И все равно с деревенских больше берут. Я счита государство и с городских, и с деревенских моговато берет. И дор отдыха, и школы, и тракторы, и оборона, все понимаю, но слишком

много берут, надо меньше.

Она посмотрела на Ивана Григорьевича.

– Может быть, вся жизнь неправильно поставлена, от этого?

Ее глаза медленно перешли с его лица на лицо племянника, и она сказала:

– Я знаю, об этом говорить не полагается. Но я вижу, какой Вы человек, – вот и спросила. А вы совсем не знаете, какой я человек, поэтому не отвечаете.

– Нет, зачем же, я отвечу, – сказал Иван Григорьевич. –

Я РАНЬШЕ ДУМАЛ, ЧТО СВОБОДА – ЭТО СВОБОДА СЛОВА, ПЕЧАТИ, СОВЕСТИ. НО СВОБОДА – ОНА ВСЯ ЖИЗНЬ ВСЕХ ЛЮДЕЙ, ОНА ВОТ: ИМЕЕШЬ ПРАВО СЕЯТЬ, ЧТО ХОЧЕШЬ, ШИТЬ БОТИНКИ, ПАЛЬТО, ПЕЧЬ ХЛЕБ, КОТОРЫЙ ПОСЕЯЛ, ХОЧЕШЬ, ПРОДАВАЙ ЕГО ИЛИ НЕ ПРОДАВАЙ; И СЛЕСАРЬ, И СТАЛЕВАР, И ХУДОЖНИК ЖИВИ И РАБОТАЙ КАК ХОЧЕШЬ, А НЕ КАК ВЕЛЯТ ТЕБЕ. А СВОБОДЫ НЕТ И У ТЕХ, КТО ПИШЕТ КНИГИ, И У ТЕХ, КТО СЕЕТ ХЛЕБ И ШЬЕТ САПОГИ.

* * *

В.Артемов

ИДЕОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

/ В порядке обсуждения/

Каждый житель нашей страны, за исключением немногих привелегированных лиц и подпольных миллионеров, испытывают на себе влияние низкого для промышленно-развитой страны уровня жизни. Но если материальные ценности создаются трудом людей, то вправе ли мы требовать от государства повышения уровня жизни? Не будет ли справедливым ответ: Вы получаете столько, сколько сами сделали?

Наша точка зрения сводится к тому, что такие требования к государству население предъявлять вправе. Отметим для начала, что мы отвергаем точку зрения, согласно которой номенклатурная элита якобы съедает и пропивает столь большую часть национального дохода, что населению ничего не достается. Главный вред, который наносит бюрократия народному хозяйству состоит не в том, сколько она потребляет, а в том, как она работает, и как организует работу других людей.

Основные причины, по которым наша страна не может достичь уровня жизни, сравнимого с уровнем жизни в Западных странах, сводятся к следующему:

I. Первая и главная причина - это неэффективное использование, зачастую выбрасывание на ветер народного труда и природных ресурсов, этих основных ресурсов любого общества и любой нации. Иными словами, главная причина усугубляющегося отставания уровня жизни от развитых стран - это то, что называют словом "бесхозяйственность". Порождает бесхозяйственность - плановое хозяйство, тотальный контроль государства над экономической жизнью общества. Необходимо прекратить сковывать экономическую инициативу народа - только тогда можно будет надеяться на то, что бесхозяйственность исчезнет или уменьшится.

2. Вторая причина - непомерно высокие, намного превышающие реальные оборонные потребности страны, военные расходы. По неофициальным данным, эти расходы составляют около 40% национального дохода. Во всяком случае, эти расходы намного выше тех примерно I7% госбюджета, которые объявлены официально, т.к. кроме министерства оборонной промышленности на производство вооружений полностью работают не менее двух других министерств, не считая уже "мирных" отраслей, которые зачастую тоже в большей или меньших масштабах работают на военные нужды.

Между тем, единственный наш потенциальный военный соперник - это Китай. Страны Западной Европы и США не преследуют агрессивных целей во внешней политике и не собираются ни на кого нападать. Конфронтация с ними, в частности, конфронтация в области ядерных вооружений происходит исключительно по инициативе СССР. При этом, гос

вооружений ложится на советскую экономику гораздо более тяжким бременем, чем на американскую, т.к. производство оружия обходится нам дороже не только в относительных /по отношению к нац. доходу/ но и в абсолютных цифрах.

Что же касается Китая, то здесь прежде всего хочется сказать, что не следует раздувать военную истерику. Захват Кампучии Вьетнамом и Афганистан во всяком случае никак не способствуют тому, чтобы правительство Китая взяло курс на умеренную политику. Истинные цели китайской политики нам неизвестны, но можно принять меры к тому, чтобы гарантировать безопасность с помощью международных договоров. К примеру, на границе СССР - Китай можно создать демилитаризованную зону с размещенными на ней наблюдателями ООН. В подобном соглашении западные страны могут играть роль гарантов, которые обязуются не предоставлять экономическую и военную помощь той стране, которая первая развязала военные действия. Вопрос о спорных территориях может быть передан в международный арбитражный орган, если СССР и Китай подпишут соглашение, что оба они подчинятся решению этого органа, и т.п. Необоснованно высокие военные расходы не в интересах населения нашей страны, поскольку они пожирают огромную часть национальных ресурсов и одновременно нагнетают международную напряженность, которая в конечном счете ударит по нам же.

3. Третий фактор связан со вторым, и заключается он в специфическом подходе СССР к помощи развивающимся странам. Хотя общий объем советской помощи на порядок ниже того, что отпускают на эти цели западные страны, все же, с учетом напряженного состояния экономики, он достаточно велик. При этом, советская помощь преследует в основном не гуманистические цели, а цели поддержки любой ценой переживающих период становления коммунистических /или "национально-социалистических", как в Сирии/ диктатур. Таковы помощь Афганистану, Вьетнаму, Эфиопии и др. Эта "помощь" - ни в интересах нашей страны, ни в интересах тех стран, которым она оказывается.

РЕЗЮМЕ

Итак, население нашей страны вправе требовать от государства повышения жизненного уровня. Социалистическая пропаганда на Западе, требующая повышения уровня жизни - безответственна, поскольку там лишний кусок можно урвать только за счет общественного производства, и, следовательно, ценой роста инфляции и падения роста национального дохода. Разговоры о том, что надо "раскулачить" богатых, тогда каждому достанется больше - бессмысленны, поскольку

воплощение этих идей в жизнь ведет к развалу народного хозяйства. В нашей стране ситуация иная. Если не требовать реорганизации экономики, сокращения военных расходов и "помощи" братским странам, т.е. оставить все как есть, то требовать роста жизненного уровня действительно нет смысла. Больше, чем сделано, все равно взять неоткуда. Однако, возможности повышения эффективности экономики и возможности передачи средств из области вооружений в область производства товаров народного потребления - существует. Нужно требовать, чтобы государство вело политику, которая соответствует интересам народа.

146

Анатолий Марченко

ПИСЬМО АМЕРИКАНСКИМ РАБОЧИМ

Уважаемые участники съезда! Я узнал по зарубежному радио, что приглашен Вами в качестве гостя. Благодарю Вас за приглашение. Я не смог его реализовать, так как даже не получил его. Один из приглашенных вместе со мной - Владимир Борисов - имел приглашение, но не получил выездной визы. Ему сказали, что он "Никого не представляет".

Недавно у Вас в США побывали наши граждане, приглашенные американским Национальным комитетом профсоюзных действий за демократию. У них сначала были сложности с визой на въезд в США, но разрешение советских властей на выезд они получили беспрепятственно. Кого же они представляют? Металлургов, учителей, вообще широкие профсоюзные массы? Нет, они являются глазами, ушами и рупором нашей государственной власти.

Они сообщили нам о бедственном положении одной работницы-негритянки; о том, что американские учителя бьют детей, а некоторые выпускники американской школы не умеют читать; о том, что в американской шахте плохая техника безопасности - и что американские рабочие дружелюбно относятся к СССР. Вот и все их впечатления от двухнедельной поездки по США.

Сколько зарабатывает эта бедная женщина, что она может купить на свой заработок? Учатся ли ее пять детей, на какие средства она их лечит? Где, как, в каких школах учила Америка своих ученых, год за годом забирающих почти все Нобелевские премии - уж не малограмотны ли они? Каков же травматизм на американской шахте? Ничего конкретного, только общая мрачная картина.

Если бы Семенова была у Вас не как представитель, она, возможно, поделилась бы с Вашими учителями тем, что и в нашей школе низок общий общеобразовательный уровень - я знаю немало малограмотных людей, недавно окончивших наши школы. А шахтер Гаценко, может быть, рассказал бы о систематической у нас практике, когда производственные травмы не регистрируются, чтобы не портить статистики и не лишать премии цех или бригаду. Но наши представители, судя по газетному отчету, не увидели ни одного положительного примера в жизни трудовой Америки, а Вас обогатили информацией лишь о том, что мы ходим в ботинках и что наши женщины пользуются косметикой.

Репортаж об их поездке публикуется под рубрикой "Летопись разрядки" - вероятно, имеется в виду, что теперь Вы и мы, американские и советские трудящиеся, лучше знаем друг друга. Но то же самое об Америке мы читали и тридцать лет назад, в худшие годы холодной войны.

Если бы я мог посетить Америку, я не только продемонстрировал бы свои ботинки, но и сообщил бы, что уплатил за них пятую часть зарплаты. Я рассказал бы, каково унас содержание понятия "всеобщая занятость" и что, кроме косметики, заботит трудящихся. При этом я опирался бы на недавний собственный опыт работы на лесозаготовительном комбинате в сибирском поселке Чуна. Этот опыт достаточно характерен для нашей системы производства и не противоречит социальной статистике.

Я не смог приехать к Вам не по Вашей и не по своей вине. Хотелось бы, чтобы мое короткое выступление все же прозвучало на Вашем съезде. Итак, о жизни рабочих в сибирском поселке Чуна. Я не берусь, конечно, охватить все стороны этой жизни, коснусь только трех вопросов.

Средний заработок наших рабочих приблизительно на уровне официального среднего/ заработка по стране, т.е. рублей 160 в месяц. Как рабочему достаются эти деньги? В сушильном отделении сортировка и укладка досок производится вручную. На этой работе заняты в основном женщины. С лесозавода поступают сырые доски длиною 5 м., толщина их 19 - 60 мм. Норма выработки на человека /будь то мужчина или женщина/ - от 10 до 17 кубометров в смену, расценки - от 23 до 42 копеек за куб. Таким образом, за смену рабочий заработает не более 4 рублей или не более 120 рублей в месяц. К ним добавляется коэффициент за "дальность" - 20% от заработка; при перевыполнении плана /т.е. при выработке более 400 кубов в месяц на человека/ платят премиальные. Вот все это кое-как дотягивает до рублей 160 в месяц. Эта оплата не является гарантированной. Во-первых, от плохой организации труда выполнение плана совсем не зависит от самого рабочего. Во-вторых, премиальные начисляют лишь при выполнении месячного плана всем отделением или цехом, а не каждому рабочему. А отделение может не выполнить план по тысяче причин, тоже не зависящих от рабочего. Чтобы выполнить план и получить премиальные, в конце месяца приходится работать не установленные 7-8 часов, а две смены подряд - и даже в выходные дни. Эти часы не регистрируются и не оплачиваются как сверхурочные. Руководство профсоюза вместе с администрацией организует эти незаконные дополнительные рабочие смены. Так происходит потому, что профсоюз охраняет не интересы рабочих, а интересы государства, и выполнение плана - главный показатель его работы.

Я не захотел выходить на дополнительные смены - и меня по решению профкома и завкома уволили с завода "за нарушение трудовой дисциплины".

Рабочие сушилки работают в любую погоду под открытым небом, т.е. зимой при морозах свыше 40 градусов. За работу на морозе законом предусмотрена дополнительная оплата/ - так называемый "морозный коэффициент". Но у нас их не платят - с ведома и согласия профсоюза.

Нередко вес досок превышает установленный для женщин или подрост-

ков предел тяжести. Подростков ставят работать впаре со взрослыми, т.е. наравне с ними. Я отказался работать с подростком, и начальник цеха в наказание перевел меня на другую работу.

В поселке много приезжих, например с Украины, дорога туда и обратно занимает 12-14 дней. Оплачиваемый отпуск у большинства рабочих завода - 15 рабочих дней. Родственники годами не могут повидаться.

Весь завод, кроме сушилки, работает в две смены. На двухсменной работе оказываются и женщины, имеющие маленьких детей /а таких на заводе очень много/. Все детские сады и ясли в Чуне - только дневные. Чтобы не оставлять детей одних, супруги устраиваются работать в разные смены; видятся они только по выходным. Еще хуже матерям-одиночкам: они вынуждены оставлять вечерами маленьких детей без присмотра. Моя знакомая рассказывала, что ее дети /семи и десяти лет/ не спят, пока она не вернется со второй смены, т.е. до двух часов ночи.

Женщины идут на эти условия, так как семья не может прожить на один средний заработок /кстати, наша статистика умалчивает о прожиточном минимуме в стране/.

Можно ли семье прожить на 160 рублей в месяц? На эти деньги можно купить: полтора приличных костюма; или одну треть черно-белого телевизора; или один билет на самолет от Чуны до Москвы и обратно; или два колеса к малолитражному автомобилю "Москвич"; или 3-5 детских шубок.

Килограмм мяса в магазине стоит 2 рубля, килограмм сушеных фруктов для компота - 1 р. 60 к.; молоко - 28 к. за литр; яйца - от 90 коп до 1 р. 30 к. десяток; сливочное масло - 3 р. 60 к. килограмм. Но в магазине чаще всего ничего этого нет. Если удается купить что-нибудь у частника, то надо переплачивать почти вдвое: килограмм свинины - 4 р., молоко - 40 к. литр.

Исходя из этого, Вы сами можете определить, какую часть прожиточного минимума семьи составляет наш средний заработок. У нас нет безработицы, но средний заработок работающего человека, вероятно, меньше, чем у Вас пособие по безработице.

Считается, что у нас самое дешевое в мире жилье: квартплата составляет восьмую-десятую часть среднего заработка. Мой знакомый платит за квартиру 17 р. в месяц. Он с женой, две работающие дочери и сын-старшеклассник живут в квартире из двух смежных комнат /16 и 12 кв. м./ с крохотным - едва протиснуться - коридорчиком, такой же кухонькой и совмещенным санузлом. Их многоквартирный дом имеет удобства: центральное отопление, электроплиту на кухне, горячую и холодную воду и канализацию. Это максимум известных у нас удобств.

В таких домах живет приблизительно четверть чунского населения. Половина двухэтажных шестнадцатиквартирных домов не имеет никаких

удобств; общие уборные в виде холодных дощатых будок во дворе, вода - в уличной колонке, печное отопление. Остальные жители поселка живут в собственных или казенных домиках, тоже, конечно, без всяких удобств; часто и вода не в колонке, а в колодце с ручным воротом, за несколько сот метров от дома. У нас нет определения, какое жилище считается трущобой, непригодной для обитания. Раз люди там живут - значит, годится. Такое жилье обеспечено нам и в двадцать первом веке: "В Десятой пятилетке планируется ввести в эксплуатацию... более шестидесяти процентов благоустроенного жилья с отоплением, водопроводом, канализацией". Это из доклада председателя Чунского райисполкома Г.М.Кривенко на восьмой сессии райсовета /"Коммунистический путь", 28 августа 1977 года/.

Значит, остальные 40 процентов так и будут пользоваться дощатой уборной на сорокаградусном морозе.

Неизвестно, какая часть нашего народа обеспечена хотя бы таким жильем. В Чуне семьи ждут квартиры годами - а пока снимают у частников что придется: летнюю кухню, во дворе, баню, комнату, или угол в комнате вместе с хозяевами. И плата тут вовсе не символическая: за комнатушку в 6 кв. м. платят 10 р.; а в Москве плата за квартиру из одной комнаты доходит до 50-60 рублей в месяц.

Все граждане у нас имеют равные права - в том числе и на жизненные блага. Но вот недавно из статьи первого секретаря Минского горкома КПСС Бартошевича я узнал, что среди равных есть самые равные, кому эти блага принадлежат в первую очередь. На практике я это и так знаю. Каждый день я прохожу по улице Щорса. По одной стороне улицы - современные особняки с большими окнами, конечно, со всеми удобствами и с телефоном. В них живут районное и заводское начальство, и у них не по пять метров жилья на человека, как у моего знакомого шофера. Жители противоположной стороны улицы везут саночки с бидонами к ближайшей колонке, и каждый двор там украшен коллективным сортиром. Видно, канализационных и водопроводных труб на всех не хватило.

Если кто-нибудь из особенно равных захворает - лечение ему обеспечено тоже особенное. Будет и место в отдельной палате, и дефицитные лекарства, и питание не на полтинник в день, как для любого рядового больного.

Они разве только по наслышке знают, есть ли в магазинах мясо или молоко. Все нужное им доставляют на дом, и для них всегда все есть, от продуктов до книг.

Таким образом, принцип оплаты по труду превратился в принцип распределения по услугам государству, по месту в государственной иерархии. Иерархичность пронизывает все наше общество. При постоянной нехватке самого необходимого этот принцип доходит до смешного. В на-

шем поселке существует еще несколько систем снабжения, кроме снабжения начальства. Лесорубам продают полушубки, а остальным дителям сибирского поселка - только если останутся. Сегодня в магазин для работников БАМа привезли яйца; только заводским рабочим выдают тушенку - выдают прямо на заводе, чтобы не словчили получить посторонние. Пенсионеры не получают ни того, ни другого.

Полушубок можно заменить телогрекой; но ребенку яйцо картошкой не заменишь.

В женском общежитии на БАМе "нет самого необходимого: кухонного стола, ковриков над кроватями, шкафа для белья. Спят девчата, укрывшись одеялами без пододеяльников. Их, оказывается, не только в этом, но и вдругих общежитиях нет, если не считать нескольких комплектов.

- Их мы выдаем лишь примерным жильцам. Тем, кто хорошо себя ведет, - пояснил начальник ЖКО А.Я.Остролуцкий."

Последний пример я взял из районной газеты "Коммунистический путь" от 7 мая 1977 года.

Итак, принцип иерархического распределения благ распространяется на все: от простынь до коттеджей с туалетной бумагой.

Такое положение трудящегося населения нашей огромной страны возможно лишь потому, что мы совершенно бесправны в своем доме. В СССР администрация, профсоюз, органы власти и репрессивные органы - все это звенья одной цепи, прочно сковывающей наш народ. Все организации, включая церковь, подконтрольны небольшой группе правитедей и подчинены ей. Пусть опыт наших 60 лет послужат предостережением другим народам.

Я могу понять тех американцев, которые не удовлетворены политическим, социальным или даже экономическим положением в своей стране. Я соучвствую их стремлению к лучшей жизни. Но когда я читаю восторженные корреспонденции Ваших соотечественников о моей стране - мне хочется обратиться к ним со словами из нашей современной песни: "Если это вам завидно, можете прийти и рядом сесть". Рядом с моей печкой, рядом - на кровати без протынь, рядом - в общественном сортире /желательно зимой/.

Я приглашаю к себе в гости в Чуну господ Майка Дэвидова, Гесса Холла и кого угодно еще вместе с их семьями. Если они согласятся, я буду оформлять для них официальное приглашение. Я приглашаю также любого делегата Вашего съезда, кто согласен посетить меня, и прошу Вас сообщить мне его имя для оформления официального приглашения.

Прошу принять мои приветствия съезду и пожелать Вам всем успешной деятельности на благо американских трудящихся во имя дальнейшего процветания Соединенных Штатов.

А.МАРЧЕНКО

Пос. Чуна, Иркутской обл., ул. Чапаева, д. 18

I декабря 1977 г.

ИЗ КНИГИ В.БУЙОКСКОГО "И ВОЗВРАЩАЕТСЯ ПЕТЕР..."

...Начиная с 61-го года, КГБ стал вести очень много дел о хищениях, крупном взяточничестве, валютных операциях и т.д. По таким делам под следствие попадают директора заводов, фабрик, совхозов, государственные чиновники, руководители кооперативов, то есть публика совершенно не подготовленная, с абсолютно советской психологией. ...

Помню, в 67-м году привели мне в камеру человека, пожилого уже, за шестьдесят, директора какой-то текстильной фабрики. Целыми днями он то сидел неподвижно на койке, уставясь в одну точку, то вскакивал, и бил себя кулаками по голове, бегал по камере и вопил: "Идиот! Какой я идиот! Что я наделал!" Постепенно я выспросил у него, что случилось. Оказалось, просидел он девять месяцев в КГБ и девять месяцев молчал. Практически обвинения против него не было - так, пустяки, года на три. Уже и следствие шло к концу, но наседка уговорил его сдать свои зарытые ценности - дескать, меньше дадут. И старый дурак послушался: отдал золота и бриллиантов на три с половиной миллиона рублей. Тут же ему, во-первых, влепили еще статью: незаконное хранение валютных ценностей, а во-вторых, пришлось объяснять, откуда он их достал. В результате он не только сам получил 15 лет, но и еще девять человек посадил.

История очень типичная. Знаменитый в то время Ройфман, с которого начались "текстильные" процессы, тоже молчал, и даже наседки не могли его уговорить. Тогда его вызвали Семичастный, тогдашний начальник всего КГБ, и Маляров, зам. Генерального Прокурора, и под свое честное партийное слово обещали, что его не расстреляют, если он добровольно сдаст ценности. Ройфман поверил им, сдал и и - был расстрелян. ...

В 68-м году сидел я некоторое время с Иосифом Львовичем Клемпертом, директором красильной фабрики в Москве. Дело у него было крупное - миллионы. О нем и фельетон был в газете: "Миллионер с Арбата". Он знал, что его расстреляют, но нисколько не унывал.

- Я свое пожил, - говорил он бодро, - так пожил, как никто из них не сможет! - И только об одном жалел: коньячку ему хотелось, особенно к вечеру.

Попался он весьма поучительным образом. Пока он крал, делал всякие сделки и махинации да набивал себе карман, никто его не

трогал, все ему с рук сходило. Но вот как-то захотел он построить своим рабочим дом - до тех пор жили они в бараках. Стыдно стало: что же это у м е н и так плохо рабочие живут? Официально же государство на дом для рабочих денег не дает. Потыкался он, помыкался - бесполезно.

- Да что я, бедный что ли? - решил он - Все равно деньги в земле лежат, девать некуда. - И выстроил дом целиком на свои деньги. Отгрохал домину хоть куда, как для правительства.
- Нате, живите, поминайте Иосифа Львовича!

Не успели, однако, вселиться туда рабочие - инспекция, проверки: откуда деньги, из каких фондов? Так его и зацапали. Потом под следствием вскрыли и другие махинации.

Держался он твердо, запирался до последнего и никаких денег не сдал. Но вот уже после приговора и после того, как отклонили ходатайство о помиловании, сломался и он. Стал сдавать понемножку деньги, покупая себе этим каждый раз месяца по два жизни. Кончились деньги - стал вспоминать всякие нераскрытые эпизоды, давать показания на других людей и опять каждый раз покупал таким образом месяц-другой. Два года жизни откупил он в общей сложности, потом все-таки расстреляли. ...

Дело алмазников было в то время самым крупным, [illegible] ... В тюрьме оказался весь московский алмазный завод: из 50 человек, работавших там, - 48 были арестованы за хищение алмазов. Да еще сколько покупщиков выловили. Оказывается, уже лет пять КГБ отлично знал об этом хищении, но никого не трогал. Интересовался КГБ, к кому эти камешки идут, кто покупает да куда прячет. И периодически выгребал эти запасы. Так бы, может, и по сей день стриг КГБ этих алмазных овечек - работа не пыльная. Но вот приехал на завод Косыгин, сфотографировался с передовиками производства, с мастерами, чем-то их наградил, тут-то КГБ и зацапал срочно - нужно же доказать свою полезность, показать, что без них и шагу ступить нельзя. Политический расчет, как обычно, возобладал над экономическим, и возникло гигантское "дело алмазников" - завод же остановился.

Методы и задачи КГБ мало изменились со сталинских времен, только если тогда им нужны были повсюду враги, заговорщики, чтобы запугивать народ, то теперь нужно засилье жуликов и расхитителей. Разница лишь в том, что расхитители действительно всюду и изобретать их не надо. Дух предпринимательства неистребим в человеке. Тот же Клемперт рассказывал мне, как он начал карьеру

подпольного миллионера:

- Жалко, - говорил он, - добра. Все равно пропадет, никому не нужно. Начал я с того, что стал использовать для левой продукции отходы, которые все равно выбрасывали. Потом усовершенствовали оборудование, технологию, производительность повысилась, а прибыль стали делить между собой - с этого-то все и началось. Потом оказалось, что мы не одни такие, что весь хозяйственный мир работает так же.

Действительно, каких только причудливых дел не прошло в шестидесятые годы через Лефортово. Обычно я писал этим людям кассационные жалобы, и они давали мне прочесть свои приговоры - иногда объемом в целый том, аккуратно переплетенный как книга. Десятки страниц занимало только утомительное перечисление изъятых у них ценностей: бесконечные кольца, браслеты, диадемы, золотые монеты царской чеканки, слитки, драгоценная посуда, картины, иконы - груды золота и бриллиантов. Целые предприятия работали, вместе с парткомами, профкомами и соцсоревнованиями, а доходы шли в карманы частных лиц - замминистров и начальников управлений. И, наоборот, числились на бумаге целые промышленные комплексы, значились в планах, получали государственные ассигнования - в действительности же рос на их месте среднерусский лесок или расстилались степи. Все контролеры и инспекторы получали регулярную зарплату от расхитителей, и процветали мифические предприятия. Даже ОБХСС был у них на зарплате. Куда там Чичикову с его убогими мертвыми душами! Даже мэр Москвы Бобровников сел в тюрьму за торговлю квартирами. А секретарь Рязанского обкома партии Ларионов застрелился, когда вскрылись его махинации.

Хрущев был недалек от истины, когда в одном из своих выступлений сказал: "Если бы у нас хоть на один день перестали воровать, коммунизм был бы давно построен". Не понимал он только, что без этого "воровства" советская экономическая система вообще бы не работала.

Без приписок и махинаций ни один план не был бы выполнен, а без этой, хоть нелегальной, частной инициативы вообще ничего бы не производилось в стране. Все эти колхозы и совхозы, которые стали образцово-показательными хозяйствами-миллионерами, выжили только потому, что ими руководили умные хулиганы. Чаще всего их и хулиганами-то назвать трудно. С точки зрения общечеловеческой, эти миллионеры никакого преступления не совершили. Только советская юстиция считает преступным экономически разумное ведение хозяй-

ства.

Помню, сидел со мной мужичок, все преступление которого сводилось к нормальному коммерческому посредничеству, и никому он вреда не причинил. Он приезжал на угольную шахту и предлагал за умеренную плату убрать с территории шахты горы шлака. Директор был счастлив: за эти горы шлака он уже получил не один выговор от начальства. Да и мешают. Затем мой мужичок ехал в колхозы и предлагал председателям дешевый шлак для коровников. Те тоже были счастливы. Тогда мой сокамерник брал колхозные машины, мужиков и ехал убирать шлак с шахты. Всем было хорошо, все стороны были в восторге, одним махом решалась масса хозяйственных проблем, и только мой предприимчивый сосед получил в результате шесть лет тюрьмы.

Тот же Иван Иваныч Трофимов, мой застенчивый наседка, рассказывал о своей работе начальником строительного управления, как о сущем кошмаре.

- Сначала они сами же толкают тебя на преступление, - рассказывал он, - а потом сажают. Что ни месяц, требуют из обкома партии сдать досрочно то один объект, то другой, при этом отлично зная, что ни фондов, ни строительных материалов у меня для этого нет. Изворачивайся Иван Иваныч, как знаешь, - их дело приказать. Это еще что, а то для них лично, левым образом, требуется построить то гараж, то виллу или дорогу к дому. И письменных приказов никто, конечно, не посылает, а трубочку поднимет: "Иван Иваныч, сделай доброе дело, сам знаешь..." И все. Будто у Иван Иваныча свой завод или своя фирма. Как быть? Не сделаешь - сразу найдут у тебя недостатки. Тут же Иван Иваныч оказывается и мошенником, и расхитителем. А рабочие? У меня по управлению только краски за день на 500 рублей крали - им же тоже нужно подработать, на зарплату не больно-то проживешь. А с кого спросят? С Иван Иваныча!! Хочешь, не хочешь, а воруй...

Очень его возмущала система образования:

- Учат всякой чепухе, которая никогда потом не понадобится. Всякая высшая математика, сопротивление материалов. Нет чтоб сразу учить, как доставать эти материалы, как взятки давать да липовые наряды закрывать. А то приходят из институтов - инженеры называются, бегают с логарифмическими линейками, а как выбить цемент с завода, не знают.

Случайно попались ему в руки из тюремной библиотеки "Записки" Гвиччардини издательства " " 30-х годов.

- Вот это был деловой человек, - восхищался он, - правильно жизнь понимал! Для делового человека прежде всего что нужно?

Уметь правильно выбрать личного шофера, чтоб не болтливый был, преданный. Секретарши - тоже важный пункт. Чтоб все свои, чтоб болели за общие интересы.

Делал он все время какие-то пометки и выписывал чуть ли не полкниги.

- Освобожусь - напишу пособие для делового человека. Только не издадут, сволочи, - лицемеры. Все знают, что так, а вслух не скажешь.

Да, каких только великих махинаторов и комбинаторов не видела Лефортовская тюрьма! Погиб здесь в 60-е годы весь цвет экономической мысли. Один мой сокамерник, тот, что три с половиной миллиона государству подарил, с грустью говорил мне:

- Зря-то я взялся за эти дела. Тесть-покойник много раз говорил: "Миша, брось, зачем тебе эти мелочи? Я ворую - нам всем хватит, еще внукам останется!" Нет, не послушал. Жалко было - пропадает добро.

Тестя его, впрочем, тоже расстреляли - по другому делу.

Удивительное дело - увлеченные проблемой интеллектуальных свобод, не заметили мы, что в 60-70 годы власть фактически пыталась уничтожить экономическую оппозицию в стране, зарождающийся подпольный капитализм. Тогда и наверху существовала оппозиция - так называемые экономисты, или менеджеры. Никакой особой теории у них не было, и все их предложения сводились к одной очень простой мысли: чтобы развивалась экономика, нужно платить людям деньги за их труд, настоящие деньги, не сковывать до такой степени хозяйственную инициативу аппарата управления. Даже с марксистской точки зрения - первична экономика, а не идеология.

К началу шестидесятых стало очевидно, что экономика страны находится в таком развале, что всерьез стали думать о возможности второго НЭПа. И уж по крайней мере была очевидна необходимость широких экономических реформ с введением большей материальной заинтересованности. Было проведено несколько любопытных экспериментов, о которых взахлеб писали газеты. Однако первые восторги от поразительных результатов этих экспериментов быстро прошли - слишком очевидно проступало в них превосходство капиталистического принципа ведения хозяйства над социалистическим. Было ясно, что проведение таких экономических экспериментов в масштабах страны хотя и даст стремительный экономический рост, выведет ее из полувекового застоя, но тотчас же породит все те "язвы" капитализма, которыми наша пропаганда пугает детей с малолетства. Моментально возникнут безработица, инфляция и "анархия производства" - то есть рыночное

хозяйство, и государство не сможет жестко контролировать экономику. Самое же главное - это сделает абсолютно ненужным и невозможным партийное руководство хозяйством, а люди станут более независимыми - государство не сможет больше шантажировать их каждой копейкой.

Естественно, это породило скрытую, но отчаянную борьбу между "экономистами" и "идеологами". Основным аргументом "идеологов" была картина грядущего всеобщего воровства, хищений и бесконтрольной экономики: теряя контроль над экономикой, партия теряла контроль над всей жизнью страны. Планы "экономистов" фактически исключали руководящую роль партии, но сказать открыто они этого не могли. Шла глухая борьба между партийным и государственным аппаратом, и все это под флагом экономической реформы, необходимости которой не отрицал никто. Даже Брежнев в своем закрытом письме в ЦК в декабре 69-го года признавал отчаянное положение промышленности.

Вот в этой-то борьбе и понадобились все хозяйственные процессы - эквивалент террора 30-х годов. Известно, что только с ноября 1962 года по июль 1963 года прошло более восьмидесяти хозяйственных процессов в десятках городов Советского Союза, и на них было вынесено 163 смертных приговора. Поразительно, что Запад со своими исследовательскими институтами, занятыми советологией, совершенно проглядел смысл происходящего. Смешно вспоминать протест лорда Рассела, который не усмотрел в этих приговорах ничего кроме антисемитизма. С таким же успехом можно увидеть только антисемитизм в преследованиях троцкистской оппозиции.

Одних уголовных репрессий, конечно, было бы недостаточно для того, чтобы обеспечить победу "идеологов", - решающую помощь им оказал Запад. В качестве альтернативы широким внутренним реформам "идеологи" выдвинули план "мирного наступления", разрядки. Они сделали ставку на получение широкой экономической помощи и увеличение торговли с Западом. Зачем нужны опасные реформы, если все можно получить в заграничной упаковке? Даже пшеницу можно сеять в Казахстане, а урожай собирать в Канаде. Все эксперименты были прекращены, а экспериментаторы, как правило, оказались в тюрьмах.

Символична в этом смысле судьба Ивана Никифоровича Худенко. Крупный финансовый работник Совета Министров СССР в ранге замминистра, Худенко в 1960 г. добровольно взялся провести экономический эксперимент в совхозах Казахстана. Предложения Худенко были очень просты: он предлагал систему полного хозрасчета и хозяйственной самостоятельности, а главное - реальную систему материально-

го стимулирования. Оплачивались достигнутые результаты, а не затра
ные усилия. Эксперимент имел фантастический успех. Занятость люде
машин в совхозах сокращалась в 10-12 раз, себестоимость зерна - в
раза. Прибыль на одного работающего возрастала в 7 раз, а зарплата
в 4 раза. С цифрами в руках Худенко доказал, что повсеместное введе
ние его системы в сельском хозяйстве страны позволит в 4 раза увел
чить объем производства - при том, что заняты в сельском хозяйстве
будут пять миллионов человек вместо нынешних тридцати миллионов.

Об эксперименте Худенко восторженно писали газеты, снимали фил
мы, однако никто не спешил применять его систему в масштабах страны
Более того, в 1970 г. его совхоз "Акчи" был закрыт по распоряжению
сверху. Совхоз закрыли в разгар сезона, не заплатив рабочим денег и
не вернув сделанных ими капиталовложений. Худенко и его рабочие про
должали борьбу легальными средствами, обращаясь в суды. Перипетии
этой борьбы отражали борьбу внутри советского руководства. Решения
судов несколько раз отменялись и принимались новые. Некоторые орган
прессы продолжали писать о ценности эксперимента. И, наконец, в ав-
густе 1973 г. Худенко и его заместитель были осуждены за "хищение г
сударственной собственности" - к шести и четырем годам. Даже после
приговора продолжались протесты крупных хозяйственных работников
страны по этому делу. 12 ноября 1974 года Худенко умер в тюремной
больнице.

И это далеко не единичный случай уголовного подавления новых
экономических тенденций. То, что в 60-е годы было разрешено сверху,
в 70-е сверху же расценивалось как уголовное преступление. В середи
60-х годов по всей стране возникли клубы "Факел" - добровольные соо
щества технической интеллигенции, которые на договорных началах вы-
полняли заказы на технические проекты, внедрение новой техники и ра
ционализацию. Те же самые инженеры и научные сотрудники, которые
днем в своих НИИ и КБ за зарплату не могли осуществить этих проектов
- в свободное от работы время, самостоятельно, без парткома и профко
ма, но за хорошую плату, делали это отлично, в рекордные сроки и при
нося государству многомиллионные прибыли. В семидесятые годы, в раз-
гар разрядки и импорта западных капиталов и технологии, все до одно-
го эти клубы были закрыты, а руководители их сели в тюрьму.

Но все эти процессы не прошли бы так гладко, не будь к ним пси-
хологической подготовки в виде процессов подпольных миллионеров. Нуж
но было прибрать экономическое руководство страны к рукам, запугать
расправами, показать уродливую, хищническую сущность этого неизбежно
нарождающегося капитализма. Почти как в тридцатые годы, нужно было
сделать из них врагов, преступников и на них же свалить ответствен-
ность за все хозяйственные неудачи. Для народа это тоже звучало убе-

дительно: "Если б хоть один день не воровали, давно был бы коммунизм! Вот кто враг - держи вора! И стоило Косыгину похвалить алмазный ~~ваш~~ завод, как всех уже взяли. ...

Но вот задачили экономическую оппозицию, и к середине 70-х годов кончились процессы расхитителей, точно воровать в России перестали. Нет больше надобности. Даже полемику в "Литературной газете" допустили о проблемах экономики и права. Академики, Герои Социалистического Труда, директора предприятий, ведущие экономисты писали, что правовые нормы в хозяйстве настолько запутаны и противоречивы, что фактически любой из них каждодневно совершает преступления. И поскольку это уже потеряло политическое значение, даже Брежнев сказал свое слово: пообещал улучшить законодательство. На том полемика и кончилась.

Не кончилась только вечная экономическая война граждан с властями. Как только люди изобретают способ заработать сверх своей убогой зарплаты, так государство объявляет этот способ вне закона. Купил человек машину - казалось бы, кому какое дело? Нет, тут как тут полиция - откуда деньги взял? Да что там машина, в ресторан лишний раз сходил - уже следить начинают. Знают, бесы, что обычному советскому человеку на зарплату машины не купить, да и в ресторан не разбежишься ...